тр. 6 калм

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.П. ПОПОВ

СТАЛИН И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(1946-1953)

Издание второе ,исправленное

Издательство РАГС
Москва - 2002

УДК 33
ББК 63
П 11

Рекомендовано к изданию
кафедрой истории российской государственности

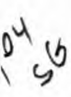
Рецензенты:
А.А. Данилов,
доктор исторических наук, профессор
Л.Н. Денисова,
доктор исторических наук, профессор

ПОПОВ В.П.

П11 Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. (1946-1953 Издание второе, исправленное. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 158с.

На основе архивного материала рассматриваются проблемы экономической политики в первые годы послевоенного периода: промышленное производство СССР, денежная реформа и финансовая политика, аграрные проблемы и социальные последствия, проводимой в эти годы экономической политики.

Для изучающих экономическую историю России.

К читателям

Историки, публицисты, экономисты детально анализируют время первых послевоенных лет. Одни считают его своего рода “счастливым прошлым”. В стране, разгромившей фашистскую Германию во Второй мировой войне, восстанавливались и строились заводы и гидроэлектростанции, была изготовлена и испытана атомная бомба, раньше, чем в большинстве европейских стран, отменена карточная система, ежегодно снижались цены на продукты питания.

Другие возражают: никакого “светлого прошлого” не было. Послевоенные годы – это голод 1946-1948 гг., принудительный труд в колхозах за “палочки” трудодней, длинные очереди за самым необходимым – хлебом, растительным маслом, сахаром, а милитаризованная экономика, окончательно утвердившаяся после войны, оказалась неэффективной для мирной жизни.

Как было в действительности? Что представляла собой экономика страны в первые годы послевоенного периода? Какие цели в экономическом развитии страны преследовал глава СССР – Сталин? Поиск ответов на эти и ряд других вопросов содержится в предлагаемой читателям книге. Ее автор – профессор В.П. Попов – известен своими исследованиями истории российского крестьянства в 30-е – первой половине 50-х годов. В этой книге он продолжает анализ социально-экономической истории нашей страны. В основу работы положено изучение обширнейшего комплекса документальных источников – материалов из архивов Сталина, Политбюро, Секретариата ЦК ВКП(б), Совета Министров СССР, мемуаров ряда “главных действующих лиц” тогдашней власти. Книга характерна доказательностью и точностью анализа. Прошлые проблемы обладают свойством отражаться в будущем. Старые рецепты манят простотой своего применения. Тем важнее знать действительную картину прошлого, чтобы не повторять его ошибок.

Доктор исторических наук, профессор *Р.Г. Пихоя*

Введение

Проблема экономической политики советского государства в отечественной литературе изучена слабо. Главная причина такого положения – отсутствие фактических знаний о механизме принятия решений в высших властных структурах страны: в Политбюро ЦК партии и Совмине СССР. Сказалась также и идеологическая заданность советской науки, призванной не изучать проблему, а лишь "озвучивать" партийные и правительственные решения.

В одной из немногих работ, изданной в 1971г. и непосредственно посвященной данной проблеме, под экономической политикой советского государства понималась "деятельность социалистического государства по планомерному регулированию народного хозяйства, экономических отношений между людьми"[1]. Авторами подчеркивались такие черты этой политики, как научный характер, опирающийся на объективный закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил; достижение – в качестве высшей цели – роста благосостояния народа; научное формирование структуры производства, выраженное в том числе в умелом использовании достижений научно – технического прогресса; совершенствование форм и методов хозяйственного руководства; укрепление плановой дисциплины; единство целей партии и народа. Один из авторов этой книги уже в наши дни отмечал, что экономическая модель народного хозяйства, реализованная в России после Октября 1917 г., была не случайной, поскольку "представляла собой вариант

[1] Вопросы экономической политики КПСС на современном этапе. М., 1971. С. 6. Эта работа – одна из немногих на данную тему; большая часть трудов экономистов посвящена истории экономики или истории экономических учений. Большинство экономистов под экономической политикой понимают определенную степень воздействия государства на экономику, при этом во многих работах, как правило, отсутствует конкретный анализ целей и результатов экономической политики. Эта черта присуща и историческим исследованиям. Назовем еще одну особенность, подмеченную современными учеными: если западные экономисты в основание общетеоретических построений закладывали "реально функционирующие экономики", то советские поступали противоположным образом – реальная экономика "подтягивалась" под доктринальные установки. В целом это "наследие" не изжило себя и сегодня. Специально по данному вопросу см.: *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX – XX веках. СПб., 1998; *Кудров В.М.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997 и др.

отображения реальных экономических тенденций мирового развития в начале XX века"[1].

Авторы названной работы не объяснили, почему в странах, развившихся в начале XX века по той же экономической модели, что и Россия (Италия, Германия), в конце XX столетия были достигнуты совершенно иные результаты, чем в России. При этом три страны пережили сходство не только экономической модели развития, но и авторитарных политических режимов, прошли через гражданскую и мировые войны. Следовательно, наряду со сходствами важны и отличия, которые нуждаются в конкретном историческом изучении.

Ныне результат прежней экономической политики КПСС определяется теми же авторами как "крах огосударствленной олигархической системы", а в качестве главной характеристики советской экономики называются ее "командный, директивно управляемый характер", "инерционно-экстенсивный характер с односторонним акцентом на тяжелой индустрии и военном производстве"[2].

Столь радикальная смена оценок свидетельствует: или экономическая политика, проводимая КПСС, не учитывала объективных законов и реалий экономической жизни страны и надстройка „обогнала" базис, превратившись в олигархическую систему (чего не заметили в 70 – е годы ведущие советские экономисты), или советская теоретическая мысль серьезно разошлась с советской практикой, оставив за последней решающее слово. Итак, имеются все основания для изучения экономической политики советского государства с точки зрения ее *практической реализации*, которая и может помочь понять действительные цели советской экономической политики.

В качестве объекта изучения мы выбрали наименее исследованные аспекты экономической политики второй половины 40 – х – начала 50 – х годов: промышленное производство страны, финансовую политику правительства, зерновое производство как основу сельского хозяйства, социальные последствия.

Данная книга является итоговой – в ее основе лежит большой фактический материал, опубликованный в других наших работах[3]. Она явля-

[1] Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. М., 1997. С. 39.

[2] См.: Там же. С. 6, 79, 117 и др.

[3] См.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство. 1945-1953 гг. Париж, 1992; *Он же.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М, 1993; *Он же.* Государст-

ется вторым изданием вышедшей ранее работы[1]. В ней изменена структура, расширена источниковая база исследования, появился ряд новых сюжетов. Учтены также замечания, высказанные в ходе обсуждения первого издания. Источниковую базу книги составили фонды АПРФ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГАНИ.

До настоящего времени остается неразработанной методология проблемы, причем начиная с ключевого для нашей темы определения – *что следует понимать под экономической политикой советского государства?* Экономические цели советской политики, получившие закрепление в конституциях и иных программных документах, являлись, по сути, идеологическим прикрытием действительных целей правящей верхушки, интересы которой противоречили интересам общества. Имела место обычная в политической истории подтасовка терминов. Так, в первой Конституции РСФСР 1918 г. в области финансовой политики декларировалось достижение "всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств", а в Конституции СССР 1936 г. утверждалось, что социалистическая система хозяйства покоилась на уничтожении эксплуатации человека человеком. Это "лозунговое законодательство" конституций, как известно, находилось в противоречии с действительностью.

Центральным пунктом экономической программы большевиков стало обобществление всех средств производства, земли и иных природных богатств страны, передача их в руки советской бюрократии – правящего "от лица народа" слоя управленцев-кормленщиков.

Все сказанное выше позволяет определить экономическую политику советского государства как *поиск, налаживание и поддержание в нужном режиме специальных механизмов в экономике, которые гарантировали правящему слою стабильность господства над населением России и распространение своего господства за пределы державы.*

венный террор в советской России // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20 – 31; *Он же.* Голод и государственная политика (1946 – 1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 36 – 60; *Он же.* Паспортная система в СССР. 1932 – 1976 // Социологические исследования. 1995. № 8,9; *Он же.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40 – е годы // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. № 3, 4; *Он же.* Советские лидеры об экономических проблемах социализма // Власть и общество России. XX век., Тамбов, 1999. С. 341 – 352.

[1] См.: *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. М.; Тамбов, 2000.

В книге подробно рассмотрены некоторые из этих механизмов (колхозная система, паспортный режим, налог с оборота и др.).

Что касается вопроса о распространении правящим слоем СССР "своего господства за пределы державы", то можно сослаться на послевоенную политику Сталина в странах "народной демократии", попавших в сферу советских интересов. Как показывают современные строго документированные исследования, создание Коминформа имело целью "ускорить претворение в жизнь плана установления монопольного контроля над собственной сферой влияния", создать в этих странах внутренние режимы, соответствующие советской модели развития[1].

Существовало немало других механизмов, которые не имели ничего общего с вековыми культурными традициями хозяйственной жизни России, но которые позволяли советскому чиновнику так управлять экономикой страны, чтобы сохранить главное – свою власть над народом.

Таким образом, мы рассматриваем экономическую политику лишь *как средство обеспечения политического господства советской номенклатуры.* Чтобы прикрыть узкие и своекорыстные цели достижения абсолютного господства, власть была вынуждена прибегать к идеологической маскировке, отождествляя свои интересы с интересами многомиллионной страны и выдвигая в качестве стратегической задачи построение социализма в СССР.

Подчеркнем одно важное обстоятельство, связанное с *оценкой* экономической политики советского государства. Официально объявленные цели социалистического общества – равенство в производстве и распределении материальных благ, рост материального благополучия людей и культурный расцвет наций, уничтожение эксплуатации человека человеком и пр., и пр. – это всего лишь лозунги, направленные на завоевание советскими вождями "масс". Действительные цели, как уже отмечалось, – сохранение господства. Если бы цели соответствовали лозунгам, рано или поздно, невзирая на войны, революцию и разруху, народы Советского Союза зажили бы лучше, счастливее. Этого не происходило на протяжении всей советской истории.

Годы относительного благополучия не могли скрыть язвы реальной жизни – подготовку к войне в условиях мирного времени (и потому непрерывную гонку вооружения, высасывающую из народного хозяйства луч-

---

[1] См.: Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998, С. 26, 33, 379 и др.

шие соки); правовую несвободу населения, покорность которого зиждилась на невиданном государственном терроре; постоянный товарный голод и дефицит материальных благ, вынуждающий людей к воровству и увеличивающий преступность; творческий и духовный застой культуры, зажатой в тисках идеологической цензуры. О масштабах этих отрицательных явлений, их укорененности в жизни страны свидетельствуют цифры. Табличный материал книги – одно из главных доказательств наших выводов, некие рентгеновские снимки, позволяющие наглядно показать глубоко скрытые внутренние болезни советского общества.

В полном соответствии со своими действительными целями экономическая политика Советского Союза носила агрессивный характер. Если во внутренней хозяйственной жизни главным способом решения больших и малых проблем стало внеэкономическое принуждение товаропроизводителей (проще говоря, грабеж населения) и соответствующая антирыночная идеология, направленная против любой формы хозяйственной самостоятельности, то во внешней политике хозяйственное строительство социализма в СССР рассматривалось советскими вождями как продолжение прежней военной борьбы с капитализмом до окончательной победы над ним во всемирном масштабе.

Именно в силу внутренней природы государственной власти, играющей определяющую роль для общественного организма, советская экономическая модель не подлежала реформированию и не подразумевала опору на рынок и товарно-денежные отношения. Этот простой и очевидный для политиков сталинской формации факт (например, для В.М. Молотова, активно предупреждавшего в 60-70-е годы своих преемников в Политбюро о том, что любые попытки соединить достоинства капиталистической и социалистической систем подрывают последнюю в корне) не был понятен тем, кто пришел им на смену. В конечном итоге Молотов оказался прав – советская система распалась после того, как действия "реформаторов" зашли за критическую черту и разразился кризис власти.

Период с 1946 по 1953 г. – это важный этап экономической политики СССР. Победив в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., Советский Союз принял вызов Соединенных Штатов Америки и включился в борьбу за мировое лидерство. Эта гонка наложила отпечаток на весь послевоенный период, советское правительство перешло к жесткому силовому давлению и во внешней, и что было гораздо важнее для будущего страны, во внутренней политике. По-прежнему сохранялись черты чрезвычайщины в экономике, характерные для периода индустриального рывка и военного времени: вложение средств, полученных за счет сельского хозяйства и налогов с населения, в промышленность (в первую очередь в военно-промышленный комплекс); признание базовых отраслей промышленности приоритетными; полное отсутствие заинтересованности в прибыли хозяйственных субъектов; принудительное государственное свертывание рыночных отношений, развившихся за военные годы; ужесточение трудового законодательства; достижение в качестве одной из главных целей экономической политики наиболее полной хозяйственной автаркии, т.е. замкнутой самообеспечивающейся экономики; накопление стратегических ресурсов для подготовки к войне.

Важной темой книги является оценка роли Сталина в проведении советской экономической политики. Сталин формировал экономическую политику и устанавливал ее приоритеты, миловал и карал. Борьба за сохранение личной власти внутри страны и столь же жестокая борьба за роль мирового лидера на международной арене – вот круг его непосредственных интересов, ради достижения которых делалось все: перенапрягались и использовались людские и материальные ресурсы огромной страны; увеличивался экспорт зерна за границу для поддержки европейских коммунистов, а в результате умирали голодной смертью сотни тысяч граждан своей страны, оставленные без государственного продовольственного обеспечения; загонялись в лагеря и тюрьмы люди, не согласные принести "последние жертвы" (сталинское изречение) на алтарь гонки вооружений.

В последние годы появились исследования, рассматривающие природу государственной власти в СССР на конкретно – историческом материале с привлечением широкого круга ранее неизвестных архивных источников. Здесь – фундаментальный труд Р.Г.Пихои, выдержавший два издания, работы А.А.Данилова, А.В.Пыжикова, О.В.Хлевнюка, Е.Г.Гимпельсона, Ю.Н.Жукова и других[1].

---

[1] См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945-1991. М, 1998. Второе издание книги (вышедшее в Новосибирске в 2000 г.) наряду с другими дополнениями, содержит важное в методологическом отношении послесловие – post scriptum, в котором дана общая характеристика историографии проблемы и источниковой базы исследования (см. также нашу рецензию на первое издание книги Р.Г.Пихоя: *Попов В.П.* Власть в потоке времени // Дружба народов. 1999. № 6. С. 126-132); *Данилов А.А.* Сталинское Политбюро в послевоенные годы // Политические партии России. Страницы истории. М, 2000. С. 193-221.; *Данилов*

Большинство выводов вышеупомянутых работ прямо корреспондируются с выводами нашей книги: советская экономика полностью подчинялась диктату сталинского политического режима.

Какую бы сторону хозяйственной жизни страны мы ни взяли, везде видна одна и та же картина – интересы людей приносились в жертву так называемым государственным интересам, которые являлись ничем иным, как интересами правящей верхушки. И ближайшее сталинское окружение – В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян и пр., – так же как и Сталин, рассматривало экономическую политику в качестве еще одного весьма специфического вида борьбы за власть. Правительственные документы позволяют наглядно проиллюстрировать наш вывод, в книге приведены конкретные примеры этой борьбы.

Однако в отличие от своих преемников – Н.С Хрущева, Л.И. Брежнева, и других – И.В. Сталин обладал стратегическим экономическим мышлением, что позволяло ему видеть прямую связь между народным хозяйством страны и советским обществом в целом[1]. Иное дело, и это также показано в книге, что реализация стратегических планов вождя на практике обернулась трагедией для миллионов жителей Советского Союза, что в погоне за ролью мирового лидера были принесены в жертву насущные интересы народов огромной страны, и что сами эти жертвы оказались напрасными. Таким образом, в долгосрочной перспективе экономическая стратегия Сталина оказалась исторически несостоятельной.

А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М, 2001 (см. нашу рецензию на книгу А.А. Данилова и А.В. Пыжикова // Отечественная история. 2002. №1. С. 218-221); *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. М, 1996; *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система в 20-е годы. М, 2000; *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М, 2000. К сожалению, Ю.Н. Жуков сводит большую и разноплановую тему "власть в СССР" почти целиком к анализу "подковерной борьбы" между Сталиным и его ближайшим окружением, что значительно выхолащивает проблему. Отчасти несколько поверхностный характер книги можно объяснить тем, что в распоряжении Ю.Н. Жукова не было материалов из фондов Президентского архива, а также почти полным игнорированием автором работ предшественников. См. также обширную документальную публикацию по проблеме: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945 - 1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и д.р. – М., 2002.

[1] Специально об этом см.: *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М, 2000, С.131 – 133.

Глава первая

Промышленное производство в СССР

Победа СССР в войне, достигнутая ценой огромных усилий и жертв, тем не менее являлась для советского руководства ярким доказательством правильности довоенного курса на сверхиндустриализацию и первоочередное развитие тяжелой промышленности. Об этом свидетельствует речь Сталина перед избирателями в феврале 1946 г. В фондах РГАСПИ имеется брошюра с печатным текстом этой речи с пометками вождя, которые позволяют с достаточным основанием судить о главных аспектах послевоенной сталинской политики, включая и экономический[1]. Сталин придавал большое значение своей речи, о чем свидетельствуют материалы его личного архива. Подготавливая в 1952 г. свою речь 1946 г. к новому изданию отдельной брошюрой, Сталин дал указание Поскребышеву выделить жирным шрифтом те предложения из своей речи, которые помогли бы читателю понять, при помощи какой политики коммунистической партии удалось правильно использовать материальные возможности страны для развертывания военного производства и снабжения Красной Армии необходимым вооружением[2].

Весь тон сталинской речи сводится к подчеркиванию преимуществ советского общественного строя перед несоветским, строя, который "выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность". Воздал он должное и советской индустриализации с коллективизацией, которые составили существо политики коммунистической партии в предвоенные годы. Война, по мнению Сталина, доказала не только жизнеспособность советского общественного строя, но и то, что он являлся "лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй". Тем самым всем давалось понять, что будущее переустройство мира будет идти под эгидой СССР и что за образец должен быть взят советский общественный, государственный и экономический строй.

Стремясь обосновать преимущества СССР в этом историческом споре с капиталистическим миром, Сталин специально в своей речи останавливался на природе кризиса капиталистической системы мирового хозяйства. "Неравномерность развития капиталистических стран, – указывал он,

---

[1] См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Д.346. Л.1-24

[2] См.: РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.1127. Л.18-23

– обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить “сферы влияния” в свою пользу – путем применения вооруженной силы. В результате этого возникает раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними”. Каждый из кризисов, указывалось в речи, приводил к очередной мировой войне.

Все эти рассуждения, видимо, должны были, по замыслу вождя, подвести слушателей к мысли о возможности Третьей мировой войны и необходимости для СССР быть готовым к ней. В конце речи, обосновывая необходимость поднять в перспективе уровень отечественной промышленности втрое по сравнению с довоенным уровнем, Сталин прямо заявил, что только при этом условии можно считать страну гарантированной “от всяких случайностей”. В речи декларировалось и “особое внимание”, которое правительство будет уделять в своих планах “поднятию жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары”. Таким образом, во многих отношениях эта речь может считаться программой, рассчитанной на длительный послевоенный период. Отметим, что в дальнейшем Сталину пришлось корректировать свои экономические и политические прогнозы, но это обстоятельство ни в коей мере не поколебало в нем убежденности в правильности основополагающих принципов созданной под его руководством системы.

Война чрезвычайно усилила роль аппарата власти, привычку решать большинство возникающих экономических проблем силовыми, административными средствами. В рабочих записях Сталина, относящихся к подготовке проекта новой программы партии (лето 1947 г.), имеется следующее важное положение: “В области политического строительства: сохранить и усилить советское государство с его армией, с его органами разведки и администрации, – пока существует капиталистическое окружение”[1]. В этих словах нет уже ничего общего с теми пунктами второй программы партии, принятой VIII съездом (март 1919 г.), в которых говорится о постепенном вовлечении в работу по управлению государством “каждого члена Совета” и “всего трудящегося населения поголовно”; о том, что всестороннее проведение этих мер наряду с упрощением функций управления и при повышении культурного уровня трудящихся приведет “к уничтожению государственной власти”. Не случайно эти страницы программного документа партии испещрены сталинскими подчеркиваниями и символичными пометами на полях – “не то”[1]. Именно военный опыт государственного строительства, успешная деятельность чрезвычайных органов – Государственного Комитета Обороны, Совета по эвакуации, спецкомитетов и особых комитетов правительства – окончательно убедили Сталина в неизменности его приоритетов во внутренней и во внешней политике. Таким главным и основным приоритетом должен был быть аппарат власти с ним, Сталиным, во главе.

[1] РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.122. Л.44.

Еще одним важным фактором, во многом определяющим экономическую политику в послевоенный период, стала борьба СССР с США за мировую гегемонию. В уже упоминавшихся материалах к проекту новой программы партии против текста, характеризующего послевоенную борьбу США за мировое господство, Сталин оставил следующую интересную запись: “Теория “космополитизма” и образования Соед. Штатов Европы с единым пр-вом. “Мировое правительство”[2]. Эта помета весьма полно характеризует, *как* Сталин воспринимал послевоенную расстановку сил на мировой арене, *чем* объяснял необходимость борьбы с внутренним и внешним врагом, *почему* был убежден в необходимости дальнейшего укрепления аппарата власти, в том числе, власти личной.

[1] РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.122. Л.3-41.

[2] Там же. Оп.11. Д.123. Л.10-11. Еще в 1915 г. В.И. Ленин следующим образом разъяснял лозунг “Соединенных Штатов Европы” в связи с острой дискуссией по этому вопросу, которая развернулась на конференции заграничных секций РСДРП: “Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний (...) При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств (...) Конечно, возможны *временные* соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашения *европейских* капиталистов ... о чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе”. (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.26. С. 353-354). Как видно из приведенных цитат, оба вождя, каждый в конкретной исторической ситуации, рассматривали экономический союз капиталистических держав как средство подавления социализма. Сталин, безусловно, учитывал призыв Черчилля к созданию после войны “братского союза англоязычных народов” (выражение из знаменитой фултонской речи), острие которого было направлено против СССР, подготовку США плана Маршалла, который под видом экономической помощи Европе создавал мощный бастион против “советского экспансионизма”, другие внешнеполитические шаги ведущих западных держав. “Холодная война” вовлекала в свою орбиту все большее число участников, что, видимо, дало Сталину основание говорить о “мировом правительстве”.

Пятилетний план, принятый по докладу председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, предусматривал восстановление довоенного уровня промышленного производства уже в 1948 г., а к концу пятилетки его превышение на 48%. Этот план ставил слишком трудные задачи для истощенной войной страны. Возможно, если бы кремлевскому руководству удалось достигнуть решения обеих стратегических задач – поднять уровень довоенного производства в 1,5 раза и улучшить материальные условия жизни людей, у советской системы имелись бы исторические шансы выиграть спор со своим основным конкурентом послевоенного времени – США. Правительство не собиралось пересматривать принципиальных основ советской экономической системы, т.е. в первую очередь восстанавливали и развивали тяжелую промышленность, без которой считалось невозможным "быстрое и успешное восстановление и развитие всего народного хозяйства СССР". Вторая задача – восстановление и развитие материального уровня жизни людей – решалась так, как позволяли экономические возможности системы: на потребление шло то, что представляло собой "остаток" от производственных нужд. И в послевоенные годы этот принцип распределения материальных ресурсов в стране не изменился. Что же касается политики снижения цен, проводимой в рассматриваемый период, то, как будет показано ниже, она целиком основывалась на сверхэксплуатации деревни.

В отличие от СССР США стали господствующей мировой державой, обладающей огромной экономической мощью: за годы войны они потеряли всего 405 тыс. человек убитыми и увеличили валовой национальный продукт в 1,7 раза (без учета инфляции). Доллар стал самой устойчивой валютой, а Нью-Йорк – самым большим финансовым рынком мира. В стране не только быстро завершился перевод экономики на выпуск мирной продукции, но была преодолена инфляция, поднята заработная плата рабочим, сохранено технологическое превосходство и достигнута самая высокая в мире производительность труда. Трудно сказать, как повлияло бы на исход исторического спора то обстоятельство, если бы война непосредственно затронула территорию и население США в равной степени с СССР.

Тем не менее советское руководство надеялось выиграть эту невиданную в истории гонку за мировое господство.

Как отмечал Сталин в своей февральской речи 1946 г., трехкратное увеличение объемов промышленного производства должно было занять

"три новых пятилетки, если не больше". При такой стратегии проблема темпов экономического роста выдвигалась в разряд первоочередных. Следует также учесть, что борьба СССР за мировую гегемонию обусловливала достижение максимально высокого прироста промышленной продукции. Величина прироста задавалась уровнем промышленного развития западных стран. Чтобы выдержать экономическую конкуренцию как необходимое условие удержания политической власти в стране, советское руководство было вынуждено утверждать плановые показатели отечественной промышленности на пределе возможного, неизбежно каждый раз склоняясь в сторону плана-максимума и заведомо смиряясь с неизбежным срывом в отдельных отраслях. Поэтому советские пятилетки никогда не достигали в полном объеме показателей, заданных плановыми цифрами. Эта хроническая болезнь преследовала советскую экономику и в послевоенные годы[1].

В феврале 1952 г. на беседе членов Политбюро ЦК ВКП(б) с ведущими экономистами страны Сталин еще раз уточнил: "Метод расчетов, исходя из производства на душу населения, сохраняет свою силу. Производство на душу населения – это *основная мерка экономической мощи страны* (курсив наш. – *В.П.*), другой мерки нет, мерка остается старая... Надо сравнивать наше производство на душу населения с современными цифрами капиталистических стран"[2]. Одновременно он подчеркивал, что "сейчас надо для оценки состояния капитализма брать не одну страну, а брать капиталистическую систему в целом"[3].

Коротко остановимся на вопросе о трофейном оборудовании, сыгравшем большую роль в восстановлении народного хозяйства страны. По данным Особого Комитета при Совмине СССР, который возглавлял Г.М.Маленков, к декабрю 1946 г. в нашу страну прибыло оборудование и материалы с 4 тыс. немецких и японских предприятий в количестве 9,5 млн т (около 732 тыс. вагонов). Среди них: оборудование электростанций

---

[1] См.: В 1950 г. Госплан СССР по заданию правительства проверил сообщение ЦСУ о том, что "промышленность СССР досрочно за 4 года и 3 месяца выполнила пятилетний план по валовой продукции промышленности". Госплан пришел к выводу, что по основным отраслям тяжелой, легкой и пищевой промышленности уровень производства валовой продукции, намеченный расчетами пятилетнего плана на 1950 г., не был достигнут и составил 91,6%, а по прочим министерствам и ведомствам был превзойден на 28,6%.

[2] АПРФ. Ф.45. Оп.1. Д.1267. Л.16.

[3] Там же. Л.7.

общей мощностью 5694 тыс. квт; 88 станов для проката черного металла, в том числе 5 блюмингов мощностью 3,7 млн т заготовок в год; 353 стана для проката цветного металла; 375,2 тыс. металлорежущих станков; 49,6 тыс. единиц кузнечно-прессового оборудования, в том числе 33,4 тыс. прессов; 8 доменных печей, производительностью 1,7 млн т чугуна в год; 6 мартеновских 160-тонных печей; оборудование цементных, стекольных заводов; химическое оборудование; четыре завода по производству автопокрышек и четыре завода по производству искусственного жидкого топлива; оборудование электровакуумных, кабельных и аккумуляторных заводов; 8 тыс. единиц трикотажно-вязального оборудования общей производительностью 40 млн. пар чулок и 125 млн. трикотажно-бельевых изделий в год; 13,8 тыс. единиц оборудования средств связи; подъемные машины и строительное оборудование, а также специальное оборудование для производства боеприпасов.

За счет трофейного имущества потенциал промышленности значительно вырос, однако имелись существенные трудности с установкой оборудования и налаживанием его технически грамотной эксплуатации. О масштабах трофеев свидетельствуют также следующие цифры: энергетическое оборудование после ввода его в эксплуатацию позволило бы увеличить мощность действующих электростанций СССР на треть. При этом значительная часть вывезенного оборудования электростанций была оснащена современной электрической аппаратурой, автоматическими приборами запуска и контроля за работой агрегатов, более экономичными вспомогательными механизмами. Более чем в 3 раза за счет трофеев увеличился парк оборудования радиолокационной промышленности СССР, в том числе за счет научно-исследовательского института фирмы "Телефункен", пользующего мировой известностью, и опытного завода при нем, радиозавода фирмы "Сименс" и др. За счет прибывших станков парк металлообрабатывающего оборудования автомобильных заводов СССР (действующих и строящихся) увеличился на 78%, а станочный парк министерства вооружения на 34%. Министерство электропромышленности СССР получило оборудование таких крупных предприятий с мировой известностью, как электромашиностроительные заводы фирмы "АЕГ" и кабельные заводы фирмы "Сименс Шуккерт" и "Бергман".

Трофеи лишь отчасти компенсировали СССР огромные материальные потери, связанные с войной и оккупацией; хотя они, безусловно, сыграли большую роль в восстановлении народного хозяйства[1].

Однако трофеи, на наш взгляд, не могли кардинально изменить природу промышленного производства Советского Союза.

Война и связанные с нею перемены в народном хозяйстве Советского Союза оказывали влияние на темпы роста промышленного производства. Показатели 1945 г. – последнего военного года и вместе с тем года переходного к мирной жизни – свидетельствуют о резком снижении выпуска важнейших видов промышленной продукции в сравнении с довоенным производством. Так, добыча угля составила 149,2 млн т (90 % от уровня 1940 г.), нефти – 19,4 млн т (62%), железной руды – 16,1 млн т (54%), выплавка чугуна – 8,8 млн т (59%), стали – 12,2 млн т (67%), производство электроэнергии – 43,0 млрд квт-ч (89% от уровня 1940 г.), а валовая продукция всей промышленности в ценах 1926/1927 г. оценивалась в 92% от довоенной. При этом производство средств производства составляло 96,0 млрд руб.,в том числе военная продукция – 50,9 млрд (215 % от уровня 1940 г.), а гражданская – 45,1 млрд (74% от уровня 1940 г.). Производство предметов потребления оценивалось в 31,0 млрд руб. (58% от уровня 1940 г.).

Таковы были те исходные показатели, которые в ближайшее время предстояло значительно превзойти.

Подводя итоги развития народного хозяйства за 1946 г. и определяя задачи на следующий год, правительство страны в своем специальном постановлении констатировало, что советская промышленность "в основном завершила послевоенную перестройку производства в соответствии с заданиями пятилетнего плана, что выражается в переходе на производство гражданской продукции и подготовке к производству новой техники". Отмечалось также, что гражданская продукция заняла преобладающее место в промышленном производстве и размеры ее во всей промышленности увеличились по сравнению с 1945 г. на 20%.

---

[1] Как указано выше, СССР получил в виде трофеев 375,2 тыс. металлорежущих станков. Согласно контрольным цифрам Госплана в 1951 г. отечественная промышленность должна была произвести 68,3 тыс. металлорежущих станков, в том числе 11,2 тыс. – высококвалифицированных. Следовательно, годовое производство станков в СССР в заключительном году послевоенной пятилетки составляло всего 1/5 от общего числа полученных трофейных станков – Прим. авт.

По оценке председателя Госплана СССР Вознесенского, валовая продукция всей промышленности страны составляла в неизменных ценах 1926 -1927 г. (в млрд руб.): в 1940 г. – 138,5; в 1941 г. – 135,9; в 1942 г. - 107,0; в 1943 г. –125,0; в 1944 г. – 144,2; в 1945 г. – 127,0; в 1946 г. – 106,0. Снижение уровня промышленного производства в 1942 – 1943 гг. в сравнении с довоенным Вознесенский объяснял "оккупацией ряда районов, в которых производство было остановлено", а снижение в 1945-1946 гг. связывал с "резким послевоенным сокращением и даже свертыванием военного производства". Так, за 1944 –1946 гг. военная продукция сократилась на 59,5 млрд руб., а гражданская выросла всего на 21,3 млрд руб. Этот рост не смог компенсировать свертывание производства военной продукции, в результате чего в 1945 – 1946 гг. произошло общее снижение уровня промышленного производства. В 1947 г. валовая продукция всей промышленности составляла уже 129 млрд руб., в том числе гражданская - 114,3 млрд и военная – 14,7 млрд руб. (в 1940 г. – соответственно 114,5 млрд и 24,0 млрд руб.)[1].

Показатели промышленного развития за 1946 г. свидетельствовали, как отмечалось в правительственном постановлении, о наличии ряда серьезных отставаний в народном хозяйстве страны. На протяжении 1946 г. рост угольной промышленности замедлился; топливная промышленность стала задерживать развитие других отраслей тяжелой промышленности, железнодорожного транспорта и всего народного хозяйства. Помимо этого наметилась серьезная диспропорция – восстановление производства предметов потребления значительно отставало от восстановления производства средств производства. Если в 1946г. выпуск средств производства в промышленности (без военной техники) достиг 93% от уровня 1940г, то производство предметов потребления составило лишь 65%. Не был выполнен план ввода в действие производственных мощностей по ряду отраслей (особенно в угольной промышленности и черной металлургии), что привело к росту незавершенного строительства, повышению стоимости строительства и омертвлению значительных государственных средств. Вместо

[1] Из-за засекреченности необходимых данных и отсутствия научно апробированных методик до настоящего времени остается открытым вопрос: как отделить друг от друга и выразить в стоимостных и натуральных величинах гражданскую и военную продукцию. Столь же трудно решается вопрос о точной оценке военных расходов СССР. Специально об этом см.: *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996. С.19-49.

установленного планом 1946 г. ввода в действие жилой площади в размере 10 млн кв. м было введено лишь 6 млн кв.м. Жилищные трудности серьезно задерживали создание постоянных кадров рабочих. Также отставала от потребностей народного хозяйства электропромышленность, которая, по мнению правительства, являлась в этот период "наиболее узким местом в промышленности".

1947 год мало изменил эту картину. Несмотря на успехи, по-прежнему узкими местами народного хозяйства оставались добыча угля, производство черных металлов. На Урале и в центральных районах страны не было ликвидировано отставание в развитии электростанций от потребностей промышленности, не выполнялись задания пятилетнего плана по производству предметов потребления.

Однако в целом план производства в промышленности по валовой продукции в 1947 г. был выполнен и перевыполнен, а объем производства увеличился по сравнению с 1946 г. на 22%, в том числе по тяжелой промышленности на 25% и по предметам потребления на 16%. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, дало основание правительству сделать вывод о том, что послевоенная перестройка народного хозяйства завершена.

Подобный вывод не был натяжкой, поскольку полностью соответствовал той "философии хозяйства", которую исповедовали советские вожди. Согласно ей строительство нового социалистического общественного строя, более жизнеспособного и устойчивого, чем несоветские, стало возможным только при помощи политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. И после войны Сталин считал необходимым подчеркивать то обстоятельство, что советский метод индустриализации коренным образом отличался от капиталистического, ("ситцевой индустриализации"), поскольку в отличие от последнего индустриализация Советского Союза начиналась не с легкой, а с тяжелой промышленности. Тем самым лишний раз подчеркивалась неизменность довоенного курса на первоочередное и преимущественное развитие тяжелой промышленности.

Упоминание Сталиным в февральской речи 1946 г. коллективизации как составной части политики партии по созданию материального базиса социалистического общественного строя должно было подтвердить также незыблемость колхозной системы, благодаря которой успешно существовал и действовал механизм перекачки средств и ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. И если через два года после войны экономика

СССР вновь стала набирать обороты, а валовая продукция промышленности за 1947 г. составила 93% от уровня 1940 г., значит было сделано главное, и руководству страны можно было с достаточным основанием говорить о завершении послевоенной перестройки народного хозяйства.

Мы уже отмечали то большое значение, которое придавал Сталин проблеме темпов роста советской промышленности. Особенно ярко это проявилось в связи с так называемым делом Госплана весной 1949 г. Имеется ряд свидетельств (в том числе мемуарного характера), которые проливают свет на обстоятельства, приведшие к отстранению от должности председателя Госплана и видного советского хозяйственника, члена Политбюро Н.А. Вознесенского. В своих мемуарах другой член сталинского Политбюро министр внешней торговли СССР А.И. Микоян сообщает, что Сталин неоднократно ставил перед плановыми органами вопрос о необходимости постоянного и планомерного развития производства так, чтобы показатели производства продукции в I квартале каждого текущего года превышали бы соответствующие показатели IV квартала года истекшего. В случае перехода на такую систему с начала хозяйственного года задавался бы необходимый темп для последующего роста производства в течение следующих кварталов.

Принятие подобной практики стало бы хорошим средством контроля за темпами производства. Однако Микоян указывает, что в силу специфики ряда отраслей (например, пищевая, рыбная, мясомолочная промышленность повышали производство продукции летом и осенью, когда поступало сырье из нового урожая, а зимой, из-за снижения поставок сырья, производство снижалось), а также по причинам транспортных затруднений, из-за наличия больших объемов ручного труда и сезонных миграций рабочей силы в отраслях тяжелой промышленности добиться поставленной Сталиным задачи было невозможно. Имелась еще одна особенность советского планирования, о которую предстояло "споткнуться" Вознесенскому. План I квартала разрабатывался заранее, исходя не из реального, а из ожидаемого исполнения заданий текущего года. "Здесь был элемент гадания, – подчеркивал Микоян, – потому что, что будет произведено в декабре, никому не известно, всегда могут быть ошибки в ту или иную сторону, и субъективистская характеристика будет, ввиду невозможности точного предвидения"[1]. Тем не менее, по настоянию Сталина, Вознесенский составил и представил в правительство план, в соответствии с которым предусматривался рост производства промышленной продукции в I квартале 1949 г. по сравнению с IV кварталом 1948 г. по среднесуточному выпуску (без сезонных отраслей) на 5%.

[1] *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С.559 – 560.

Последующие события развивались так. Вознесенский доложил в правительство, что среднесуточный уровень выпуска промышленной продукции в январе 1949 г. по сравнению с декабрем 1948 г. (без сезонных отраслей) с учетом числа рабочих дней составил 107,6%. Однако первый заместитель председателя Госплана СССР М.Т. Помазнев сообщил в правительство, что в расчете на число календарных дней выполнение плана I квартала составляет только 99,3% по сравнению с IV кварталом 1948 г. По версии Микояна, записка Помазнева была доложена Вознесенскому как председателю Госплана, который, вместо того, чтобы доложить ее в ЦК и дать по ней соответствующие объяснения, "решил положить записку под сукно".

Однако один из сотрудников Госплана, работавших на госбезопасность, передал записку Берии а тот, в свою очередь, представил ее Сталину. "Сталин был удивлен и поражен, – писал Микоян в мемуарах, – он сказал, что этого не может быть. Правду ли тот пишет и поручил Бюро Совмина проверить, вызвать Вознесенского, того товарища, ЦСУ. Бюро собралось. Мы проверили и все, что писал этот товарищ, подтвердилось. Пришли, доложили Сталину, что все правильно. Он говорит: значит, Вознесенский обманывает Политбюро и нас, как дураков, надувает? Как это можно допустить, чтобы член Политбюро, обманывал Политбюро? Что это такое? Нельзя такого человека держать ни в Политбюро, ни во главе Госплана". В это время Берия и напомнил о словах Вознесенского: "Вячеслав, иди вперед, мы за тобой", сказанных им семь лет назад, 30 июня 1941г., когда мы собрались ехать на дачу Сталина с предложением создать Государственный Комитет Обороны. Сталин перед этим был некоторое время в подавленном состоянии, он не ожидал, что Гитлер начнет войну. Сказанная Вознесенским фраза была истолкована так: мы пойдем не за Сталиным, а за Молотовым. Берия, который был в очень плохих отношениях с Вознесенским, припомнил эту фразу в момент, когда у Сталина подорвалось доверие к Вознесенскому. Это, конечно, подлило масла в огонь,

и Сталин проникся полным недоверием к Вознесенскому, которому раньше доверял"[1].

В своих мемуарах Микоян как бы дистанцируется от этой интриги, которую представляет исключительно делом рук Берии. Однако ряд личностных характеристик Вознесенского, данных в мемуарах, показывает действительное отношение Микояна к репрессированному руководителю советской экономики: "Он никогда не был ни директором, ни секретарем обкома, ни наркомом. Поэтому стиль его работы был несколько канцелярским, бумажным. Для него имел большую силу план. Он недостаточно понимал, что мало принять даже очень хороший план, что главное – обеспечить его выполнение"[2].

В сохранившейся в фонде Политбюро докладной записке на имя Сталина членов Бюро Совмина СССР (Берии, Маленкова, Вознесенского, Микояна, Кагановича, Сабурова, Булганина, Ворошилова, Косыгина, Малышева) о результатах проверки записки Помазнева, а также в секретном постановлении правительства от 5 марта 1949 г. "О Госплане СССР" сообщается ряд интересных подробностей, проливающих дополнительный свет на практику советского планирования[3].

В постановлении отмечается, что после того, как в сентябре 1947 г. Совмин СССР признал недопустимой практику снижения валовой продукции промышленности в I квартале по сравнению с IV кварталом предыдущего года и указал на необходимость достижения дальнейшего увеличения выпуска продукции, Госплан СССР "встал на путь обмана правительства и в этих целях ввел с I квартала 1948 г. подозрительное новшество в планировании, начав определять темпы роста промышленности без сезонных отраслей", которое до этого в практике планирования не применялось. Трудно представить, чтобы "подозрительное новшество" было принято правительством без предварительного и детального обсуждения всех аргументов "за" и "против". Следовательно, исключение сезонных отраслей (в I квартале 1949 г. Госплан при подсчете выполнения плана производства промышленной продукции исключил продукцию министерств пищевой, мясомолочной, рыбной промышленности и заготовок)

[1] РГАСПИ. Архивная коллекция. В опубликованных мемуарах Микояна этот отрывок, в отличие от текста архивной рукописи, передан более кратко. См.: *Микоян А.И.* Указ. соч. С.561.
[2] РГАСПИ. Архивная коллекция.
[3] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

было осознанным действием правительства; оно вполне соответствовало экономическому мышлению советских вождей, для которых главным в народном хозяйстве страны являлось первоочередное развитие тяжелой промышленности. Когда же практика развития народного хозяйства в 1948 г. показала всю сложность взаимосвязей отдельных отраслей, тогда же, вероятно, для плановых органов стала очевидной искусственность вычленения из народного хозяйства так называемых сезонных отраслей. Кроме того, и в 1946 г., и в 1947 г. производство предметов потребления отставало от запланированных. В этих условиях не учитывать в производстве промышленной продукции продукцию пищевых министерств означало на практике дальнейшее увеличение наметившейся диспропорции между группой "А" и "Б".

Пытаясь как-то защититься, Вознесенский объяснял невыполнение правительственной директивы о росте промышленного производства в I квартале 1949 г. тем, что им была допущена ошибка в определении ожидаемого выполнения плана IV квартала 1948 г., которое Госплан СССР определил в 43 млрд руб., а фактическое выполнение составило 45 млрд руб. Однако, проверка выяснила, что Вознесенский не доложил правительству о следующем факте – еще 15 декабря 1948 г. группа руководящих работников Госплана (Сухаревский, Иванов, Галицкий) представили Вознесенскому докладную записку, в которой сообщалось о значительном перевыполнении государственного плана промышленного производства IV квартала 1948 г. (ожидаемое выполнение должно было составить 45,7 млрд руб.). В этой же записке для обеспечения роста производства промышленной продукции на 5% в I квартале 1949 г. предлагалось пересмотреть в сторону повышения план по ряду отраслей, увеличив объем валовой продукции всей промышленности на 1,7 млрд руб. Вознесенский, если судить по правительственному заключению, никаких поправок в план не внес. Госплан обвинялся также в том, что пытался "искусственно поднять процент роста выпуска валовой продукции", заменив действующую практику исчисления среднесуточного производства по числу календарных дней на "неправильный способ расчета" на число рабочих дней.

Практика планирования в Госплане СССР квалифицировалась правительством как "антигосударственная", а взамен освобожденного от своих обязанностей председателя Госплана Н.А. Вознесенского назначался М.З.Сабуров. В дальнейшем Госплану запрещалось определять в народнохозяйственных планах темпы роста промышленной продукции с исключе-

нием из нее продукции сезонных отраслей. Госплану также предлагалось внести в правительство предложения о дополнительных заданиях по производству промышленной продукции на март и II квартал 1949 г.

Представляется, что в данном инциденте, стоившем Вознесенскому не только карьеры, но и жизни, его действительная вина минимальна. При всей привлекательности персонифицированного подхода, позволяющего, на взгляд некоторых историков, точно судить о существе экономической концепции в послевоенном СССР на основе изучения позиций ведущих руководителей страны, фактический материал из фонда Политбюро не дает оснований для выявления принципиальных отличий в позициях и взглядах сталинских сподвижников – Молотова, Кагановича, Микояна, Берии, Вознесенского, Хрущева, Маленкова – на проблемы планирования, инвестиционной политики и пр. По крайней мере именно так обстояло дело при жизни Сталина, который лично определял пути развития советской экономики. Имеющиеся расхождения тактического характера (как в истории с Вознесенским) следует, скорее, отнести на счет ни на миг непрекращающейся борьбы за власть между членами Политбюро, которые воспринимали действительность только сквозь призму карьерных выгод и устремлений и в соответствии с этим принимали решения.

Считается очевидным фактом, что "план четвертой пятилетки в целом был выполнен"[1]. В 1950 г. ЦСУ СССР сообщило, что "промышленность СССР досрочно за 4 года и 3 месяца выполнила пятилетний план по валовой продукции промышленности". Это утверждение мотивировалось тем, что с 1 апреля 1949 г. по 1 апреля 1950 г. было произведено промышленной продукции в неизменных ценах 1926/1927 г. в размере 205,1 млрд руб., т.е. на уровне, предусмотренном в законе о пятилетнем плане на 1950г. Госплан СССР, которому Бюро Президиума Совмина СССР поручило специальную проверку отчета ЦСУ о выполнении пятилетки, пришло к выводу, что по основным отраслям тяжелой, легкой и пищевой промышленности уровень производства валовой продукции, намеченный расчетами пятилетнего плана на 1950 г., достигнут не был и составлял 91,6%, а по

[1] Успехи в выполнении плана четвертой пятилетки признавались не только в отечественной, но и зарубежной историографии, хотя западные исследователи констатировали одновременно наличие серьезных противоречий в хозяйственной жизни СССР, а некоторые даже делали вывод "о наступлении системного кризиса экономики сталинского типа". Специально об этом см.: *Дроздов В.В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е годы. М., 1998 С. 50-64

прочим министерствам и ведомствам был превзойден на 28,6%. Госплан также отмечал несовершенство действующей оценки валовой продукции промышленности в неизменных ценах 1926/1927 г., По его мнению, эта оценка не вполне точно выражала действительную динамику физического объема промышленной продукции, так как преобладающая часть новой продукции, на которую не было неизменных цен 1926/1927 г., падала на машиностроительную и металлообрабатывающую промышленность, где уровень неизменных цен 1926/1927 г. (по отношению к себестоимости) был выше уровня цен в сырьевых отраслях и в легкой промышленности[1].

В натуральном выражении выполнялись и перевыполнялись задания пятилетки в 1950 г. по стали, прокату черных металлов, рельсам железнодорожным, железным трубам, меди рафинированной, никелю, цинку, добыче угля, нефти, выработке электроэнергии, металлургическому оборудованию, электромоторам, тракторам, плугам и сеялкам тракторным, красителям, пиломатериалам, резиновой обуви, маслу животному и сахару. В незначительной мере недовыполнялись задания по чугуну (98% от плановых заданий), железной руде (99%), шерстяным тканям (97%), мясу (96%). В более значительных размерах недовыполнялись задания пятилетки по отдельным изделиям текстильной и легкой промышленности (хлопчатобумажным тканям, обуви кожаной, чулочно-носочным изделиям), кузнечно-прессовому оборудованию, ткацким станкам и прядильным машинам, автомобильным шинам. Следовательно, подчеркивал Госплан, и показатели производства по важнейшим видам промышленной продукции в натуральном выражении также не подтверждали выполнения пятилетки за 4 года и 3 месяца.

На XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) с отчетным докладом выступил Маленков, который дал характеристику промышленного развития страны в послевоенный период. Первый вариант отчетного доклада Маленков передал Сталину еще 17 июля 1952 г. Интерес представляют пометы вождя о замечаниях членов Политбюро, высказанных по проекту в ходе обсуждения, которые Сталин счел нужным записать: "1. Берия = рабочее движение, забастовки. 2. Каганович = отечественная война. 3. Молотов = режим экономии = не упрашивать США. 4. Микоян = 5. ...". Как видно из приведенного примера, замечания членов Политбюро носили хотя и важный характер, но не касались стратегических вопросов, решение которых Сталин оставлял за собой. Выступления Микояна и еще кого-то (под но-

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

мером 5) из своего окружения Сталин вообще не счел нужным зафиксировать. Из проекта он вычеркнул большой абзац о росте рабочего класса за 40-е годы, снабдив текст доклада следующей пометой: "каких рабочих? **Не то**"[1]. Видимо, у Сталина не было оснований заблуждаться в отношении качественного состава промышленных рабочих, занятых преимущественно ручным неквалифицированным трудом.

"Уровень довоенного 1940 г. по общему годовому объему промышленной продукции, – сказал Маленков на съезде, – был достигнут и превзойден в 1948 г., по размерам добычи угля – в 1947 г., по производству стали и цемента – в 1948 г., по производству чугуна и добычи нефти – в 1949 г., по производству обуви – в 1950 г., по производству хлопчатобумажных тканей – 1951 г. Это означает, что война задержала развитие нашей промышленности на 8 – 9 лет, т.е. примерно на две пятилетки"[2].

Важным итогом развития промышленности, подчеркивалось в докладе, стали быстрые темпы ее развития в восточных районах СССР, повлекшие за собой значительные изменения в размещении отечественной промышленности. За послевоенный период в восточных районах – в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахской ССР и союзных республиках Средней Азии – создана мощная индустриальная база страны. Общий объем промышленной продукции в этих районах к 1952 г. увеличился по сравнению с 1940 г. почти в 3 раза. Подробно Маленковым перечислялись другие важнейшие итоги первой послевоенной пятилетки. Естественно, что отчетный доклад съезду "О работе Центрального Комитета" – политический документ, призванный подчеркнуть достигнутые успехи и мобилизовать народ на новые трудовые свершения. Он также был рассчитан на определенную реакцию со стороны ведущих капиталистических стран и содержал сравнительный анализ темпов роста промышленной продукции в СССР и основных западных держав (см. табл. 1.1).[3]

Приведенные цифры должны были наглядно продемонстрировать многомилионной стране не только беспрецедентный рост промышленного производства, прямо связанный с процессом непрерывной индустриализации страны, но и подчеркнуть тот факт, что и до войны, и после нее промышленность СССР "неуклонно идет по восходящей линии, на основе развития мирного производства". Что же касается США, Маленков отметил, что промышленное производство этой страны в 1929 – 1939 гг. "топталось на одном месте", а затем поднималось лишь за счет резкого увеличения военного производства. При этом докладчик сознательно умалчивал о том, что валовый национальный продукт (ВНП) США в 1950 г. значительно превышал суммарный ВНП таких вместе взятых стран как Франция, ФРГ, Великобритания, Италия и Япония, что в Соединенных Штатах за счет высокой производительности труда и столь же значительного развития сельского хозяйства был самый высокий (в сравнении с остальным миром) уровень заработной платы и, наконец, что все эти факторы способствовали качественно иному росту потребления.

[1] АПРФ. Архивная коллекция.
[2] Правда. 1952. 6 октября. С.4.
[3] Таблицы 1.1-1.2 см. на С. 33.

Также умалчивалось, что прожиточный минимум в Москве был выше, чем в Вашингтоне (см. табл. 1.2). Сравнительный анализ, предпринятый Маленковым в отчетном докладе, никак не касался вопроса о качестве жизни людей в СССР, эта проблема "выпала" из поля зрения советского руководства.

В июле 1952 г. комиссия в составе В.М.Молотова, Л.М.Кагановича, А.И.Микояна, М.З.Сабурова, И.А. Бенедиктова представила Сталину проект директив пятилетнего плана на 1951 –1955 гг. В нем предусматривалось повысить уровень промышленного производства за пятилетие примерно в 1,8 раза (при среднегодовом темпе роста валовой продукции промышленности на 12%). Для производства средств производства (группа "А") темпы роста устанавливались в размере 13%, а для производства предметов потребления (группа "Б") – 11%. Вдвое должны были возрасти капиталовложения в промышленность. Помимо Сталина проект директив был разослан Маленкову, Берии, Булганину, Хрущеву. В сталинском экземпляре интерес представляют некоторые его пометы, отражающие стратегические устремления вождя. Фразу из директив "Выполнение пятого пятилетнего плана явится крупным шагом вперед в решении поставленной XVIII съездом ВКП (б) основной экономической задачи СССР – догнать и перегнать главные капиталистические страны по размерам промышленного производства на душу населения" Сталин зачеркнул и прокомментировал ее так: "Это старо! Ха-ха". В новой сталинской редакции было написано: "Выполнение пятого пятилетнего плана явится крупным шагом вперед по пути от социализма к коммунизму"[1].

Какой же смысл вкладывался Сталиным в эту фразу, какие горизонты намечал он для измученной пятилетками страны? До некоторой степе-

[1] АПРФ. Ф.45. Оп.1. Д.148. Л.163

ни ответ на этот вопрос содержится в материалах экономической дискуссии, проведенной в 1951 г. по решению ЦК партии в связи с оценкой проекта учебника политической экономии[1].

Почему именно в этот период задача отыскания научных законов, лежащих в основе функционирования социалистической экономики, встала со всей остротой? Вопрос отнюдь не праздный. "Как могло случиться, – писал в июле 1952 г. академик П.Л. Капица И.В. Сталину, – что марксисты поставившие во главу научный метод подхода к социальным проблемам, только на четвертом десятке социализма всерьез занялись отысканием тех законов природы, которые лежат в основе нашего хозяйства?". По мнению академика, задержка с отысканием законов экономического развития социализма в первую очередь была связана с возможностями нового общества, с его увлечением в предыдущие годы "переделкой природы"[2]. Судя по пометам вождя в тексте письма, замечание академика его чрезвычайно задело. Ведь отыскание законов социализма не было сугубо теоретической проблемой, решение которой входило исключительно в задачу науки. В первую очередь это была проблема большой политики: следовало не только подтвердить правильность избранного пути, но и научно доказать, что курс партии соответствует законам развития социалистического общества.

После победы в войне и немалых достижений в восстановлении разрушенного народного хозяйства следовало также обрисовать перспективы и преимущества социализма над капитализмом, что было немаловажно в разгар "холодной войны". И для консолидации народа, повышения его трудового энтузиазма также необходим был идейный заряд, подкрепленный научными изысканиями советских политэкономов.

После получения документов по экономической дискуссии, проведенной в связи с оценкой проекта учебника политической экономии, Сталин подготовил свои замечания по экономическим вопросам, которые предназначались авторскому коллективу учебника и ряду ведущих экономистов страны. 15 февраля 1952 г. состоялась беседа членов Политбюро

[1] Работа над созданием нового учебника велась по заданию ЦК с конца 30-х годов большим коллективом экономистов, руководство которым после войны было возложено на академика К.В. Островитянова. В 1954 г. учебник вышел под эгидой Института экономики Академии наук СССР и неоднократно переиздавался. Учебник был призван дать "цельное изложение политической экономии в широком смысле слова – от первобытного общества до социалистического включительно". См.: *Островитянов К.В.* Избр. произведения. В 2-х т. М., 1972-1973.

[2] АПРФ. Ф.45. Оп.1. Д.744. Л.11-12.

(И.В. Сталина, Н.А. Булганина, Л.П. Берии, Г.М. Маленкова, В.М. Молотова, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича и Н.С. Хрущева) с видными советскими учеными З.В. Атласом, Л.М. Гатовским, Л.А. Леонтьевым, М.В. Нечкиной, К.В. Островитяновым, М.И. Рубинштейном и др.

Первоначально Сталин был против публикаций своих "замечаний по экономическим вопросам", считая возможным их издание после выхода учебника в свет. Однако затем, в немалой степени из-за нежелания отдельных экономистов и политиков солидаризироваться с линией вождя, изменил свое прежнее решение. В своих мемуарах Микоян сообщает, что он отказался славословить работу вождя из-за принципиальных расхождений во взглядах со Сталиным по вопросу о роли товарооборота "как средства обмена в социалистическом обществе", одновременно отметив, что считал преждевременной реализацию сталинской идеи о необходимости перехода от торговли к продуктообмену. Кардинальное изменение своей позиции на XIX съезде партии Микоян объяснял в мемуарах боязнью оказаться в политической изоляции и грозящей ему репрессией со стороны вождя[1]. Действительная причина представляется нам более прозаической: переход от торговли к продуктообмену (о котором, кстати, Сталин говорил очень осторожно), будь он осуществлен в масштабах государства, серьезно подорвал бы влияние и финансовую мощь той части хозяйственной олигархии, интересы которой выражал Микоян как член Бюро Президиума Совмина СССР, наблюдающий за работой торговли[2].

Было бы наивным полагать, что высшие чиновники страны стояли в стороне от тех материальных выгод, которые приносила каждая из курируемых ими отраслей, – чем более важное место занимала та или иная отрасль в народном хозяйстве страны, тем соответственно весомее был политический ранг ее куратора и материальные рычаги, существующие в его распоряжении для борьбы за власть. Конфликт между Сталиным и Ми-

[1] *Микоян А.И.* Указ. соч. С.569-572.

[2] Видимо, неслучайно еще в октябре 1946 г. в связи с очередными трудностями в хлебозаготовках Микоян проявил, по мнению Сталина, нерешительность в деле экономии в расходовании хлеба. "Никакого доверия в этом деле, - писал Сталин членам Политбюро, - не оказывать т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения". Чуть ранее Сталин писал Микояну, курирующему хлебное дело в стране: "Я подозреваю, что запутанность в деле регулярных сводок о продаже хлеба создается умышленно, чтобы дать возможность ворам и грабителям из аппарата карточной системы безнаказанно обворовывать и грабить государство" // (АПРФ. Архивная коллекция; РГАСПИ. Архивная коллекция).

кояном, как и прочие конфликты членов сталинского Политбюро с "хозяином", далеко выходил за рамки личностных отношений. Это был конфликт, порожденный действующей системы власти – вождизмом, но проявлявшийся в том числе и в хозяйственной области.

Что конкретно предлагал Сталин в отношении продуктообмена? Вот суть его предложения, высказанная на уже упомянутой встрече 15 февраля 1952 г.: "Артель требует товарооборота, пока, по крайней мере, она не допускает продуктообмена, тем более, она не допускает прямого распределения (продуктообмен – это все-таки обмен, а прямое распределение – это распределение по потребностям). Пока еще существует товарное производство, купля-продажа, с ними надо считаться. Артель связана с куплей-продажей, а прямое распределение будет на второй фазе коммунизма. Когда сельскохозяйственная артель перерастет в коммуну трудно сказать (...) Надо приучать колхозников, чтобы они больше думали об общественном деле. Сейчас колхоз ничего кроме своего хозяйства знать не хочет. Сейчас нет объединений колхозов в масштабе районов и областей. Не следует ли пойти здесь сверху на создание общенародного хозяйственного органа, учитывающего продукцию города и деревни. Начать здесь нужно с учета продукции как госпредприятий, так и колхозов, а потом перейти к распределению сначала лишь излишков продукции. Надо установить фонды, которые не распределяются и фонды, подлежащие распределению. Нужно будет постепенно приучить колхозников к тому, чтобы думать об общенародных интересах. Но это долгий путь и не следует здесь торопиться."[1].

Сталин, как владыка огромной страны, в перспективе планировал создание единой централизованной системы, которая объединяла бы не только все производство, но и организовывала бы последующее распределение *всех* материальных благ в стране, произведенных не только сельским хозяйством, но всеми отраслями без исключения, без всякого посредничества (купли-продажи) хозяйственных субъектов. Для решения этой поистине грандиозной задачи, превосходящей масштабом индустриализацию и коллективизацию вместе взятые, форма объединения крестьян в колхозы была уже непригодна. И для села, и, видимо, для города была необходима одна форма – коммуна – новый, единый тип общественно-производственных отношений в Советском Союзе. Лично для Сталина и созданной им системы власти – это был абсолютный гарант сохранения завоеванного многолетней борьбой, гарант незыблемости, невозможности

[1] АПРФ. Ф.45. Оп.1. Д.1267. Л.13-14

повернуть вспять, в пользу капитализма, ход исторического развития. С позиций Микояна это был "невероятный левацкий загиб", со сталинской точки зрения – генеральный путь развития, реальная перспектива, единственно возможная форма выживания советской системы в будущем.

Накануне XIX съезда партии "Замечания", а также еще три сталинских работы ("Ответ т-щу Ноткину А.И.", "Об ошибках т. Ярошенко Л.Д." и "Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.") были опубликованы в газете "Правда" и журнале "Большевик". Все эти работы были затем объединены и изданы отдельной брошюрой под заголовком "Экономические проблемы социализма в СССР". 14 октября 1952 г. по докладу Хрущева единогласно принята резолюция XIX съезда КПСС о переработке программы партии; при этом комиссии следовало руководствоваться сталинской брошюрой[1].

Значительное место в работе Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" занимал анализ характера экономических законов при социализме, в частности, вопрос о товарном производстве, о законе стоимости, об основном экономическом законе социализме. Последний, Сталин сформулировал следующим образом: "обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники". Человеку, досконально знавшему хозяйственный механизм СССР, а Сталин, безусловно, относился именно к таким людям, была понятна вся надуманность и идеологическая заданность вновь сформулированного "закона". Но именно потому, что этот "закон" удачно камуфлировал эксплуатацию людей государством, которое преследовало свои узкокорыстные цели, он был необходим в качестве программы партии.

Большое значение придавал Сталин проблеме товарного обращения при социализме, что было вполне понятно, если учесть ту жесткую борьбу, которую государство вело против частной торговли. Отвечая двум известным экономистам – научному сотруднику Института экономики АН СССР В.Г.Венжеру и доценту кафедры политэкономии МГУ А.В.Саниной, Сталин писал: "Основная ошибка т.Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не

[1] Мы не останавливаемся подробно на этой работе И.В. Сталина, поскольку она была предметом специального анализа со стороны экономистов. См.: Всемирная история экономической мысли. М., 1997. Т.6. Кн.1, Гл. 3. С.41-79.

понимают, что *товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму* (курсив наш.- *В.П.*) … , чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами"[1]. Участник дискуссии 1951 г. экономист Л.Д. Ярошенко был обвинен в "немарксистских взглядах" и репрессирован.

Эта жестокость не может быть понята, если рассматривать ее вне исторического контекста. В условиях конфронтации с Западом, внутренних подвижек внутри страны, связанных с чаяниями народа на улучшение условий жизни, на возрождение прежней роли индивидуальных крестьянских хозяйств, любые отступления от прежней модели экономического развития были чреваты для власти непредсказуемыми последствиями. И Сталин это хорошо понимал. Отсюда его предупреждение, высказанное ученым и политикам 15 февраля 1952 г., о том, что "с переходом ко второй фазе коммунизма некоторые товарищи чересчур торопятся", что нельзя чрезмерно ускорять этот переход, а главное – "дела у нас идут хорошо. Цель правильная. Пути ясны, дорожки все указаны"[2]. Однако существующая в СССР система экономических отношений была, если судить по вышеприведенной реплике Сталина в адрес экономистов А.В. Саниной и В.Г. Венжера, далека от идеальной. Ее совершенствование должно было вестись не на путях следования капитализму, а на собственной социалистической основе. Поэтому товарное производство (даже в ограниченных условиях социалистической системы), поощрение "частнособственнических инстинктов крестьян", половинчатая в сравнении с сельхозкоммунами колхозная система – не приближали, а отдаляли от цели. Коммунизм как цель и как перспектива был провозглашен Сталиным для того, чтобы осуществить окончательное (всеобъемлющее) завершение огосударствления всех сторон хозяйственной жизни страны, чтобы выдерживать эту генеральную линию неизменной, не зависящей ни от каких внутренних и внешних обстоятельств и чтобы тем самым стало возможным практическое создание идеальной государственной машины. Наказывая Л.Д. Ярошенко[3], Сталин предупреждал всех, что не потерпит поборников внедрения в экономику методов, расшатывающих государственную централизацию, тех, кто своими идеями ставил под сомнение монопольное право государства на абсолютный контроль за производством и распределением всего и вся в стране.

---

[1] *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С.215, 219.

[2] АПРФ. Ф.45. Оп.1. Д.1267. Л.14

[3] В январе 1953 г. по заданию Сталина Н.С. Хрущев и Д.Т. Шепилов дали свое заключение на письмо Л.Д. Ярошенко в Президиум ЦК КПСС от 20 декабря 1952 г., в котором его автор пытался отстоять свои взгляды, высказанные в ходе дискуссии. Оба порученца от науки определили позицию Ярошенко как "антипартийную", он был исключен из партии и за отказ "раскрыть свои антипартийные связи" арестован по специальному решению Бюро Президиума ЦК.

Таблица 1.1

Объем промышленной продукции в СССР и западных странах (в % к 1929 г.)*

Страны	Годы						
	1939	1946	1947	1948	1949	1950	1951
СССР	552	466	571	721	870	1082	1269
США	99	155	170	175	160	182	200
Англия	119	109	118	134	143	156	161
Франция	86	64	76	89	98	99	111
Италия	108	72	93	97	103	117	134

* АПРФ. Архивная коллекция. Таблица взята из исправленного "в соответствии с указаниями Политбюро" проекта отчетного доклада XIX съезду партии о работе ЦК. Таблица из отчетного доклада Г.М. Маленкова давала представление *только* о более высоких темпах роста промышленного производства СССР в сравнении с западными странами. Вопрос об исходном уровне национального дохода – главном показателе могущества державы – и его приросте за послевоенные годы Маленковым не освещался. Между тем индекс валового национального продукта (ВНП) за 1938 – 1950 гг. вырос в США в 1,8 раза, а в Советском Союзе лишь в 1,3 раза, хотя темпы роста ВНП за 1948 – 1950 гг. в СССР превысили американские. См.: *Ван дер Вее.* История мировой экономики. 1945 – 1990. Пер. с фр. М., 1994, с.16.

Таблица 1.2.

Прожиточный минимум в Вашингтоне и Москве на 1 сентября 1948 г. (на 1 человека в месяц)*

Наименование статей расхода	Вашингтон (ам. долл.)	Москва (руб.)
Продукты	78,18	946,60
Одежда	59,45	728,33
Комната	60,0	98,00
Прочие расходы	53,40	160,00
Итого	251,03	1932,93

* АПРФ. Архивная коллекция. При подготовке таблицы, Минфин СССР исходил из соотношения 1 ам.долл = 7р.70 к.

Глава вторая
Денежная реформа и финансовая политика правительства

Война привела к невиданному росту расходов на оборону и естественно, что одним из способов покрытия этих расходов стала эмиссия: с начала войны по январь 1946 г. было выпущено в обращение 55,4 млрд руб., т.е. денежная масса увеличилась по сравнению с предвоенным периодом в 4 раза. Высокий уровень цен на колхозных рынках и соответственно затрат городского населения на покупку продуктов привел к тому, что значительная часть выпущенных в военные годы денег перешла к сельскому населению. Однако в условиях товарного голода в стране усиливалась роль денег как средства сбережения. Об этом, в частности, свидетельствовал непрерывный и большой приток вкладов населения в сберегательные кассы (за 1945 г. он определялся в 3,3 млрд руб.).

Государство было серьезно обеспокоено тем, что в условиях развития послевоенной торговли будет "увеличиваться реальное богатство лиц, накопивших деньги в годы войны". Именно так в феврале 1946 г. определял ситуацию в записке на имя Сталина министр финансов Советского Союза А.Г. Зверев[1].

Другой причиной, требующей по возможности скорейшего проведения денежной реформы, было еще одно наследие войны – карточная система и множественность цен. На товары, отпускаемые по карточкам, действовали низкие пайковые цены, высокие коммерческие цены устанавливались в государственных коммерческих магазинах, ресторанах. Свои цены были на колхозных рынках.

В правительстве хорошо понимали, что денежная реформа должна быть приурочена к полной отмене карточной системы. Не менее важной задачей государственных органов являлось установление такого уровня единых цен открытой торговли, при котором бы обеспечивалось необходимое правительству соотношение между текущими денежными доходами населения и объемом розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли. Ведь только таким путем можно было контролировать материальное положение, доходы и расходы населения, т.е. полностью владеть ситуацией в сфере социальной политики.

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

По официальной версии, проведение денежной реформы и отмена карточек были отложены из-за засухи, поразившей многие районы страны. 29 августа 1946 г. газета "Правда" поместила следующее сообщение: "В Президиуме Верховного Совета СССР. В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.". Несомненно, что это обстоятельство в определенной степени повлияло на сроки проведения реформы, но, как свидетельствуют документы секретной переписки Госбанка и Минфина СССР с Совмином СССР, финансовые органы не имели возможности проводить реформу в 1946 г. Об этом же министр финансов. Зверев в начале лета 1946 г. информировал Сталина. "Необходимо, – писал он, – в течение ближайшего периода времени, не позднее 4 квартала 1947 г., провести денежную реформу"[1]. Таким образом, еще в середине 1946 г. был намечен крайний срок, позже которого проведение реформы было бы нежелательно прежде всего потому, что без финансовой стабилизации было невозможно контролировать экономику. Интересно отметить, что комиссия по денежной реформе была создана решением Политбюро ЦК 27 мая 1947 г., т.е. когда принципиальные вопросы (о характере реформы, времени ее проведения и пр.) были решены Сталиным и Зверевым. Зверев использовал для подготовки проекта и подготовительных материалов всего несколько человек из своего аппарата. Так, по мнению Сталина, можно было гарантировать абсолютную секретность подготовки реформы. В состав комиссии, созданной в мае 1947 г., входили: Молотов, Вознесенский, Жданов, Микоян, Маленков, Косыгин, Зверев, Голев и Косяченко.

В своих мемуарах Зверев пишет, что еще в декабре 1943 г. Сталин интересовался мнением министра финансов о характере предстоящей после войны денежной реформы. Тогда же Сталин дал Звереву ряд директив, которые должны были определять финансовую политику СССР после войны: во-первых, следовало восстановить довоенную прочность финансовой базы; во-вторых, финансовую систему следовало организовать таким образом, чтобы она была способна обслуживать неизбежный рост общих расходов после войны и ежегодное увеличение госбюджета, и, в-третьих, население страны, на которое падало основное бремя возросших расходов, должно было быть уверено в том, что принесенные им в ходе

[1] АПРФ. Архивная коллекция.

восстановления народного хозяйства жертвы – последние[1]. Это требование Сталина о "последних" жертвах народа – характерный штрих для оценки мировоззрения советских вождей, которые, чтобы сделать свою политику более эффективной, нуждались в одобрении этой политики со стороны населения даже тогда, когда эта политика не несла людям ничего, кроме усиления их эксплуатации.

Зверев также сообщает, что из-за необходимости соблюдения полной секретности запланированного мероприятия документально не оформлялось даже решение Политбюро (конец 1944 г.), на заседании которого он изложил подробный план денежной реформы. Именно с этого времени министру разрешили использовать помощь трех специалистов, состав которых в 1945 г. расширился до 15 человек (это были работники Наркомфина и Госбанка)[2].

Представляется, что министр несколько преувеличивал свою роль в подготовке и осуществлении денежной реформы – практически все секретные документы из фондов Политбюро, министерства финансов, Госбанка, посвященные этому вопросу (включая предложения специалистов), датируются 1946 г. или более поздним периодом. Так, в фонде Политбюро имеются следующие документы, составленные Зверевым для Сталина при подготовке и проведении денежной реформы: "Бюджет и денежное обращение за годы войны и необходимые мероприятия" (8 января 1946 г.); записка с приложением проекта постановления Совета Министров СССР о денежной реформе (4 июня 1946 г.); записка о денежной реформе (15 июня 1946 г.); справка "О денежной реформе 1922-1924 гг. и о курсах пересчета рубля на иностранную валюту" (10 сентября 1946 г.); доклад "О денежной реформе 1922-1924 гг. и о современном состоянии денежного обращения СССР" (8 октября 1946 г.); доклад "Об итогах денежной реформы" (3 января 1948 г.), а также ряд других документов за 1946 – 1948 гг. Документов ранее 1946 г., посвященных денежной реформе, нами в фондах Политбюро и Сталина не обнаружено.

Ценной стороной мемуаров министра является то, что они, наряду с архивными документами высших партийных, государственных и центральных органов управления, свидетельствуют об одном и том же: после войны Сталин единолично осуществлял выбор приоритетов экономической политики, хотя и опирался на профессиональные знания специали-

[1] См.: *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973. С. 231-233.
[2] См.: Там же. С.233-234.

стов. Эта политика тщательно планировалась заранее в условиях абсолютной секретности. Политбюро привлекалось к оформлению коллективного решения не ранее того момента, когда принципиальные вопросы того или иного аспекта внутренней политики были уже решены Сталиным и обсуждены им с узкой группой специалистов-профессионалов соответствующего профиля.

Сравнение проектов денежной реформы, подготовленных в недрах Министерства финансов и Госбанка, с последующей их корректировкой в правительстве, позволяет судить о том, в каком направлении шла доработка проектов и какие цели она преследовала.

Первый из имеющихся в нашем распоряжении документов на эту тему датирован 8 января 1946 г. и представляет записку наркома финансов Зверева на имя Сталина о бюджете, денежном обращении за годы войны и необходимых мероприятиях по укреплению доходной части бюджета. Зверев отмечал, что если в военные годы рост расходов "в значительной мере покрывался поступлениями от населения", то с окончанием войны бюджет "уже не может базироваться на тех доходных источниках, которые имели решающее значение в период войны". По его мнению, положение усугублялось тем, что в послевоенные годы общая сумма расходов бюджета "почти не сокращается". В качестве первоочередной меры им предлагалось обеспечить большой рост поступлений по налогу с оборота. Однако в условиях послевоенного снижения цен это подразумевало быстрое восстановление довоенного объема производства предметов потребления. Главная роль отводилась Зверевым текстильной промышленности, которая была обеспечена сырьем и нуждалась лишь в топливе и рабочей силе. В целях приведения денежной массы в соответствие с реальными потребностями хозяйственного оборота и изъятия "у отдельных слоев населения денежных накоплений от конъюктурных доходов военного времени" Зверев предлагал поручить Наркомфину СССР, Госбанку СССР и Госплану СССР в трехмесячный срок внести на рассмотрение Совнаркома СССР соответствующие предложения, а также утвердить образцы новых денежных знаков и приступить к их изготовлению. Резолюция Сталина на докладной записке наркома гласила: "Т-щам Берия, Вознесенскому, Маленкову. Я бы хотел, чтобы важнейшие соображения т. Зверева по части расширения рыночных товарных фондов и снижения себестоимости производства были учтены в пятилетнем плане. И. Сталин"[1].

[1] АПРФ. Архивная коллекция.

После войны государственный розничный товарооборот хотя и рос из года в год, но совсем не в тех размерах, которые бы отвечали потребностям населения. Одна из главных причин – отсутствие необходимых товарных фондов, что являлось прямым следствием приоритетного развития средств производства перед производством предметов потребления. В этой связи надеждам министра на то, что текстильная промышленность явится "палочкой-выручалочкой" для резкого увеличения государственного товарооборота, не суждено было сбыться. Предложение министра о первоочередном увеличении доходной части бюджета именно за счет налога с оборота свидетельствовало о неизменности прежнего экономического курса.

Особо следует сказать о том месте из докладной записки Зверева, где признавалось невозможным сохранить на прежнем уровне платежи населения по госзаймам и сельхозналогу. В связи с этой фразой Звереву пришлось дать специальное разъяснение зампредседателя Совмина СССР Берии. Зверев указал, что его вывод о снижении платежей населения основан на точных расчетах ("предпосылках", как выразился министр). Так, в 1940г. поступления по госзаймам составляли 8,8 млрд руб., а в 1945 г. - 23,1 млрд руб. Если в 1940 г. подписка рабочих и служащих составляла 64,4% к месячному фонду зарплаты, то в 1945 г. – 120%. Отсюда необходимость снизить сумму подписки в 1946 г. до 20 млрд руб., что должно было составить среднюю сумму подписки рабочих и служащих в 96% к месячному фонду зарплаты[1]. Сходные причины лежали и в основе снижения поступлений от сельхозналога.

Таким образом, не забота государства о людях, но почти абсолютное обнищание населения вынуждало правительство снижать налоговый гнет. Предложения министра финансов по проведению реформы прямо подразумевали изъятие миллиардных денежных сумм у сельского товаропроизводителя, доходы которого квалифицировались как "конъюктурные", следовательно, незаконные с точки зрения советской власти. По ориентировочным расчетам Минфина, накануне войны денежные остатки городского населения составляли 7,3млрд, а сельского – 7 млрд руб. В 1945 г. соответствующие суммы составляли уже 19,5млрд и 34,2 млрд руб.

В июне того же года Зверев представил Сталину проект постановления Совмина СССР о денежной реформе. Его основные положения сводились к установлению сроков проведения реформы (IV квартал 1947 г.) и

[1] АПРФ. Архивная коллекция.

соотношения обращающихся денежных знаков на новые образца 1947 г. из расчета "за каждый рубль в денежных знаках нынешнего образца – 20 копеек в денежных знаках нового образца". Помимо этого предусматривалось провести конверсию государственных займов, распространяемых по подписке среди населения. Предлагалось также впредь до проведения денежной реформы прекратить какое-либо повышение заработной платы и расценок, а также заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты.Одновременно с обменом денег планировалось провести по указанному соотношению пересчет вкладов населения в сберкассах.

Предложение Минфина производить обмен в соотношении 5:1 показывает, что реформа должна была проводиться целиком за счет населения. Интересно отметить, что финансовые органы прорабатывали несколько вариантов обмена старых денег на новые, в том числе такие, чтобы "в наименьшей степени затронуть текущие оборотные кассы широких слоев населения и не вызвать перебоев в товарообороте, налоговых и других платежах". Один из вариантов предусматривал, что обмен денег населению должен проводиться по номиналу 1 рубль за 1 рубль. Предполагалось установить лимит обмена, что позволило бы изъять из обращения около 10-15 млрд руб. из тех 50-60 млрд, которые, по предварительным расчетам, находились в обращении. Лимит предлагалось установить в следующих нормах: для рабочих, служащих, пенсионеров, стипендиатов – не свыше полумесячного заработка, для крестьян – 1000 руб. на двор или для колхозников – 800 руб. на работающего. Таким образом, изъятие денег производилось бы главным образом за счет накоплений, превышающих потребности населения в деньгах для минимальных потребительских нужд. Одновременно указывалось на трудности проведения подобного варианта, поскольку неравномерность распределения денег у населения вызвала бы при обмене их недостаток. Чтобы избежать этих трудностей, предлагалось блокировать суммы, предъявленные к обмену сверх установленного лимита[1]. Естественно, что предложенный вариант в наибольшей степени учитывал бы интересы населения.

Один из вариантов предлагал параллельное обращение и последующий обмен или аннулирование старых денег. Разработчики этого проекта исходили из того, что избыток денег у крупных держателей "не давит особенно сильно на рынок массовых товаров, а избытки касс рассосутся постепенно по оборотам 1948 г.". При этом варианте выпуск новых денег

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

должен был происходить постепенно (в порядке выдачи зарплаты, пенсий, пособий и т.п.), а старые изымались бы Госбанком из обращения за счет торговой выручки, налогов. Проведение реформы по этому варианту планировалось осуществлять в условиях карточной системы, что, по мнению разработчиков, "вызовет "набег" держателей денег на дорогие товары в Особторге, ценности и т.п. – это до некоторой степени рассосет крупные остатки денег по дорогим ценам". В результате текущие кассы населения в значительной мере должны были пополниться новыми деньгами, а старые остаться в денежных остатках ("чулках"). По мысли разработчиков проекта, около 6 мес. параллельного обращения было бы достаточно для обновления касс населения и в городе, и на селе. После этого предполагалось произвести аннулирование старых денег (с обменом их по особым заявлениям) или произвести обмен по лимиту через предприятия, организации, колхозы. Последняя мера, полагали авторы проекта, "приведет к непредъявлению крупных сумм, отсечет также деньги, незаконно оказавшиеся за границей".

В этом варианте ясно проглядывает желание использовать опыт денежной реформы 1922-1924 гг., когда существовало параллельное обращение двух валют – совзнака и червонца. Можно предположить, что некоторые из вариантов денежной реформы были предложены Минфином Сталину. Об этом, в частности, свидетельствует такой факт: в сентябре 1946 г. Зверев направил Сталину справку о денежной реформе 1922-1924гг. Ознакомившись с ней, адресат признал записку "слишком краткой и маловразумительной". По мнению Сталина, в записке следовало отразить недостатки и достоинства денежной реформы, проведенной в СССР в начале 20-х годов, а также подчеркнуть, "чем должна отличаться предстоящая денежная реформа от денежной реформы 1922 – 1924 гг."[1].

В октябре 1946 г. Сталин получил переработанный вариант записки. Судя по пометам в тексте документа, внимание Сталина привлекли в первую очередь фактические сведения о финансовой политике советского государства в 20-40-е годы. Таковы его подчеркивания сведений о бюджетном дефиците 1920 г., количестве денег, выпущенных в обращение в годы гражданской и отечественной войны, данных о военных расходах в 1941-1945 гг. и основных источниках поступления денег в бюджет за эти годы, о доходах казны от коммерческой торговли и реализации водки и др. Сталин неплохо разбирался в истории финансов. Он подчеркивает фразу, где

[1] АПРФ. Архивная коллекция.

говорится, что "в условиях 1921-1922 гг. проблема оздоровления денежного обращения ставилась как проблема создания твердой советской валюты на золотой основе, но без золотого обращения".

Эта помета показывала – Сталин отдавал ясный отчет, что ситуация финансового кризиса, связанного с Первой мировой войной, может повториться и после Второй мировой войны. Тогда, в 20-е годы, высокая инфляция отразила огромные расходы военного времени и факт нехватки золотых резервов ведущих стран Европы и США, чтобы обеспечить денежные потребности растущей после войны мировой экономики. Поэтому золотой стандарт этих стран не был восстановлен. По этой же причине и в СССР в 1935 г. валютная стоимость рубля стала выражаться во французских франках, а с 1937 г. – в долларах США. Следовательно, и Советский Союз под влиянием колоссальных расходов на индустриализацию был вынужден отказаться от привязки рубля к золотой основе. Но если Сталин в речи 1946 г. выдвигал в качестве стратегической задачи борьбу СССР с США за роль мирового лидера, он должен был любой ценой вновь перевести рубль на золотую основу. Эта цель в 1946-1947 гг. – в период подготовки денежной реформы – еще не ставилась руководством страны в практическую плоскость именно потому, что первоначально следовало стабилизировать финансовую систему внутри страны. Эта задача была решена в 1950 г., о чем речь пойдет ниже.

Возмущение Сталина вызвали неосторожные, неточно сформулированные по смыслу фразы из записки Зверева, в которых говорилось о целесообразности "рассмотреть вопрос о проведении денежной реформы с таким расчетом, чтобы повысить покупательную силу рубля, снизив общий уровень цен и пересмотрев соответственно уровень заработной платы". Вряд ли такой подход к проведению реформы, равно как и варианты обмена денег по номиналу (или параллельного обращения старых и новых денег), могли быть приняты советским руководством.

По мнению Сталина, что подтвердилось при принятии окончательного варианта реформы, проблему следовало решать по-большевистски, исходя из того, что кратчайший путь между двумя точками – прямая. Если Минфин предлагал провести обмен денег, исходя из соотношения 5:1, то в окончательном варианте это соотношение было изменено.

Денежная реформа 1947 г. проводилась на следующих основаниях. Старые деньги обменивались на новые (образца 1947 г.) по соотношению 10:1. По данным Госбанка на 1 декабря 1947 г. в обращение было выпу-

щено старых денег на сумму 63,4 млрд руб. За первую половину декабря 1947 г. было изъято 19,0 млрд руб. за счет кассовых остатков государственных предприятий и учреждений, поступивших в Госбанк, торговой выручки, снижения выдач по зарплате, взносов населения в сберкассы, погашения недоимок по налогам и пр. В результате количество денег в обращении к началу реформы сократилось до 43,6 млрд руб.

Обмен денег был возложен на Госбанк СССР. В качестве выплатных пунктов были привлечены сберкассы, почтовые предприятия, кассовый аппарат крупных предприятий и учреждений, на всей территории страны были организовано 46 тыс. выплатных пунктов.

Обмен денег проводился по всей территории СССР с 16 по 22 декабря 1947 г. Было обменено старых денег 37,2 млрд руб., в том числе через городские выплатные пункты 14,6млрд через сельские – 13,2 млрд и 9 млрд через выручку торговых учреждений и организаций. Для более точной оценки приведенных цифр следует учесть, что сельское население часть денег обменяло в городах. Из общей суммы старых денег, находившихся в обращении к началу реформы, около 6 млрд руб. погибло в годы войны и не было предъявлено к обмену. Значительные денежные суммы, как показали результаты обмена (в межреспубликанском разрезе), осели перед реформой в Узбекской и Грузинской ССР[1].

После проведения обмена, по расчетам Госбанка, на руках у населения осталось около 4 млрд руб., а общее количество денег, выпущенных в обращение на конец 1947 г., составляло 14 млрд руб.

Итак, государство достигло желаемой финансовой стабилизации, но ценой ограбления народа. Общий объем денежной массы в обращении в 1947 г. был значительно меньше соответствующего показателя накануне войны, тогда как объем товарооборота, а также фонды заработной платы и пенсий были почти вдвое больше, чем в 1940 г. Еще одним значимым для государства успехом, достигнутым за счет проведения реформы, стало уменьшение роли рыночных доходов в общей сумме денежных доходов не только городского, но и сельского населения и, одновременно, рост значения заработной платы и других доходов, получаемых населением от государственных и кооперативных организаций.

Однако это была временная победа правительства: изъятие у населения денег привело к сокращению объема розничного товарооборота в сравнении с 1947 г. Помимо этого государство вынуждено было проводить

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция; РГАСПИ. Архивная коллекция.

значительную эмиссию для того, чтобы восполнить до необходимых размеров переходящие кассовые остатки денежных сбережений у населения, а также в кассах предприятий и организаций, подвергшихся уценке при проведении денежной реформы. Денежная масса в стране увеличилась за 1948 – 1951 гг. с 23,8млрд до 34,0 млрд руб., т.е. в 1,4 раза. В связи с огромными расходами военно-промышленного комплекса эмиссия после войны могла иметь еще большие размеры, если бы правительство регулярно не повышало прямые и косвенные налоги[1]. Среди причин, вызывающих эмиссию, финансовые органы называли неудовлетворенный спрос на товары, что приводило к накоплению денежных излишков у населения. Однако, как показала практика 1949 г., эмиссия имела место несмотря на наличие товарных фондов и то, что предложение товаров значительно превышало платежеспособный спрос населения. Главная причина лежала глубже. Свидетельством полного недоверия значительной части населения к финансовой политике правительства служит тот факт, что после реформы крупные денежные накопления сельского населения находились преимущественно на руках, тогда как горожане хранили их в основном в сберкассах и меньшую часть на руках.

Помимо обмена денег реформа подразумевала переоценку вкладов населения. Не подлежали переоценке вклады, размер которых не превышал 3 тыс. руб., остальные вклады переоценивались из соотношения 3:2 (если размер вклада не превышал 10 тыс. руб.) и из соотношения 2:1(размер вклада был свыше 10 тыс. руб.).

Переоценка вкладов принесла дополнительный доход казне в 3,6 млрд руб. Общая сумма средств во вкладах после реформы в 2 раза превышала остаток вкладов к началу войны.

В ходе реформы был закончен обмен облигаций займа 1938 г. Из 2 млрд руб., находившихся у населения, было предъявлено 1,9 млрд руб. 40% этих облигаций население обменяло по установленному соотношению 1:5 на облигации нового трехпроцентного займа, остальные были куплены сберкассами за наличный расчет. Всего было выдано населению новыми деньгами и облигациями нового займа 380 млн руб.

Наибольшую выгоду государство намеревалось получить от обмена облигаций конвертируемых займов который планировалось провести в мае – июне 1948 г. В связи с выпуском военных займов, значительно увеличился государственный долг по займам, размещенным среди населения – с

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

39 млрд в 1941г. до 125 млрд руб. в 1946 г. В результате конверсии ожидалось, что общий государственный долг по всем займам, размещенным по подписке среди населения, а также колхозов и кооперативных организаций снизится с 158,8 млрд до 58,8 млрд руб. В связи с конверсией займов (уменьшением государственного долга и снижением до 2% доходности по займам) платежи бюджета по процентам и выигрышам должны были сократиться на 5 млрд руб. только в одном 1948 г.[1]

Дополнительный доход государству принесла переоценка счетов кооперативных организаций (с 7,8 млрд до 6,2 млрд руб.) и счетов колхозов (с 5,9 млрд до 4,7 млрд руб.).

Таким образом, можно с полным основанием констатировать, что денежная реформа носила в целом конфискационный характер и имела целью максимальное изъятие денег не только у населения, но также у кооперативных организаций и колхозов. Главное острие реформы направлялось против частных сельских товаропроизводителей, в которых государство увидело серьезную угрозу своему монопольному положению на внутреннем рынке.

Война способствовала колоссальному росту рыночных цен, которые достигли своего максимума в 1943 г. В мае 1943 г. цены на городских колхозных рынках превысили довоенный уровень в 17 раз, в ноябре 1945 г. - в 4 раза. Миллиарды рублей, полученные гражданами от рыночной торговли, при сократившемся за годы войны государственном (и кооперативном) розничном товарообороте представляли, как считало правительство, серьезную угрозу и "затрудняли переход к открытой торговле по единым ценам и упорядочение на этой основе денежного обращения".

Самое же главное заключалось в том, что советское государство признавало рыночные доходы населения спекулятивными, считая, что в СССР только доходы, полученные от работы в государственных и колхозно-кооперативных организациях, могут считаться законными. Именно эта идеологическая подоплека диктовала правительству осуществить реформу как конфискацию "конъюктурных" доходов населения. В январе 1948 г. Зверев представил Сталину доклад об итогах денежной реформы 1947 г., с которым ознакомились члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК. В докладе констатировалось, что задачи, поставленные при проведении денежной реформы, разрешены. Реформа позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, – сообщал министр, – излишние деньги изъяты из обращения. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета[1].

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция; РГАСПИ. Архивная коллекция.

Однако одним из важных последствий реформы было не только резкое падение жизненного уровня населения Советского Союза, но также полное разочарование народа в социальной политике правительства.

Проведение реформы явилось необходимым условием отмены карточной системы. Вопрос об отмене карточек рассматривался в правительстве параллельно с подготовкой денежной реформы, поскольку, как было указано выше, Минфин СССР с самого начала считал необходимым тесную увязку и одновременность проведения обоих мероприятий. В мае 1946 г. решением Политбюро была создана специальная комиссия в составе Микояна (председатель), Вознесенского, Косыгина, Любимова, Зверева, Хрущева. Из этих шести человек трое – Микоян, Вознесенкий, Косыгин – входили также в комиссию по денежной реформе, созданную годом позже, что делало возможным координацию действий обеих комиссий на заключительном этапе с лета 1947 г. Отметим, что в необходимых случаях к разработке отдельных документов привлекался секретарь ЦК Жданов и председатель ВЦСПС Кузнецов.

Анализ правительственной переписки показывает, что существовал достаточно регулярный обмен информацией по важнейшим вопросам отмены карточной системы (о наличии товарных фондов в стране, расчетах к балансу денежных доходов и расходов населения, хлебозаготовках, государственном резерве зерна, карточных нормах, ценообразовании и пр.) между Берией, Вознесенким, Микояном, Зверевым, Любимовым, Косыгиным и в более ранний период, а именно летом – осенью 1946 г. Это было связано с засухой и начавшимся в стране голодом, которые вызвали корректировку правительственного курса и борьбу за "экономию в расходовании хлеба". Эта борьба выразилась не только в снятии с государственного (пайкового) снабжения хлебом отдельных категорий рабочих, иждивенцев и детей, но и в повышении пайковых цен.

Как показано на примере денежной реформы, далеко не всегда правительственные чиновники выступали абсолютно безропотными исполнителями решений высшей власти, лишенными какой-либо собственной инициативы. Инициатива была важна и поощрялась, но не менее важно было

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

было угадать возможный ход будущих событий и личное сталинское мнение.

В августе 1946 г. министр торговли СССР Любимов направил Сталину специальную записку, в которой предусматривался ряд мер для дополнительного получения средств в бюджет, при этом без изменения цен на нормированные продовольственные товары. "Если отсрочка отмены карточной системы вполне оправдывается в связи с неурожаем в ряде районов СССР, – писал министр, – то повышение цен на нормируемые хлебопродукты, мясо и жиры в настоящее время населению будет малопонятно". В предложениях министра сочетались меры, основанные на жесткой централизации и экономии норм продовольственного снабжения, с вариантами, при которых государство стимулировало бы рыночную торговлю. Так, для увеличения привоза сельхозпродуктов на колхозные рынки, министр предлагал разрешить Минторгу СССР организовать при рынках комиссионно-посреднические конторы по реализации на комиссионных началах излишков продуктов колхозов "по ценам, складывающимся на рынке, но не выше коммерческих". Это, по его мнению, должно было повысить розничный товарооборот до такого уровня, который позволил бы изъять у населения свободные средства на сумму в 31 млрд руб. В случае же принятия варианта с повышением цен на нормированные продовольственные товары, с одновременной выплатой надбавок к зарплате, изъятие средств у населения составило бы только 21 млрд руб. Иронические пометы Сталина на полях документа против этих предложений Любимова – "фокусы!", "ха-ха-ха"[1] – вполне показывают реакцию вождя на "рыночные предложения" министра, несовместимость этих предложений с генеральной линией правительства на свертывание рыночных отношений в стране. В погоне за частным успехом министр, по сути дела, предлагал поступиться основами советской экономической политики именно в тот момент, когда правительство вырабатывало курс на конфискацию народных средств и жесткий зажим частной торговли.

Дальнейшая карьера Любимова была предрешена, и в апреле 1948 г. он снят с должности. Официальные обвинения в адрес опального министра показывают, что рецидивы "рыночного мышления" наблюдались у него и позже. "Бывший министр торговли СССР Любимов, – отмечалось в секретном постановлении правительства, – в период нормированной торговли неоднократно проявлял недисциплинированность, менял государственные

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

планы снабжения населения, допускал превышение установленных правительством контингентов и расточительно расходовал выделенные государством рыночные фонды хлеба и продовольственных товаров ...(он) воспринял переход к бескарточной торговле как отказ от борьбы за экономное расходование хлеба и продовольственных ресурсов"[1].

Случай с Любимовым носит отнюдь не частный характер. Он весьма символичен для своего времени, поскольку показывает, что реалии экономической жизни СССР "размывали" традиционное мышление хозяйственных чиновников, воспитанных советским режимом на догмах централизованного планирования и государственного диктата.

Одновременно с проектом Любимова Сталин получил предложения от Вознесенского, Зверева, Кузнецова. В них содержался проект правительственного постановления "О повышении заработной платы" в связи с предполагаемым повышением цен на некоторые продовольственные товары, продаваемые по карточкам, а также большой справочный материал. По предварительным прикидкам, общая сумма повышения цен на товары, продаваемые по карточкам, должна была составить в год 65 млрд руб., тогда как общая сумма повышения зарплаты рабочим и служащим – около 43 млрд руб. Естественно, что предпочтение было отдано последнему варианту, а не любимовскому. В подготовке окончательного проекта правительственного постановления помимо трех названных лиц принимали также участие Берия, Маленков, Микоян, Жданов, Косыгин. Постановление носило закрытый характер. Для информирования о его содержании советских и партийных руководящих организаций страны было послано специальное сообщение Совмина СССР и ЦК ВКП (б). ЦК обязывал руководителей республик, крайкомов и обкомов партии "зачитать и разъяснить данное сообщение" на активах городских парторганизаций, созыв которых должен был состояться в первой декаде сентября 1946 г.[2]

Важное место в постановлении отводилось объяснению причин, по которым следовало поднять пайковые цены. Поскольку предстоящая в 1947 г. отмена карточной системы сохранялась как важнейшая государственная задача, постольку, говорилось в постановлении, следует решить, "каким путем следует идти к единым государственным ценам, т.е. какой уровень цен можно принять за основу для единых государственных цен?". Не могли быть приняты за основу как высокие коммерческие цены, что

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

[2] См.: Там же.

“привело бы к подрыву зарплаты и разорению рабочих и служащих”, так и слишком низкие пайковые цены, что вызвало бы “полное расстройство нашего народного хозяйства”. Поэтому, отмечалось в документе, правительство выбрало третий путь – “путь прогрессивного сближения коммерческих и пайковых цен, путь ликвидации разрыва между ними – посредством серьезного снижения коммерческих цен и некоторого повышения пайковых цен”. Предполагалось, что к моменту отмены карточной системы коммерческие цены будут упразднены, а новые пайковые цены будут объявлены едиными госценами.

Таким незамысловатым способом партийным органам предлагалось объяснить народу, что журавль в небе лучше синицы в руках. Действительно, по высоким коммерческим ценам (снижение которых всячески восхвалялось) покупало продукты и промтовары лишь незначительное число людей, тогда как основная масса населения отоваривала свои карточки по пайковым ценам, которые существенно выросли (уровень пайковых цен вырос в среднем втрое). О реакции населения на повышение цен позволяют судить отдельные высказывания, зафиксированные в информационных сводках:

“Нам будет тяжелее, но и спекулянты поутихомирятся, а то масса людей занимается спекуляцией”;

“Лишь бы побольше давали картошки по карточкам и в столовых не увеличивали бы цен”;

“Временное явление – на годик”;

“Все ничего, но хлеб дороговат”;

“Хорошо, что цены снизились на коммерческие товары, на рынке продукты подешевеют, спекулянтам станет хуже”;

“Все можно вытерпеть, лишь бы войны не было, а это хоть трудно, а переживем”;

“Хорошо сделали – всех сравняли, а то одни объедались, а другие ничего не видели”;

“Надоели карточки, да и норму снизили. Победили мы, русские, а вот о русских-то заботы мало. Все дороже да дороже, а ведь от всех побежденных деньги получаем”;

“Куда делся черный хлеб? Сколько его сдали колхозники, а где он?”;

“Сокращение норм на хлеб, значит будет война”[1].

[1] ГАРФ. Ф.5446. Оп.49. Д.2019. Л.65-76

За большинством высказываний сквозит уныние людей, смирившихся со своей тяжелой долей, да некоторое чувство злорадства, что и спекулянтам придется несладко.

В этих непростых условиях центральная власть умело дистанцировалась от местных исполнительных органов, пытаясь перевести стрелки народного недовольства в адрес торговых работников. Подобная тактика приносила свои плоды. Так, секретарь ЦК Н.С. Патоличев, в задачу которого входило информирование Сталина о городских собраниях партактивов, сообщал: “Серьезной критике подвергались торговые и снабженческие организации, приводились многочисленные факты, сведения о крупных недостатках с выдачей продовольственных карточек, в работе магазинов и орсов предприятий. Подвергались суровой критике органы милиции, прокуратуры и суда, которые слабо и недостаточно ведут борьбу с растратами, хищениями и спекуляцией”. Однако в своем докладе Патоличев вынужден был признать, что “в отдельных городах собрания партактивов прошли вяло, неактивно”. Так, из 500 человек, присутствующих на собрании партактива в Пскове, никто не выступал в прениях, вопросы не задавались.[1] Безразличное отношение рядовых коммунистов к идеологической акции Политбюро свидетельствовало об отрицательном отношении населения к повышению пайковых цен.

Некоторым возмещением потерь рабочих и служащих, имеющих заработную плату не выше 900 руб. в месяц, было повышение им зарплаты в виде надбавок в следующих размерах: получающим до 300 руб.- 100 руб. в месяц; до 500 – 95; до 700 – 90; до 900 – 80 руб. На 60 руб. повышались пенсии, на 80 – стипендии студентам вузов и на 40 – студентам техникумов.

Весной 1947 г. Минфин и ЦСУ сообщили в правительство, что дополнительные доходы от повышения пайковых цен превысили дополнительные расходы на повышение зарплаты, пенсий и стипендий в IV квартале 1946 г. на 2,2 млрд руб.

Отмена карточек была проведена в декабре 1947 г. одновременно с денежной реформой. Продовольственные и промышленные товары стали продаваться в порядке открытой торговли по единым государственным розничным ценам. Вводились следующие цены на некоторые товары (в руб. и коп. за 1 кг. в зависимости от ценового пояса); хлеб ржаной – 2,80 – 3,20 мука пшеничная – 7,00 – 9,00; сахар- рафинад – 13,50 – 16,50; мясо 1

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

сорт – 28,00 – 32,00; масло сливочное – 62,00 –66,00; масло подсолнечное – 28,00 – 32,00; соль – 1,60 – 1,80; молоко (литр)- 2,50 – 5,00; яйцо (десяток) – 10,00 – 18,00; пиво (0.5 л) – 7,00; икра – 400,00; водка (0.5 л) – 60,00; костюм мужской (двойка) – 450,00; полуботинки мужские (1 пара) - 288,00; валенки – 216,00; чулки женские – 7,50; часы наручные – 900,00; патефон – 900,00; мыло хозяйственное (1 кусок) – 5,20; керосин (1 л) - 2,00 – 2,50; галоши резиновые – 45,00. Одновременно, из-за недостатка товарных фондов и в целях пресечения спекуляции, вводились нормы отпуска товаров в одни руки: хлеба – не свыше 2 кг, круп и мяса – 1 кг, масла растительного – 400 г, молока – 1 л, обуви – 1 пара, спичек – 2 коробки, керосина – 2 л, мыла хозяйственного – 1 кусок[1]. Товарный дефицит и многочасовые очереди и после войны продолжали быть непременным атрибутом советской торговли.

После войны правительство неоднократно снижало государственные розничные цены на продукты массового потребления. О том, какое огромное значение придавалось политике цен, свидетельствует тот факт, что после войны Политбюро ЦК неоднократно создавало комиссию по вопросам цен, в которую входили Микоян, Косыгин, Вознесенский, Маленков, Берия, Каганович, Зверев, Сабуров, т.е. ведущие фигуры ближайшего сталинского окружения, а также руководители отдельных ведомств (Любимов, Жаворонков, Хохлов и др.)

Политика снижения цен являлась мощным средством пропаганды “достижений социализма” среди широких слоев населения, что, безусловно, способствовало укреплению созданной в стране системы и режима личной власти Сталина. Приведем характерное для оценки этой акции высказывание домашней хозяйки: “Новое снижение цен показывает, что советское правительство действительно заботится о трудовом народе. Ведь для тех, кто получает небольшую зарплату, это снижение является чрезвычайно большим облегчением. Эти люди от всего сердца благодарят правительство и Сталина”[2].

Механизм снижения был основан на том, что государство изымало продукцию сельского хозяйства по низким заготовительным ценам – через систему обязательных поставок с колхозов и личных хозяйств граждан – а продавало ее по относительно высоким розничным ценам. Так достигалось сразу несколько целей. Во-первых, полученные за счет труда деревни

[1] См.: ГАРФ. Ф.5446. Оп.50. Д.2899. Л.9-10; Д.2900. Л.215-219.
[2] Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М., 1992. С. 287.

таким способом деньги правительство перераспределяло в пользу промышленности, что позволяло сохранять приоритет развития производства средств производства (группа “А”) над производством предметов потребления (группа “Б”). Этот принцип лежал в основе “политэкономии социализма”. Во-вторых, изъятие из деревни продуктов, необходимых для пропитания самого сельского населения, заставляло последнее непрерывно трудиться в колхозах и личных хозяйствах и потому гарантировало государству непрерывность обязательных поставок. Понимая, что в силу жизненной необходимости крестьянин вынужден выращивать продукцию на жестко регламентированном в размерах приусадебном участке, государство обложило его сразу двумя налогами: натуральным (обязательные поставки мяса, шерсти, молока, яиц и пр.) и денежным, выплачиваемым с 1939 г. по прогрессивным ставкам.

С отменой карточной системы розничные цены на сельхозпродукты снижались, что влекло за собой автоматическое снижение цен на колхозных рынках, а с другой – размеры денежных налогообложений после войны постоянно повышались. Так, средняя сумма денежного сельхозналога на колхозный двор увеличилась по СССР за 1940 – 1951 гг. со 112 до 523 руб. (в сопоставимых ценах), а вся сумма налога по стране – с 1,9млрд до 8,3 млрд руб. Поскольку подавляющее большинство колхозных дворов обладало низкой доходностью и не могло уплачивать этот налог, общая задолженность населения государству по сельхозналогу составляла к концу сталинского правления около 0,5 млрд руб.; значительная часть недоимок числилась за семьями вдов и хозяйствами престарелых[1].

Реформа повлекла за собой не менее чем двукратное снижение рыночных цен на основные сельскохозяйственные продукты. И каждое новое снижение государственных розничных цен скачкообразно понижало цены колхозных рынков.

. Таким образом, “ножницы” между регулярным снижением рыночных цен и столь же регулярным повышением денежных налогов – механизм искусственно созданный государством – приводил к такому положению, что продажа продуктов, произведенных в личных хозяйствах (ее физические объемы), из года в год увеличивалась. Поскольку в начале 50-х годов около четверти всех колхозов страны вообще не выдавали денег по трудодням, а в 30% колхозов выдача на 1 трудодень не превышала 40 коп. продажа продуктов на рынке часто была для сельского населения единст-

[1] См.: РГАЭ. Ф.7733. Оп.42. Д.911. Л.131

венным способом добывания денег для уплаты налогов и займов. Следовательно, снижение цен проводилось целиком за счет деревни, за счет перенапряжения ее сил и резкого ухудшения материального положения.

Общая сумма, полученная в результате снижения государственных розничных цен за декабрь 1947 г. – апрель 1952 г., составила 235,5 млрд руб. в госторговле и 94 млрд руб. в кооперативной торговле и колхозном рынке[1].

Снижение цен, при котором сельское население заведомо ставилось в униженное положение по отношению к городским жителям, прямо выигрывавшим от этой меры, приводило к дополнительному разобщению советского общества, служило еще одним доказательством социального третирования крестьянства как особой государственной политики.

Вся послевоенная советская пропаганда представляла снижение цен как "чистый убыток для государственного бюджета и чистый выигрыш для населения". Согласно пропагандистским установкам покрытие государственных убытков осуществлялось благодаря "росту производительности труда, подъему производства товаров массового потребления, снижению себестоимости продукции". Действительно, нельзя полностью отрицать воздействие этих факторов на снижение цен. Но в своем объяснении правительство "забыло" указать народу главный источник получения сверхдоходов – разницу между закупочными ценами на товары массового потребления и сырье для них, и государственными розничными ценами, т.е. ту самую разницу, которая, по признанию правительства, составляла сотни миллиардов рублей и которую правительство, пользуясь своим монопольным положением на внутреннем и внешнем рынке, клало себе в карман, а затем незначительную толику выделяло народу.

Расчеты, сделанные Минфином в 1952 г. показывают, что вся сумма снижения цен на промтовары за 1948-1952 гг. составляла 1/5 от суммы снижения цен на продовольственные товары. И здесь одно важное пояснение. В структуре розничного товарооборота доход от продажи водки составлял: в (%) 1940 г. – 8,4, в 1947 г. – 13,0, в 1948 г. – 9. В то же время производство водки за указанные годы составляло соответственно (в млн дкл): 92,5; 41,4 и 33,8[2]. Другими словами, производство водки в стране за 1940 – 1948 гг. сократилось в 2,7 раза, а удельный вес дохода в розничном товарообороте даже несколько превысил довоенный показатель. Снижение цен на водку в послевоенный период произошло на 56,7% только потому, что народ стал меньше ее потреблять, увеличив расходы на покупку кондитерских изделий, ширпотреба и пр. Установление размеров снижения цен на водку стало предметом специального обсуждения этого вопроса у Сталина с членами комиссии Политбюро в мае 1949 г. именно в связи с сокращением ее потребления. Снижение цен на алкогольные напитки должно было, по расчетам правительства, увеличить их реализацию в натуральном выражении и тем компенсировать снижение цены[1]. Эта была еще одна "тайна" отечественной экономики, о которой не любила распространяться советская пропаганда.

В отечественной экономической литературе денежной реформе 1947 г. дана, на наш взгляд, завышенная оценка.[2] Это происходит потому, что анализ проблемы проводится без учета действительных целей экономической политики Сталина. Мы показали прямую зависимость между снижением цен, осуществляемых правительством целиком за счет сельского товаропроизводителя, и стабильностью советского рубля. Денежная реформа нанесла сильный удар по рыночным отношениям. В военные годы общий денежный оборот колхозного рынка вырос в 7 раз в сравнении с довоенным и в 1,7 раза превзошел государственный розничный товарооборот. Масштабы рыночной торговли были столь велики и всеобъемлющи, что целиком опровергали мнение о советской экономике как основанной на "социалистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства" (статья 4 Конституции СССР 1936 г.). Именно в ответственные исторические моменты социальная система и соответствующий ей экономический базис демонстрируют максимум возможностей. Из приведенных нами цифр видно, что не социалистический, а частный сектор вышел на первое место по обеспечению населения потре-

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

[2] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция. За период с 1947 по 1949 г. производство водки в СССР увеличилось с 41,4млн до 60,0 млн дкл т.е. почти в 1,5 раза, а цена 0,5 л водки снизилась с 60 до 30 руб. Так государство, стремясь сохранить бездефицитный бюджет, спаивало народ.

[2] Известный экономист В.Т. Рязанов, например, пишет: "Главным долгосрочным результатом реформы стало то, что фактически на 15 лет (до конца 50-х годов) удалось сохранять товарно-денежную сбалансированность и в целом обеспечить стабильность цен. Денежная реформа опять выступает как предваряющий этап в проведении рыночных по своему духу преобразований в режиме сохранения устойчивого и высокого экономического роста". См.: *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX веках. СПб. 1998. С.46-47.

бительскими товарами в годы войны. Войну выиграли не благодаря колхозам, а добывая пропитание с личных огородов.

Финансовая стабилизация страны, достигнутая правительством в ходе проведения денежной реформы 1947 г., создала необходимые условия для ускоренного восстановления и развития промышленности. Об этом убедительно свидетельствуют цифры госбюджета СССР конца 40-х – начала 50-х годов (таблица 2.1).

После 1947 г. значительно выросли расходы на финансирование народного хозяйства и социально-культурные мероприятия. В связи с завершением войны сократились огромные военные расходы, но к концу рассматриваемого периода они вновь резко увеличились. Последнее обстоятельство было связано с разгаром “холодной войны” и разработкой новых видов оружия, требующих колоссальных денежных средств, материальных и людских ресурсов. Распределение бюджетных средств соответствовало послевоенной стратегии советского руководства, претензиям СССР на роль одного из мировых лидеров. Отсюда приоритетное увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность, военно-промышленный комплекс.

Однако экономические возможности нашей страны не могли в этот период обеспечить в полной мере потребности такого курса. Сама экономическая модель, основанная преимущественно на ручном труде (с его низкой производительностью), жестком государственном контроле за всеми сферами производства, принудительном свертывании рыночной торговли и столь же принудительном контроле за ценами в долговременной перспективе, – рано или поздно – должна была исчерпать себя. Главное же заключалось в том (цифры исполнения госбюджета СССР за 1940 –1952 гг. это наглядно подтверждают), что основная часть доходных статей бюджета представляла собой прямые или косвенные налоги с населения. Это резко понижало уровень потребления в СССР, не позволяло широко использовать материальные стимулы к труду и в конечном счете обрекало нашу экономику на низкую эффективность в сравнении с западной.

Власть осуществляла жесткий контроль за интересами той группы населения, которая сумела обогатиться за счет рыночной торговли. И хотя денежная реформа прямо затронула интересы всех социальных групп, но в наибольшей степени пострадали именно сельские жители. Усиление государственного финансового контроля выразилось и в ужесточении налоговой системы.

Главным способом изъятия средств у населения в пользу государства был так называемый налог с оборота предприятий обобществленного, т.е. социалистического сектора, введенный ЦИК и СНК СССР в сентябре 1930 г. Налогом облагался оборот с продажи товаров собственного изготовления или собственной заготовки. Уплата налога производилась путем перечисления соответствующих сумм с расчетных счетов плательщика налога в учреждениях Госбанка на счет государственного бюджета. Таким образом, хотя налог с оборота взимался предприятием, он не составлял его дохода, так как автоматически перечислялся Госбанком в доход бюджета. По существу, этот налог являлся не прямым налогом с предприятий социалистического сектора, как об этом объявлялось в постановлении, а косвенным налогом на покупки и охватывал всех граждан страны при покупке любых товаров. Как отмечал один из знатоков налоговой реформы в СССР П.Л. Кованьковский, от него никому нельзя уклониться, так как можно его не платить только в том случае, если не покупать хлеба, соли, мяса, рыбы и всех вообще предметов питания, одежды, мебели и пр. Это золотой самодействующий источник чистого дохода для государства[1]. Оборот, с которого взимался налог, исчислялся по продажной стоимости товаров. Для всех отраслей народного хозяйства и их предприятий устанавливалась особая ставка налога в процентном отношении к обороту. Ставки налога устанавливались государством *произвольно*, в зависимости от финансовых потребностей, и были столь значительны, что в несколько раз повышали фактическую цену товара, Поскольку предприятия обязывались включать в свои финпланы суммы налога, за государственными органами оставались только функции контроля по проверке своевременности и правильности платежей, что чрезвычайно облегчало и удешевляло для правительства всю работу по сбору этого налога.

Таким образом, прямой выигрыш государства от введения налога с оборота составлял колоссальные суммы, В основной массе налог с оборота поступал в общесоюзный бюджет. Наиболее высокими (от 50 до 80%) были ставки налога для отраслевых объединений, производящих вино, спирт, табак, сахар, спички. В январе 1932 г. Политбюро ЦК утвердило новые повышенные ставки налогового обложения, которые должны были обеспечить поступление в бюджет 1932 г. дополнительно 2,6 млрд руб. Уже в 1933 г. налог с оборота равнялся 26 983 млн руб., что составляло 58% всех поступлений в госбюджет страны. Перед войной удельный вес поступле-

[1] *Кованьковский П.Л.* Бюджет СССР: историко-критический обзор. Мюнхен, 1956.

ний от налога с оборота все время повышался. Если в годы нэпа государство едва сводило концы с концами, то с 1930 г. и до 1940 г. госбюджет не имел дефицита, а нередко год заканчивался превышением доходов над расходами в 1,5 – 3,1 млрд руб и более[1]. Однако бюджет страны, основанный преимущественно на косвенных налогах с населения, мог служить надежной базой для развития промышленности только в условиях мирного времени. Война резко сократила доходы людей и количество товаров: за 1942-1944 гг. государственный розничный товарооборот сократился в 2,5-3,0 раза по сравнению с 1940 г. Естественно, что сократились налоговые поступления. Чтобы заполнить финансовую брешь, в апреле 1942 г. были повышены цены на водку, вино, табак, пиво, соль. Только от повышения цен на водку государству дополнительно поступило налога с оборота за четыре военных года 76,8 млрд руб. Но даже эти чрезвычайные меры, резко понизившие материальный уровень жизни людей, не могли спасти финансовую систему, которая основывалась не на доходах населения, а на поборах с него.

Имея в основе денежной политики ценовой произвол на предметы и товары массового спроса, советское правительство уже перед войной почти исчерпало возможности для резкого увеличения расходной части бюджета. Так, в 1941 г. расходы госбюджета СССР выросли всего на 9,7% по сравнению с предшествующим годом, что ярко свидетельствует об ограниченных возможностях советской экономической системы в целом, ее неспособности рационально использовать источники народного дохода. В 1942 г. эти расходы понизились на 4,5% и только в 1943 г. наблюдалось некоторое повышение расходов, достигшее максимального роста к концу войны (в 1944 г. рост составил 25,7% по сравнению с 1943 г.). Это удалось сделать, как показано выше, за счет повышения цен, а также путем введения новых налогов (военного, налога на малосемейных). Для сравнения укажем, что США, официально вступившие в войну в декабре 1941 г., имели следующие показатели роста государственных расходов(в млрд долл.): 1941 г. – 12,7; 1942 г. – 32,4; 1943 г. – 78,2; 1944 г. – 104,0[2].

Сравнение показателей двух стран подводит к одному выводу: советское правительство еще до войны было вынуждено максимально милитаризовать народное хозяйство и поддерживать его на уровне капиталистических стран за счет резкого падения жизненного благосостояния всех

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

[2] См.: *Коваиьковский П.Л.* Указ. соч. С. 61,65

слоев населения Советского Союза. Получался порочный круг, из которого нельзя было вырваться: любое ускорение темпов роста народного хозяйства СССР (как того требовала международная обстановка) должно было базироваться на предварительно созданных колоссальных стратегических ресурсах сырья, полуфабрикатов и пр., которые в первую очередь направлялись в промышленность и в последнюю – шли на производство предметов потребления. Такой порядок лишал советскую экономику в лице ее производителей материальных стимулов к работе, но зато еще в большей мере повышалась роль идеологических и репрессивных методов. Каждый экономический рывок СССР в его соревновании с капиталистическим миром сопровождался очередным падением жизненного уровня в стране, и каждое новое поколение советских людей рано или поздно в массе своей убеждалось в абсолютной несостоятельности лозунга "каждому по труду". Безграничная эксплуатация правительством патриотических порывов населения в годы, когда СССР подвергался военной агрессии, в мирное время не давала нужного эффекта и заставляла власти наряду с идеологическими мерами широко применять репрессии.

Возросли не только прямые налоги с населения (подоходный, сельскохозяйственный, налог на холостяков), но и так называемые добровольные платежи – госзаймы, которые распространялись среди граждан в принудительным порядке. Как видно из табл. 2.1., удельный вес этих статей в доходной части бюджета за 1940-1952 гг. вырос с 11, 6 до 18,2%, а в абсолютных размерах увеличился более чем в 4 раза.[1]

Среди поступлений от налогов с населения наибольшую величину составлял подоходный налог. Так, в 1948 г. из 33,2 млрд руб., собранных в виде налогов с населения, подоходный налог составлял 17,0 млрд, сельскохозяйственный – 9,7 млрд и налог с холостяков – 6,4 млрд руб. В 1950г. эти показатели составили соответственно 20,4 млрд, 8,0млрд и 7,4 млрд руб.

Повлияла на бюджет в послевоенный период утрата таких статей дохода как поступления по ленд-лизу и репарациям. Достаточно сказать, что удельный вес этих поступлений составлял в 1945 г. 16,2% всех доходов страны (см. табл.2.1.). До настоящего времени, из-за отсутствия необходимых данных, вопрос о роли внешних источников в восстановлении советской экономики в послевоенный период остается малоизученным. Од-

[1] Таблица 2.1-2.2 см. на С.70-71.

нако известно, что советское руководство придавало этой проблеме большое значение и по экономическим, и по политическим соображениям. СССР был заинтересован в гибком урегулировании с США расчетов по ленд-лизу с тем, чтобы экономические взаимоотношения и связи Советского Союза с Америкой не прерывались и после войны. Однако, в вопросе о будущем экономическом сотрудничестве СССР придерживался той линии, что "размещение большого количества наших заказов в США возможно лишь при условии наличия соответствующего кредита, которого пока нет". Именно так заявил в июле 1946 г. министр Внешторга СССР А.И.Микоян на состоявшейся в Москве беседе с начальником русской секции министерства торговли США Роупсом.

Американцы, в свою очередь предпринимая через Роупса зондаж в отношении возможностей расширения товарооборота между двумя странами, рассматривали увеличение советского импорта в США, "как средство оплаты за американский экспорт". Они также предлагали созвать конференцию представителей министерства торговли США с соответствующими советскими представителями, чтобы обсудить вопросы о строительной промышленности, об обмене техническим опытом, о перспективах торговли. Американская сторона подчеркнула, что созыв этой конференции "не находится ни в какой связи" с предложением правительства США правительству СССР относительно переговоров о кредите, об урегулировании ленд-лиза. Вряд ли такая позиция отвечала интересам советской стороны. Поэтому после обсуждения американских предложений в узком кругу советского руководства (Сталин, Молотов, Берия, Маленков, Жданов) Микоян информировал министра торговли США Г.Уоллеса о том, что из-за войны и немецкой оккупации экспортные возможности СССР в настоящее время ограничены.

В последующем, по мнению советской стороны, которое было изложено в ноте советского посла правительству США летом 1950 г., правительство США "нарушило свои обязательства по соглашению между СССР и США от 15 октября 1945 г., односторонне прекратив поставки по нему в январе 1947 г. и не выполняет своих обязательств по советско-американскому торговому соглашению 1937 г., проводя дискриминацию в отношении СССР". По оценке американской стороны, общая стоимость ленд-лизовских товаров, остававшихся в СССР на 2 сентября 1945 г. и

"могущих быть использованными в мирной экономике СССР", составляла 2607 млн долл.[1].

Что касается репарационных поставок, то нам не известно, каким образом была определена их общая оценка в доходной части бюджета за 1945 г. В марте 1947 г. решением Политбюро была создана специальная комиссия под председательством Н.А.Вознесенского, в задачу которой входило определение стоимости оборудования, текущих поставок, авуаров, а также приобретенных предприятий, полученных в счет репараций Советским Союзом из Германии. В январе 1948 г. очередной комиссии под руководством В.М.Молотова поручается определить "стоимость объектов, взятых в Германии в счет репараций, по всем каналам, включая патенты". Последнее, видимо, было связано с тем, что на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел (декабрь 1947 г.) госсекретарь США Маршалл сделал от имени своего правительства заявление, направленное на немедленное прекращение репарационных поставок Советскому Союзу из Германии. К этому заявлению присоединились от имени своих правительств министры иностранных дел Англии и Франции. До некоторой степени о вкладе заграничных предприятий в экономику СССР дает представление следующий факт: общая программа производства на 1947 г. по предприятиям, подведомственным Главному Управлению советским имуществом за границей (включая предприятия в Германии), составляла 4691,6 млн руб.

Важная особенность советского послевоенного бюджета – его бездефицитный характер (см. табл. 2.1.). Например, в 1948 г. превышение доходов над расходами составляло почти 40 млрд руб., что было по тем временам огромной суммой. В 1952 г. доходы превысили расходы на 31 млрд руб. Каким же путем удавалось решить правительству эту задачу?

[1] Советское правительство было готово назвать в порядке уплаты за все указанные США остатки ленд-лизовских грузов сумму в размере 170 млн долл. что составляло 6% от передаточной стоимости всех остатков ленд-лизовских товаров, исчисленных советской стороной. В качестве основания для подобного расчета СССР ссылался на доклад сенатской комиссии США от 22 марта 1946 г., в котором уплаченная Англией по соглашению с США об урегулировании ленд-лиза сумма составляла 8,5 % от стоимости остатков всех ленд-лизовских товаров в Англии. Применение СССР более низкого процента компенсации, чем 8,5%, по мнению советской стороны, являлось тем более обоснованным, что "вклад Советского Союза в дело ведения войны против общего врага и достижения победы был исключительно велик и что потери Советского Союза в этой войне были значительно большими, чем потери других союзников". Такая директива была утверждена Политбюро в июне 1948 г. для переговоров с США об урегулировании расчетов по ленд-лизу. См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Главный источник доходов госбюджета, как показывают цифры таблицы 2.1., налог с оборота, который составлял 58,8% всех доходов страны до войны и более половины после 1945 г. Он являлся косвенным налогом на потребление и изымался у населения путем принудительного государственного ценообразования на продукты и товары ширпотреба. Поэтому становится понятным огромная заинтересованность правительства в увеличении объемов розничного товарооборота. Тем более, что с декабря 1947 г. происходило непрерывное снижение государственных розничных цен. Поскольку это понижение осуществлялось целиком за счет деревни, а не за счет госбюджета (как о том твердила советская пропаганда), у правительства имелись все возможности для серьезного ограничения рыночных отношений в стране. Таким способом достигалось несколько целей: государство в условиях отсутствия конкурента в лице частного торговца являлось монополистом, что позволяло ему и дальше проводить политику искусственного снижения розничных цен и тем стимулировать в условиях роста налогов с деревни дополнительное поступление сельхозпродукции на рынок. Объемы продаж росли, что должно было уменьшить товарный голод в стране. Однако основную выгоду от этого получали государство и частично городские жители. Деревня расплачивалась за все успехи советского народного хозяйства.

Налог с оборота – универсальный акциз, по выражению Ковальковского, позволял советскому руководству избегать дефицита госбюджета. Приведем один пример. При составлении бюджета на 1951 г. первоначальный проект предусматривал превышение доходов над расходами лишь в 3,5 млрд руб. Чтобы увеличить цифру превышения до 30 млрд руб. и тем застраховать экономику от возможных потрясений, связанных с неизбежным ростом военных расходов, Минфин предлагал ряд мер, среди которых на первом месте стояло увеличение рыночных товарных фондов страны на 16 млрд руб., что должно было принести дополнительный доход в бюджет в сумме 10 млрд руб. Одновременно предусматривалось почти двукратное увеличение квартирной платы, отмена денежной компенсации, выплачиваемой генеральскому и офицерскому составу взамен продовольственного пайка, отмена льгот по подоходному налогу, предоставляемых орденоносцам, и пр.

Поскольку в условиях советской экономики торговля чутко реагировала на рыночные колебания, государственные расчеты нередко нарушались. Из-за невыполнения плана розничного товарооборота он рос медленнее, чем фонд заработной платы. Происходило также некоторое замедление оборота денег (скорость возврата денег в кассы Госбанка замедлялась), возникал разрыв между денежными доходами и расходами населения. Так, в 1950 г. фонд заработной платы составил 355 млрд руб., почти на 6 млрд руб. больше, чем было предусмотрено народнохозяйственным планом. Превышение было связано с перевыполнением промышленностью программы производства, а также в связи с заменой натуральных пайков военнослужащих денежными выплатами.

План розничного товарооборота не был выполнен на 4 млрд руб., несмотря на значительное возрастание спроса населения в связи со снижением с 1 марта 1950 г. государственных розничных цен на товары массового потребления. В результате, как сообщал министр финансов СССР Зверев Сталину, возник разрыв между денежными доходами и расходами населения в сумме около 10 млрд руб., который частично был покрыт предусмотренным в плане превышением товарооборота над покупательными фондами населения в сумме около 3 млрд руб. и за счет дополнительной мобилизации средств населения по подписке на заем – в сумме более 2 млрд руб. "В остальной части, – подчеркивал Зверев, – этот разрыв покрывается, в основном, выпуском денег в обращение". Мы привели рядовой пример ежегодно возникающей перед советским правительством финансовой ситуации, а также те способы (и среди них главный – эмиссия, займы), которыми она выправлялась. На протяжении всего 1950 г., по признанию Зверева, Госбанк "испытывал серьезные кассовые затруднения, которые во многих случаях приводили к задержкам выплаты зарплаты рабочим и служащим". Задолженность по зарплате в 1950 г. доходила до 600 млн руб.

Из-за невозможности купить необходимые товары нужного качества росли денежные остатки у населения, что, по мнению финансовых органов, представляло угрозу для денежного обращения – отложенный спрос мог в дальнейшем вызвать дополнительный спрос на товары сверх текущих потребностей за счет ранее образованных сбережений населения. По ориентировочным расчетам Минфина, за один только 1948 г. у городского населения страны произошло увеличение денежных остатков в сумме 4 млрд руб. Общий остаток вкладов населения в государственных трудовых сберкассах за пять послевоенных лет (1949 –1953 гг.) увеличился вдвое – с 15,5 млрд до 30,7 млрд руб.

О значительной дифференциации размеров денежных сбережений у городского населения дает представление структура вкладов в сберкассы. Вклады с остатками свыше 10 тыс. руб. каждый составляли на 1 января 1951 г. 3,1 млрд руб., или до 20% всей суммы вкладов, хотя находились они только у 1,5% вкладчиков (174 тыс. вкладов); вклады свыше 3 тыс. руб. каждый составлял 9,5 млрд руб., или 61,3% суммы вкладов, находясь у 11% вкладчиков[1].

У сельского населения неравномерность распределения денег определялась в первую очередь сосредоточением денежных доходов, получаемых от колхозов, в районах возделывания технических культур. Так, до 45% всей суммы выдач колхозам наличных денег с их счетов в Госбанке приходилась на республики Средней Азии, Закавказья и Казахстан. От продажи продукции на рынке больше выигрывало население пригородных районов и в меньшей степени – глубинка.

Неравномерность распределения денежных накоплений у населения чрезвычайно затрудняла финансовую политику государства, поскольку даже увеличение реализации товаров и рост оборотов розничной торговли не предотвращали дополнительного оседания денег в некоторых районах и тем самым не гарантировали правительству безэмиссионного выполнения кассовых планов Госбанка.

Советский бюджет в послевоенный годы был бездефицитным, но бичом советской экономики оставалась большая эмиссия, отражающая недостаток товарного производства предметов широкого потребления в стране, низкий уровень заработной платы и огромные военные расходы. Как ни старалось правительство предотвратить после денежной реформы дальнейшую эмиссию, сокращая расходную часть бюджета и увеличивая доходную, избежать этого ему никак не удавалось. Денежная масса, находящаяся в обращении, увеличивалась за рассматриваемый период следующим образом (на конец года, млрд руб.): 1947 г. – 14,0; 1948 г. – 23,8; 1949 г. – 27,1; 1950 г. – 33,1; 1951 г. – 34,0; 1952 г. – 35,7[2]. Рост эмиссии обгонял и рост денежных доходов населения, и рост розничного товарооборота. Иначе не могло быть в обществе, где внутренние проблемы ставились на службу внешним, где едва ли не главным средством улучшения материальных условий жизни населения оставалась принудительная политика снижения цен, осуществляемая за счет деревни.

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.
[2] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Расходная часть бюджета (см. табл. 2.1.) наглядно показывает приоритеты советской политики: тяжелая промышленность и оборона. Понятно, что за войну доля расходов на оборону выросла в 2,5 раза в сравнении с довоенным уровнем, тогда как вся расходная часть бюджета лишь в 1,7 раза. За 1941 – 1945 гг. наблюдался также некоторый рост финансирования народного хозяйства, тогда как расходы на культуру увеличились весьма незначительно. И хотя в последующие годы, как уже отмечалось, финансирование социально-культурных мероприятий увеличилось, в отдельные годы ассигнования по этой статье бюджета производились в меньших размерах, чем были установлены плановыми показателями. При этом расходы на финансирование народного хозяйства и оборону превышали бюджетные назначения. Например, такое положение сложилось в 1950 г. Проект бюджета на 1951 г., направленный Сталину на рассмотрение, предусматривал увеличение ассигнований на просвещение, здравоохранение, научные учреждения, искусство, социальное обеспечение и ряд других культурных мероприятий на 6% по сравнению с 1950 г., а на оборону – на 23%[1].

Международная обстановка (“холодная война”) требовала ежегодного увеличения расходов на оборону, но также верно и то, что эти расходы ложились непосильным бременем на население. Ведь, именно косвенные налоги на потребление составляли основу доходов госбюджета.

Значительными после войны были расходы на содержание органов управления, включая ассигнования на нужды двух важнейших министерств – внутренних дел и госбезопасности.

Рост влияния США в Европе в связи с успешным проведением плана Маршалла, постепенное возрождение экономики Западной Германии и ее интеграция в общемировую, а также необходимость координации экономической политики СССР и стран народной демократии вызвали к жизни Совет Экономической Взаимопомощи (январь 1949 г). В принятом представителями правительств шести стран (Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии) протоколе подчеркивалось, что “отсутствие постоянных связей … объективно помогает США и Англии использовать в своих интересах указанную несогласованность действий стран народной демократии и СССР”. Установление тесных связей должно было “содействовать успешному строительству социализма в странах народной демократии”. Новый орган – Координационный Совет – должен был осуществлять

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

разработку планов экономических связей между странами-участницами этой организации, согласовывать импортно-экспортные планы, решать вопросы научно-технического сотрудничества, многостороннего клиринга и валютных курсов, наблюдать за выполнением намеченных планов экономического сотрудничества. Устанавливалось, что Координационный Совет принимает решения лишь при наличии согласия заинтересованной страны. Видимо, по инициативе советской стороны (на заседаниях нашу страну представляли В.М.Молотов, А.И.Микоян, Г.М.Маленков) представители Польши, Чехословакии и Венгрии предложили изучить вопрос установления паритета валют стран-участников по отношению к рублю[1]. В качестве расчетного базиса рекомендовалось использовать золотой рубль.

5 марта 1949 г. Политбюро образовывает специальную комиссию в составе Микояна, Вознесенского, Косыгина, Зверева, Меньшикова, Попова, Чечулина, Злобина, Быстрова по вопросу о курсе рубля. В конце марта состав комиссии был пополнен Булганиным, Косяченко и Старовским. Комиссии поручалось в течение двадцати дней подготовить и представить в Политбюро предложения об отказе установления курса рубля на базе доллара и о переводе курса рубля на золотую базу, а также о степени улучшения курса рубля по отношению к иностранным валютам за два этапа снижения цен[2].

Таким путем советское руководство пыталось решить двойную задачу. Во-первых, политическая интеграция СССР со странами народной демократии требовала экономической однородности и ее финансового выражения – золотого рубля как расчетного базиса для установления паритета валют этих стран. Советский финансовый диктат, наряду с другими мерами, должен был служить формой контроля за тем, чтобы экономика новых партнеров Советского Союза развивалась по нормам советской экономической модели, т.е. при полном приоритете развития тяжелой промышленности. При этом должна была произойти жесткая ломка и разрыв прежних отношений и связей этих стран со странами Запада. Так, руководитель чехословацкой делегации на переговорах 1949 г. в Москве Сланский заявил на одном из заседаний, что для его страны самым опасным местом в отношении зависимости от капиталистических стран является ввоз сырья. В такой же опасной зависимости от капиталистических стран находится чехословацкий экспорт продуктов ширпотреба. 5/7 экспорта

[1] См.: РГАСПИ. Архивная коллекция.
[2] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

этих продуктов было направлено в первой половине 1948 г. в капиталистические страны и только 2/7 в страны некапиталистические.

Не менее важной причиной перевода рубля на золотую основу являлось нежелание советского руководства идти в фарватере финансовой политики западных стран, в первую очередь США. Ведь именно в этот период валютная стоимость рубля выражалась в долларах США[1].

Впервые в послевоенный период предложение о необходимости отказаться от привязывания рубля к какой-либо иностранной валюте и восстановить соотношение рубля к золоту содержалось в записке Микояна, посланной Сталину в декабре 1946 г. Несомненно, что микояновская записка готовилась по прямому указанию вождя. Актуальность проблемы для советского руководства не вызывала сомнений со времен Бреттон-Вудской конференции. Она особенно усилилась после отказа СССР участвовать в деятельности Международного Валютного Фонда и в связи с присоединением Англии и Франции к политике, проводимой США по восстановлению экономической мощи Западной Германии.

В качестве аргументов для подкрепления своей позиции А.И Микоян отмечал следующее: перевод рубля на золотую основу "ни в чем не затрагивает внутренних хозяйственных отношений в СССР и действующего внутри СССР валютного режима"; Советский Союз является страной, добывающей золото, и потому "имеет полную возможность создать для своей валюты устойчивую базу в виде золота"; и, наконец, сохранение прежней практики выражения стоимости рубля в долларах (или другой валюте) "неизбежно связано с необходимостью изменять курс рубля при всяком изменении золотого содержания доллара или валюты, взятой за основу

[1] Декретом ВЦИК РСФСР от 11 октября 1922 г. червонный рубль был приравнен к довоенному золотому рублю. В июле 1926 г. ЦИК и СНК СССР установили запрет вывоза за границу советских денежных знаков и облигаций госзаймов в советской валюте, после чего прекратилась котировка червонца на иностранных биржах. В 1928 г. последовал запрет на ввоз валюты. С этого времени расчеты по внешней торговле СССР стали производиться только в иностранной валюте. За 1922-1935 гг. курс червонца в иностранной валюте и золоте не менялся. После ликвидации в 1935 г. Торгсина для привлечения иностранной валюты с апреля 1936 г. устанавливался особый курс рубля 1рубль=3фр.франкам, что означало понижение стоимости червонца в 4,38 раза. Это означало не только фактическое понижение золотого содержания рубля, но и отход от золотой основы рубля и выражение его стоимости в иностранной валюте – французских франках, казавшихся в то время устойчивой валютой. Второй раз изменение курса рубля было произведено в июле 1937 г., когда валютная стоимость рубля стала выражаться вместо франков в долларах США, с уменьшением стоимости рубля на 5%. См.: АПРФ. Архивная коллекция.

стоимости рубля". Большое место в записке Микояна было отведено предложениям об изменении курса рубля.

С июля 1937 г. по февраль 1950 г. действовал официальный курс 1 ам. долл.=5р.30к., который не соответствовал уровню цен в СССР и за границей, что приводило к необходимости предоставлять государственные дотации к экспорту и, изымать в пользу государства часть импортной выручки в виде импортных наценок на товары и таможенных пошлин. Поэтому нет ничего удивительного в том, что реальная стоимость доллара в декабре 1946 г. составляла, по оценке советских экспертов, 15-20 руб. Именно такой курс, полагал Микоян, сделал бы реализацию большинства экспортных товаров на внешнем рынке "нормально рентабельной" и позволил бы ликвидировать "искусственно создавшуюся рентабельность импорта". Вместе с тем Микоян хорошо понимал и фиксировал на этом факте внимание Сталина, что сколько-нибудь точное совпадение уровня цен в СССР и капиталистических странах не может быть достигнуто, поскольку условия ценообразования в СССР и в этих странах различны[1].

Отсутствие финансовой стабильности внутри страны не позволяло перевести рубль на золотую основу сразу после войны. Понадобилось не только провести денежную реформу, но и взять под государственный контроль рыночную стихию, переломить ситуацию на внутреннем рынке страны в пользу государственной торговли и отодвинуть частника на вторые роли. На это было затрачено несколько лет. И только в 1949 г. и внутренние, и внешние факторы стали благоприятствовать осуществлению проблемы, давно ставшей насущной для советской экономики. Налаживание тесных экономических связей СССР со странами народной демократии, имеющими свои национальные валюты, вынужденная изоляция от мировой экономической системы – все это требовало принятия единой финансовой стратегии и ее основы – "золотого" рубля.

В марте 1949 г., когда комиссия представила Сталину свой первый доклад, в нем констатировалось: Учитывая интересы СССР, как золотодобывающей и золотоэкспортирующей страны, а также интересы самостоятельности советского рубля, его независимости от иностранных валют и в целях превращения рубля в ведущую валюту других стран, прежде всего стран народной демократии, комиссия приходит к выводу о неприемлемости установления курса рубля на базе доллара и необходимости перевода курса рубля на золотую базу[1].

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Нетрудно заметить, что выводы комиссии в 1949 г. целиком основывались на предложениях декабрьской 1946 г. записки Микояна – за это время усиление конфронтации между капиталистическим и социалистическим блоками (в большей степени, чем обстоятельства внутренние) настоятельно требовали скорейшего перевода курса рубля на золотую базу. Второй доклад микояновской комиссии, представленный Сталину в мае 1949 г., содержал обзор важнейших изменений в сфере финансов за послевоенный период, справочный материал о соотношении рубля с основными иностранными валютами (см. табл. 2.2.), предложения по размеру золотого содержания рубля.

Авторы доклада отмечали, что соотношение покупательной способности рубля по предметам потребления "в целом в 1949 г. было такое же, как в 1937 г.". Составители не скрывали от Сталина, что при определении покупательной способности доллара ЦСУ внесло свои поправки в данные официальной американской статистики. Так, используя данные американских профсоюзов, индекс цен продовольственных товаров 1949 г. по отношению к 1937 г. ЦСУ повысило с 201 до 251, а индекс цен непродовольственных товаров – со 196 до 256. По мнению советских специалистов, официальная американская статистика (в отличие от профсоюзной) занижала рост цен потребительских товаров в США и тем самым давала неточное представление о покупательной способности доллара. В докладе указывалось, что за 1937 – 1947 гг. покупательная способность всех валют мира упала: французского франка в 12 раз, американского доллара – в 1,91, фунта стерлингов – в 2,11 раза. И только покупательная способность рубля, по расчетам микояновской комиссии, сохранилась почти неизменной.

С формальной точки зрения такое утверждение имеет некоторые основания – ведь за 1937 – февраль 1950 г. не происходило официального уменьшения золотого содержания рубля или понижения его курса по отношению к доллару, т.е. не было никакой официальной девальвации рубля. Одновременно с 1947 г. по март 1949 г. был не только укреплен советский рубль, но и проведено три этапа снижения цен. Однако, по существу, утверждение комиссии о том, что в 1949 г. покупательная способность рубля якобы соответствовала довоенному уровню, не может быть признано состоятельным. В первую очередь по той причине, что подобное ут-

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

верждение не учитывало отрицательных последствий денежной реформы для советского населения.

В этой связи значительный интерес представляет оценка этой реформы ее инициаторами. Еще в 1946 г. накануне реформы министр финансов СССР А.Г. Зверев (а он, как уже отмечалось, в 1949 г. входил в состав комиссии Политбюро по вопросу о курсе рубля) писал Сталину, что в ходе предстоящей денежной реформы *необходимо осуществить девальвацию* (курсив наш. – *В.П.*), т.е. выпустить в обращение денежные знаки нового образца улучшенного качества, провести обмен ныне обращающихся денежных знаков на новые и установить соответствующий уровень единых цен открытой торговли[1]. В приведенном определении под "девальвацией" министр подразумевал весь комплекс мер, направленных на максимальную конфискацию денежных сбережений населения. Интересно отметить, что Сталин подчеркнул это место в докладе Зверева, видимо, полностью согласившись с оценкой предстоящей реформы как ведущей к девальвации рубля.

Обмен, как указывалось ранее, был произведен из соотношения 10:1, и это свидетельствует о том, в какой степени понизилась покупательная способность рубля за военные годы. Помимо этого сохранение неизменным на протяжении 1937 – февраля 1950 гг. курса рубля по отношению к доллару было неэкономической мерой советского правительства, которое понимало, что этот искусственный курс не оказывает существенного влияния на хозяйственную жизнь внутри страны. Следовательно, неизменность курса рубля по отношению к доллару не могла служить действительным мерилом стабильности советских денег. В условиях почти полной изоляции от капиталистической экономики этот курс рубля должен был служить не выражением экономической целесообразности законов рынка, а, скорее, средством контроля за ростом западной экономики. Произвольно "выравнивая" курс рубля по отношению к ведущей валюте мира – доллару, советское руководство вынуждало и своих новых партнеров из стран народной демократии считаться с этим "выровненным" курсом. Каждое новое (принудительное по своей природе, вопреки рыночным законам) понижение цен в СССР объявлялось в советской печати как очередное достижение народного хозяйства и автоматически влекло за собой повышение курса рубля по отношению к американскому доллару.

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Согласно правительственному постановлению, с 1 марта 1950 г. прекращалось определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара, и он переводился на золотую основу в соответствии с золотым содержанием рубля в 0,222168 г чистого золота. Исходя из золотого содержания рубля устанавливался следующий его курс: 4 руб. за 1 американский доллар (вместо существующего 5 р. 30 к.) и 11 р. 20 к. за 1 фунт стерлингов (вместо 14 р. 84 к.). В апреле 1952 г. министр финансов СССР Зверев в очередном докладе Сталину предложил вновь повысить курс рубля по отношению к американскому доллару. Министр мотивировал свое решение тем, что за истекший период общее снижение уровня цен в СССР составило 13,1% и это повысило покупательную способность рубля, тогда как в США милитаризация экономики и нарастание инфляции привели к повышению уровня цен за 1950 –1951 гг. на 12%. В результате, по расчетам Минфина, покупательная сила рубля относительно доллара повысилась на 29%. В проекте правительственного постановления, подготовленного Молотовым, Микояном и Зверевым предлагалось установить новый курс: 1 ам. долл. = 3 руб.

Поскольку товарные поставки между Советским Союзом и странами народной демократии осуществлялись в рублях на базе цен мировых рынков, повышение курса рубля к валютам капиталистических стран должно было повлечь потери для одних стран и выгоды для других. Во избежание этого правительство предлагало всем заинтересованным ведомствам урегулировать расчеты по кредитам, товарообороту и другим соглашениям с Болгарией, Албанией, Венгрией, Польшей, Румынией, Чехословакией, ГДР, Китаем, КНДР, Финляндией и Монголией с тем, чтобы названное повышение не привело к потерям как для Советского Союза, так и для упомянутых стран[1].

Таким образом, послевоенный период экономической политики советского правительства в сравнении с довоенным носил ряд новых черт. В первую очередь учитывалось, что появились страны народной демократии, которые взяли курс на строительство социализма под экономическим и финансовым патронажем СССР. Естественно, что интересы Советского Союза, являющегося страной социализма, ставились советским руководством на первое место и, как отмечал Сталин, не должны были подчиняться интересам не советских стран, хотя бы и союзных.

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Таблица 2.1

Исполнение государственного бюджета (в млрд руб.)*

Статья Госбюджета	Год					1952 г., % к 1940 г.
	1940	1945	1948	1950	1952	
Доходы, всего	180,2	298,0	410,5	422,8	496,8	276
В том числе Налог с оборота	105,9	122,5	247,3	236,1	248,6	235
Отчисления от прибылей предприятий и организаций	21,4	Нет свед.	27,2	40,4	58,4	273
Налоги с населения	20,9		33,2	35,8	48,3	432
Госзаймы		73,3	23,9	31,0	42,0	432
Таможенные доходы	Нет свед.	Нет свед.	19,8**	21,1**	27,5	-
Поступления под ленд-лизу	-	31,0	-	-	-	-
Доходы от спецвалюты и репараций	-	17,3	-	-	-	-
Средства соцстрахования	Нет свед.	Нет свед.	16,2	19,6	Нет свед.	-
Сборы и разные не налоговые доходы	Нет свед.	Нет свед.	13,8	13,4	Нет свед.	-
Расходы, всего	174,3	294,0	370,9	413,2	456,8	267
В том числе. Финансирование народного Хозяйства	58,3	71,8	149,6	157,6	179,2	307
Финансирование социально-культурных мероприятий	40,7	46,0	105,7	116,7	123,1	302
Военные расходы	57,8	143,1	66,3	82,8	112,3	194
Содержание органов управления, суда, прокуратуры, МВД и МГБ	Нет свед.	Нет свед.	28,9	34,5	35,5	-
Оплата выигрышей и процентов по займам	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед	5,1	8,9	-

* Составлена по данным: АПРФ. Архивная коллекция, а также на основе докладных записок министра финансов СССР А.Г. Зверева, направленных Сталину. В таблицу включены суммарные расходы Военного и Военно-Морского министерства (в 1946 – 1950 гг. – единого Министерства вооруженных сил СССР), что, единственно, не отражает всех расходов на оборону страны.

Данные об исполнение госбюджета ежегодно сообщались Зверевым на заседаниях Верховного Совета СССР и публиковались в печати, они значительно отличались от приведенных нами в таблице. Так, за 1945 г. расходы на социально-культурные мероприятия указаны в размере 62 711 млн руб., а военные расходы определены в128 239 млн руб. В доходной части бюджета за 1945 г. не указаны поступления по ленд-лизу и репарациям. Имеются и другие разночтения.

** Включая доходы от реализации товаров, поступивших по репарациям.

Таблица 2.2.

Итоговое сравнение исчисленных ЦСУ СССР соотношений покупательной способности советского рубля и иностранных валют с официальным курсами этих валют.*

Кросс-курсы валют	1937г.	1947г.	1949г.
Соотношение сов. рубля и доллара (рублей за доллар)			
а) официальный курс	5,30	5,30	5,30
б) соотношение покупательной способности	4,53	6,36	5,26
в) то же, % к официальному курсу	85,00	120,00	99,2
Соотношение сов. рубля и фунта стерлингов (рублей за фунт)			
а) официальный курс	26,19	21,36	21,36
б) соотношение покупательной способности	21,45	26,26	20,24
в) то же, % к официальному курсу	82,00	123,00	95,00
Соотношение сов. рубля и фр. франка (рублей за франк)			
а) официальный курс	21,75	4,45	2,47
б) соотношение покупательной способности	19,32	4,98	1,98
в) то же, % к официальному курсу	89,00	112,00	80,00

* АПРФ. Архивная коллекция.

Глава третья
Хлеб как объект государственной политики

Зерновое производство является основой сельского хозяйства и служит важнейшим показателем его развития. Для точной оценки реальных экономических отношений внутри общества необходимо также изучить распределительный механизм, сложившийся между государством и непосредственными производителями зерна. Известно, что с завершением коллективизации и созданием колхозной системы в СССР этот механизм обрел новые черты и свойства.

Ликвидировав кулачество и проведя сплошную коллективизацию, сталинское руководство решило ряд важнейших стратегических задач. Во-первых, был положен конец идейному шатанию внутри партии; последовавшие во второй половине 30-х годов кадровые "чистки" во всех звеньях советской государственной машины надолго устранили почву для возможной оппозиции правящему режиму. Во-вторых, завершилось построение нового социального строя, поскольку и сами социальные слои советского общества, и организация первичных производственных и трудовых коллективов (заводов, фабрик, колхозов) отличались некой однородностью. Подразумевалось, что изгнание из всех сфер народного хозяйства антисоветских элементов (с последующим "добиванием остатков умирающих классов", как отмечал Сталин) делает возможным не только построение в СССР социалистического общества, но и воспроизводство основных его элементов уже на собственной основе. Следовательно, людские массы были ориентированы не на решение своих частных проблем (хотя таковые имелись и продолжали сохраняться в силу неизменности человеческой природы), а на решение глобальной общегосударственной задачи – построение общества на базе социалистических форм хозяйства. В-третьих, была создана колхозная система, по своему значению и масштабам превосходящая прежнюю форму деревенского общежития – русскую общину. Новая система была более всеобъемлющей уже потому, что никогда ранее государство не вторгалось так глубоко и жестко во все сферы деревенской жизни, никогда ранее правительственные предписания не ограничивали так непреклонно хозяйственную самодеятельность мужика.

Примерный устав сельскохозяйственной артели являлся основным законом жизни для колхозной деревни, и этот закон целиком служил нуждам государства, игнорируя личные устремления и нужды деревенских

жителей. Формально земля, средства производства (рабочий скот, сельхозинвентарь, семена, корма и пр.) находились в коллективном пользовании артели и должны были, по замыслу создателей устава, "обеспечить, таким образом, лучшую жизнь колхозников". Фактически артель обязывалась вести свое коллективное хозяйство в полном соответствии с навязываемыми сверху государственными планами и сдавать по обязательным поставкам большую часть выращенной сельхозпродукции за бесценок (по произвольно установленным низким ценам). Это в равной степени касалось и продукции колхозов, и продукции личных хозяйств граждан.

Помимо экономического бесправия колхозная система узаконивала и личное бесправие деревенских жителей, лишенных паспортов и возможности свободного выбора работы и места жительства. Коллективизация и введение единой паспортной системы по СССР в 1932 г. совпали по времени. Колхозы были лишь пунктами прикрепления людей, а паспортная система сделала возможным само прикрепление. И, наконец, колхозная система основывалась на принудительном труде работников, которые не только насильственно прикреплялись к колхозным работам, но и не получали за свой труд полноценной оплаты, так как размер последней целиком определялся тем остатком, который распределялся на трудодни после выполнения всех обязательств колхоза перед государством. Зачастую государство произвольно, не считаясь с природными и экономическими условиями хозяйствования, повышало плановые задания, и нередко по трудодням платить было нечем. Это была по всем правилам оформленная невиданная по жестокости система государственного крепостничества.

Продукция, изымаемая из деревни с помощью колхозной системы, составляла дешевую сырьевую базу промышленности, позволяла государству сосредотачивать в своих руках огромные средства, которые шли на индустриализацию. Таким путем был не только создан бесперебойный механизм перекачки средств и сырья из сельского хозяйства в промышленность, но и принципиально решена проблема трудовых ресурсов: часть сельского населения закреплялась за колхозами как бы в пожизненное пользование; другая – через систему оргнабора – постепенно (по мере надобности) вовлекалась в промышленное производство.

Тяжелая промышленность и колхозы были созданы в интересах государства, а не народа. Прав был Сталин, говоря в 1934 г. о разрешенной "с успехом" зерновой проблеме, поскольку вкладывал в это понятие свой смысл: создание колхозов ("колхозы победили окончательно и беспово-

ротно", – сказал Сталин в 1934 г.) означало завершение складывания новых заготовительно-распределительных отношений между производителями зерна и государством. Решение зерновой проблемы для государства – это достижение самодостаточности государственного хозяйства и независимости его от капиталистического окружения, ставка на первоочередное развитие промышленности (главным образом военно-промышленного комплекса) за счет ресурсов деревни, создание резервных фондов на случай большой войны, т.е. необходимость поддержания функционирования государственной машины, первоочередность соблюдения государственных интересов даже ценой падения потребления для основной массы населения страны, ценой непрерывного товарного голода на продовольствие и предметы ширпотреба, ценой введения карточной системы и особой иерархии потребления, а нередко – ценой голода и смерти миллионов жителей. Зерновая проблема для колхозников – абсолютно зависимого от нового политического режима советского сословия – это в первую очередь проблема выживания. Выживания в условиях нещадной эксплуатации, при отсутствии каких-либо серьезных гарантий оплаты труда в колхозе, при произволе многочисленных начальников, ежедневной угрозе судебного преследования за невыполнение государственных планов, воровство колхозного хлеба как главного способа выживания людей.

Приведенные в табл. 3.1. цифры показывают[1], что в колхозный период зерновая проблема решалась государством по-иному, чем в доколхозный. Важен, конечно, не сам факт превышения показателей заготовок после 1930 г., а то, что весь заготовленный хлеб находился в полном распоряжении государства, распределение которого общество не могло контролировать (даже та часть зерна, которая оставалась в хозяйствах, шла не на нужды колхозников, а на непрерывность поставок). Созданная с помощью колхозов заготовительно-распределительная система зерновой продукции в стране служила мощным рычагом для регулирования в нужном государству русле всех возникающих перед властью проблем и в экономической, и в социальной сферах, которые тесно переплетались и были неотделимы друг от друга.

Показатели поступления хлеба после 1930 г. характеризуют почти максимальное его производство в стране (за вычетом внутреннего деревенского потребления и гибели зерна при уборке и хранении). С колхозной системы берет свое начало неукоснительно соблюдаемый закон, запрещающий колхозам, колхозникам и единоличникам определенной области, края или республики продавать зерно собственного производства на городских колхозных рынках или в других местах до полного выполнения государственных планов заготовок.

[1] Табл. 3.1 – 3.7. см. на С. 92-99.

Только такими мерами и можно было постоянно повышать уровень заготовок по сравнению с 1913 г. Приведенные в табл. 3.1. сведения о выполнении годовых планов (начиная с 1935 г.) показывают, что не всегда рост поступления по сравнению с предшествующим годом свидетельствовал о выполнении годового плана. Таковы 1939, 1940 и 1947 гг. Действительная причина этого коренилась в искусственном завышении государственных планов с помощью видовой урожайности (этот вопрос будет рассмотрен ниже).

Прежде чем переходить к анализу показателей зернового производства, коротко остановимся на вопросе, имеющем важное значение для нашей темы – достоверности данных советской статистики урожайности. Еще в 1950 г. в февральском номере американского журнала "The Review of Economic Statistics" была публикована статья экономиста Н. Ясного "Советская статистика". Ее автор отмечал, что с 1933 г. урожай зерновых культур в СССР стал определяться на корню, до сбора (т.е. была видовая оценка урожая). Если до 1937 г. разрешалась поправка на 10% с учетом возможных последующих потерь, то в 1937г. эти скидки были отменены. Анализ советской статистики убедил Н. Ясного в мнении, что официальные данные преувеличивали действительные цифры сборов зерновых на 25% до войны и более чем на 40% в послевоенный период[1]. В работе Хантера и Ширмера приводятся уточненные оценки годовых сборов зерна в СССР за 1928-1940 гг., основанные в том числе и на расчетах Н. Ясного[2]. Об особенностях советской статистики подробно говорилось в книге С. Прокоповича[3]. Из работ последних лет, посвященных данной теме, отметим публикации Н. Ивницкого, М. Таугера, И. Зеленина. По мнению последнего, которое разделяют многие историки, причина "рекордных" показателей валового сбора зерна в 1930 г. заключалась в политических амбициях тогдашнего советского руководства "Сталин, – пишет И.Е. Зеленин, – был крайне заинтересован в таком "рекорде" именно в канун перво-

[1] См.: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.4592. Л.1-22
[2] См.: Отечественная история. 1995. №6. С.150.
[3] См.: *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР. Т.1,2 Нью-Йорк, 1952.

го года сплошной коллективизации"[1].

Видовая оценка урожая служила мощным средством контроля за колхозами и позволяла (именно потому, что давала представление о максимуме возможных сборов зерна) выжать из деревни все. Для этого принимались завышенные (видовые) оценки урожайности. Даже в том случае, если фактический урожай сильно отличался от видового, ситуация позволяла государству взыскивать с отстающих колхозов плановые задания на следующий год (такие хозяйства заносились в разряд недоимщиков) или перекладывать их в форме дополнительных заданий на передовые колхозы. В этом заключалась суть.

В подтверждение нашей точки зрения сошлемся на решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1942 г., согласно которому ЦСУ и Наркомзему воспрещалось собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах, "как искажающих действительное положение дел с урожайностью" и предписывалось "впредь пользоваться в оценке урожая *только данными видовой оценки* (курсив наш – *В.П.*), производимой органами ЦСУ до начала уборки". Этот порядок был обязателен для всех работников партийных, советских и земельных органов, которые предупреждались, что за пользование данными о фактическом намолоте урожая виновные будут привлекаться к строгой ответственности. По мнению Политбюро, данные о фактическом намолоте не годились для оценки урожая в колхозах, поскольку они были неправильными, а также занижали фактически полученный урожай и вели к укрытию хлеба от поставок государству, расхищению и разбазариванию его в колхозах[2]. Такова была официальная позиция руководство страны по вопросу достоверности показателей о сборах зерна в СССР – сложившаяся в колхозный период практика отражала серьезные противоречия между властью и непосредственными производителями зерна в колхозах. Интересы государства ставились во главу угла, и потому жесткий контроль за общественным производством, осуществляемый с помощью видовой оценки, являлся для правительства единственно правильным в условиях существования колхозной системы.

Поскольку сбор сведений об урожаях не был самоцелью, а лишь средством подстегивания колхозов для получения более высоких урожаев, сама верхушка советского руководства скептически относилась к точности

[1] Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. / Сб. статей. Вологда, 1995. С.334.

[2] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

предварительных оценок статорганов. Так, 29 января 1929 г. Сталин писал секретарю Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Андрееву по поводу видов на урожай, что он мало верит корреспондентским данным и "ориентировочным" выводам ЦСУ. Эти данные надо проверять данными организациями. Без этого ошибки неизбежны[1].

Так, на первый взгляд, простая техническая операция – видовая оценка урожайности – не только позволяла государству контролировать колхозное производство, ставя перед ним максимальные задачи, но и порождала особые отношения между центральной властью, местными органами и колхозами. Понуждаемые к выполнению постоянно завышенных плановых заданий, срыв которых грозил уголовным наказанием и рассматривался как государственное преступление, местное руководство и председатели колхозов стремились изыскать хоть какие-то способы для снижения налогового гнета. Одним из наиболее распространенных было искажение отчетности о посевных площадях зерновых и видовой урожайности. Районные, областные (краевые) и республиканские власти находились в двойственном положении. С одной стороны, как представители государства, они обязаны были следить за точным исполнением всех директив центра (ведь от этого зависела не только карьера, но часто и жизнь этих людей). С другой – они были заинтересованы в сохранении экономической стабильности подведомственных им сельскохозяйственных предприятий, стремились не допустить их полного разорения, это тоже грозило наказанием. Оставалось единственное средство – обман государства, приписки в отчетности. Это была расплата общества за экономическую неэффективность созданной системы.

Многообразны были и способы изъятия государством хлеба. С 1940 г. устанавливается погектарный принцип исчисления обязательных поставок зерна государству. Их объем зависел от размера пашни, закрепленной за каждым колхозом; фактические посевы зерновых культур, наличие семян, техники, рабочих рук, погодные условия в расчет не принимались. Размеры земли, закрепленные за колхозами и подлежащие обложению поставками, практически не изменились. И хотя за годы войны из-за недостатка средств и рабочих рук многие колхозные земли пустовали и не засевались, хозяйства должны были сдавать с них хлебопоставки государству.

Как показывают данные табл. 3.2., большой удельный вес в заготовках занимала натуральная оплата за работу МТС. Ее размер определялся

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

по твердым ставкам в зависимости от группы урожайности, к которой был отнесен данный колхоз (чем выше группа урожайности, тем выше ставка натуроплаты).

Уполномоченные Министерства заготовок, как правило, распределяли колхозы по группам урожайности без серьезного учета природно-климатических условий и экономики хозяйства, что вело к искусственному завышению натуроплаты. Для каждой области, края, республики определялся средний разряд урожайности, который ежегодно утверждался правительством и получал силу закона.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О порядке отнесения колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС" от 25 мая 1939 г., уполномоченные обязаны были немедленно привлекать к судебной ответственности всех должностных лиц (включая работников колхозов, МТС, земельных и статистических органов) "за попытки обмана государства представлением неверных сведений об урожайности". Методы, которыми государство изымало хлеб из колхозов, нередко вызывали осуждение даже со стороны самих уполномоченных. Подавляющее большинство уполномоченных Министерства заготовок, – доносил в октябре 1947 г. министр Двинский заместителю председателя Совмина СССР Андрееву, – провели работу по отнесению колхозов к разрядам урожайности правильно и своевременно, однако отдельные из них в борьбе за хлеб оказались не на высоте государственных задач, занимали местническую позицию, допуская занижение разрядов урожайности[1]. В целях пресечения этой, по выражению наркома, "антигосударственной политики", Совмин СССР дважды (21 июля и 9 сентября 1947 г.) принимал соответствующие постановления. Однако и в следующие годы положение практически не изменилось.

В годы войны из-за разорения МТС, мобилизации тракторного парка на военные нужды резко снизилась механизация сельскохозяйственных работ. Естественно, что и удельный вес натуроплаты МТС в общем объеме заготовок зерновых культур тоже снижался (таблица 3.2.). К 1949 г. он почти достиг довоенной цифры. Дело заключалось не только в увеличении объема работ МТС после войны. Обязательные поставки и натуроплата являлись двумя важнейшими каналами, по которым государство выкачивало хлеб из деревни: если недодавалось по одному каналу, недостачу восполнял другой. Поэтому, в 40-е годы, за исключением 1943-1945 гг., удельный вес заготовленного зерна по обязательным поставкам и натуроплате МТС достигал в целом от 75% до 84% всех заготовок. Специфической формой изъятия хлеба из деревни в годы войны стал хлебный фонд Красной Армии. Доля совхозного производства зерна в 40-е годы была относительно стабильной, но небольшой – 10-12%.

[1] См.: ГАРФ. Ф.5446. Оп.50. Д.2436. Л.161-171.

После засушливого 1946 г. Совмин СССР постановлением от 10 мая 1947 г. №1465 ввел два дополнительных разряда урожайности, что, по мнению Двинского, должно было дать в том же году прибавку поступления хлеба по натуроплате за работы МТС не менее 14 млн. пудов.

Перед нами, как свидетельствует приведенный пример, отлично организованная система, позволяющая государству использовать в каждом конкретном случае наиболее эффективный способ изъятия зерна.

Рассмотрим теперь важнейшие показатели зернового производства валовые сборы, урожайность, заготовки (табл. 3.3.). Соотношение между фактическим и видовым урожаями в 40-е годы менялось довольно резко, что, очевидно, объясняется погодными условиями. Если бы видовая оценка зависела только от погони правительства за "рекордами", как утверждают отдельные историки, названное соотношение должно было оставаться стабильным. В 40-е годы почти не изменялась доля государственных заготовок в фактических сборах зерна – и в военные, и в послевоенные годы она не опускалась ниже 40%. Из-за оккупации огромных территорий СССР в 1941-1942 гг. произошло резкое снижение посевных площадей зерновых культур и урожаев.

С 1943 по 1950 г. посевные площади зерновых культур ежегодно увеличивались, особенно резко в 1944 и 1948 гг. (таблица 3.3.). Однако довоенный уровень достигнут не был, так как отсутствовало необходимое количество рабочих рук, а уровень механизации хотя и вырос за годы четвертой пятилетки, но оставался недостаточным. Резкие колебания наблюдались в урожайности; только начиная с 1947 г. можно говорить о некоторой ее стабилизации.

После войны бремя заготовительной политики ничуть не ослабло, в определенном смысле оно даже усугубилось – исчезло оправдание в виде ссылок на "военные обстоятельства". "Пестрота урожая текущего года, – сообщал в декабре 1946 г. заместитель председателя Госплана СССР Демидов заместителю председателя Совмина СССР Микояну, – предопределила необходимость в таком размещении плана хлебозаготовок, в целях его выполнения, при котором колхозам с лучшей урожайностью были да-

ны повышенные против норм (до 75%) планы сдачи хлеба"[1]. Поэтому во второй половине 40-х годов только половина всех колхозов страны выполняла планы заготовок зерна; массовый характер приобрели факты саботажа хлебозаготовок (терминология правительственных сводок), хищения зерна, укрывательства хлеба в колхозах и совхозах.

В результате после войны создается еще один мощный государственный орган – Главная государственная инспекция по определению урожайности сельскохозяйственных культур при Госплане СССР, в обязанности которой входило "предотвращение обмана государства, ведение решительной борьбы с занижением данных об урожайности, очковтирательством и приписками в отчетных данных о размерах посевных площадей".

О невысокой экономической эффективности колхозного производства свидетельствуют качественные характеристики ежегодно поступаемого по государственным заготовкам зерна.

Колхозники понимали, что, сдавая государству за бесценок хлеб – в первую очередь лучшего качества, в оптимальные агротехнические сроки – они ежегодно рискуют оказаться без собственных колхозных запасов, а значит, им предстоит жить весь год впроголодь или, как в 1946-1948 гг., ожидать голодной смерти. Поэтому, по их мнению, следовало скорее выполнить государственный план, в том числе с помощью приписок или другого обмана. Качество сдаваемого зерна их не интересовало, надо было думать о том, как самим не оказаться без хлеба. Поэтому нет ничего удивительного в том, что размер сырого и влажного зерна составлял в общем объеме заготовок от 15-18% до войны и 30% и более в послевоенные годы, что на складах хранилось много сорного и зараженного зерна. Колхозники не были заинтересованы в результатах своего труда – они равнодушно относились к выращенному урожаю, допускали большие потери при уборке. Ситуация усугублялась хронической нехваткой рабочих рук в деревне и другими причинами. Так, перевозка зерна, причитающаяся за работы МТС, к железнодорожным станциям, пристаням, элеваторам и заводам производилась перевозочными средствами колхозов и за их счет. Гужевой транспорт колхозов не справлялся с этой задачей, поэтому значительная часть продукции оставалась до зимы на так называемых глубинных пунктах Заготзерна. Сведения Наркомата заготовок показывают, что в 40-е годы на эти пункты поступало ежегодно от 5 млн до 9 млн т зерна[2].

[1] См.: ГАРФ. Ф.5446. Оп.49. Д.1614. Л.80-84.

[2] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

Колхозы и районные власти находили массу действительных и мнимых причин, чтобы зерно оседало в глубинке. Это позволяло колхозам экономить силы и средства, которых едва хватало на проведение первоочередных хозяйственных работ; давало уверенность, что в случае крайней нужды можно будет ходатайствовать перед правительством о получении ссуд за счет хранимого на глубинных пунктах государственного зерна. Поэтому власти неохотно шли на открытие новых глубинных пунктов. Из-за отсутствия у Заготзерна складской емкости, необходимой для хранения всего заготавливаемого государством хлеба, арендовались складские помещения колхозов, мало или совсем не приспособленные для приемки и складирования больших партий зерна. В результате качество хранимого зерна резко снижалось. Не имея возможности пользоваться глубинными пунктами, колхозы вынуждены были возить зерно на магистральные пункты на расстояния в десятки, а иногда и сотни километров. В условиях осенней распутицы это приводило к затягиванию сроков хлебозаготовительных работ, быстрому изнашиванию транспортных средств колхозов, отвлечению рабочих рук.

Большие усилия всех звеньев государственных, советских и партийных органов тратились на успешное проведение ежегодных хлебозаготовительных кампаний. Потери зерна были велики, в отдельные годы они составляли, по оценкам ЦСУ СССР, треть валовых сборов зерна.

Учитывая низкое качество зерновой продукции, большие потери хлеба при уборке и хранении, связанные не с погодными условиями или чрезвычайными обстоятельствами, а с действующей колхозной системой, мы не можем признать ее эффективной для общества.

Особое положение с хлебом сложилось в 1946 г. в связи с засухой. Начавшись ранней весной (конец марта) в Молдавии, засуха быстро распространилась на юго-западные районы Украины, охватила затем все области Центрально-Черноземной зоны, включая и северные области Украины. Примерно с середины мая засуха распространилась на правобережные районы Нижнего Поволжья. Тяжелейшая засуха стала отправной точкой голода 1946-1948 гг. (о его влиянии на демографическое положение страны см. главу 4). Уже к середине лета 1946 г. правительству стали ясны возможные размеры недорода, а к осени были приняты крутые меры по экономии расходования хлеба: для ряда категорий рабочих и служащих снижены суточные нормы пайка, сняты со снабжения 85% сельских контингентов, сокращены лимиты для иждивенцев и детей, отдельных катего-

рий работающих. О "битве за урожай", в которой правительственные интересы взяли вверх над нуждами населения, свидетельствуют три документа, помещенные в приложениях к данной главе. Ситуация с хлебом летом – осенью 1946 г. сложилась столь напряженной, что Сталин лично был вынужден много времени уделять вопросам хлебозаготовок, порой не считаясь с личными амбициями своих ближайших сподвижников и строго наказывая их за упущения в работе. Приказной стиль управления был нормой того времени, как и огромные усилия всех звеньев партийно – советского аппарата, направленные на преодоление хлебозаготовительного кризиса. Документы приложений хорошо иллюстрируют систему принятия решений в Кремле, где воля вождя являлась абсолютом и подлежала беспрекословному выполнению.

Для правильной оценки политики государства коротко остановимся на вопросе о государственном резерве хлеба в СССР, тем более, что в работах отечественных и зарубежных историков он специально не рассматривался. В СССР задачи образования и хранения неприкосновенного фонда хлебофуража были возложены на Комитет резервов при СТО (в последующем преобразовано в Управление (Главное управление) государственных материальных резервов при СНК СССР, затем – в Министерство государственных продовольственных и материальных резервов). Структура центрального аппарата включала: отделы, управляющие собственным хозяйством (отдел хлебофуражных баз и элеваторов), отдел товарных баз; отделы по контролю за мобзапасами наркоматов и ведомств, а также функциональные отделы (планово-финансовый, кадров и др.). Периферийные органы включали управления резервов по отдельным краям и областям, а также военным округам. Разбронирование государственных резервов и мобилизационных запасов производилось в самых исключительных случаях, каждый раз по специальному решению СНК[1].

Войну страна встретила, имея резерв хлеба более 5 млн т. (См. табл. 3.4). Сведения о национальном хлебном запасе за 40-е годы содержатся в книге Д.А.Волкогонова[2]. Однако автор приводит цифры только по состоянию на 1 июля каждого года, т. е. накануне нового урожая, что не дает полного представления о действительных размерах запаса, его расходовании и пополнении. Приведенные нами показатели отчасти восполняют этот пробел.

[1] См.: ГАРФ. Ф.5446. Оп.29. Д.790. Л.1-36.

[2] См.: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. Кн.1. М., 1995. С.382.

По сведениям Главного управления государственных материальных резервов за 1941-1944 гг. для нужд Красной Армии и народного хозяйства было разбронировано 15 047,8 тыс. т. хлеба, а заложено в госрезерв – 10 074,0 тыс. т. После войны национальные запасы хлеба значительно выросли – показатели за январь 1951г. почти в 4 раза превышает аналогичную цифру за январь 1941 г. (См. табл. 3.4). Даже в 1946-1948 гг., когда многие районы страны поразили засуха и голод, государственные запасы перед новым урожаем (по состоянию на 1 июля) превышали соответствующий показатель за военные годы. Этот факт весьма показателен для оценки социальной политики советского государства.

Теперь рассмотрим, какую долю в ежегодных сборах зерна составляла товарная продукция. По расчетам ЦСУ СССР (октябрь 1949 г.), в целом она была равна в 40-е годы 38-40%.Полагаем, что действительная цифра была выше, поскольку только государственные заготовки составляли в рассматриваемый период ежегодно 40-45% всего фактического урожая (табл.3.3). А ведь часть зерна отчуждалась государством через так называемый рыночный фонд колхозов. Объем колхозного зерна на городских базарах и рынках, как будет показано ниже, был весьма велик. В 1940-1945 гг. происходит резкое расширение посевов зерновых культур на приусадебных участках колхозников – с 0,9 млн до 1,6 млн га. В единоличных крестьянских хозяйствах этот показатель составлял в 1940 г. – 9,9 млн, а в 1945 г. – 8,2 млн га. Если посевные площади зерновых в единоличных хозяйствах из-за уменьшения числа этих хозяйств в 1951 г. резко сократились (до 0,25 млн га), то у колхозников, наоборот, выросли (до 1,8 млн га)[1].

Приведенные цифры отразили простой факт – посевы и урожай зерновых на приусадебных участках колхозников возмещали им то, что недодавало колхозное производство. Особенно заметно расширились эти посевы в зерновых районах страны (Поволжье, Северный Кавказ, Алтай), так как именно в них выдача зерна по трудодням сильно сократилась. Если бы причина заключалась только в войне, то в последующие годы производство зерновых на приусадебных участках колхозников должно было уменьшится. Этого не произошло. Та же картина – увеличение посевов зерновых в личных хозяйствах за послевоенный период – наблюдалась не только у сельских рабочих и служащих, но и у городских.

Не представляется возможным точно определить, какая часть произ-

[1] См.: ГАРФ. Ф.5446. Оп.60. Д.9872. Л.162-236.

веденного в личных хозяйствах хлеба шла на продажу, а какая на потребление, так как многое зависело от местных условий, состава семей, близости сел и деревень к городским поселениям. Существовали, как будет показано ниже, и факторы внеэкономического характера. По расчетам ЦСУ, индекс объема продаж на колхозных рынках крупных городов продуктов растениеводства изменялся так (в % к 1940г.): 1945 г. – 82; 1946 г. – 103; 1947 г. – 127; 1948 г. – 147; 1949 г. – 170; 1950г. – 193[1].

Сопоставляя это почти двойное увеличение с расширением зерновых посевов в хозяйствах колхозников, можно предположить, что к концу 40-х годов немалая часть произведенной ими продукции растениеводства (включая зерновые) поступала на внедеревенский рынок. Все же, учитывая низкие выдачи зерна на трудодень в большинстве колхозов страны, полагаем, что подавляющая часть выращенного хлеба потреблялась самими сельскими жителями. Отмена карточной системы в стране в декабре 1947 г. не могла радикально изменить ситуацию. Это происходило потому, что продуктов питания в стране хронически не хватало. Министерство торговли ежегодно отмечало в своих секретных сводках повышение спроса на хлеб за счет увеличения притока в города сельских жителей за покупкой продовольствия, особенно весной, когда запасы в деревне подходили к концу. Так, в 1949 г. подобная картина наблюдалась не только в промышленных районах (Тула), но и в зерновых (Воронежская и Ростовская области, Украина). Это связанно с тем, что до выполнения плана хлебозаготовок в целом по области, краю или республике колхозам, колхозникам и единоличникам запрещалось продавать свой хлеб, а также зерно и муку на городских и сельских базарах, железнодорожных станциях. Чем урожайнее был год, тем выше было планы поставок, которые колхозам не всегда удавалось выполнить (мы уже писали, что послевоенные планы хлебозаготовок выполнялись только половиной всех колхозов страны). Государственные запреты ограничивали объемы продаж, но людская нужда преодолевала преграды. Как свидетельствует выборочное обследование ЦСУ (конец 40-х годов) колхозных рынков 251 крупного города, среднемесячная реализация продуктов после разрешения свободной продажи была больше, чем до этого. Однако и в период запретов фактическая продажа производилась в значительных размерах[2].

Это обследование также показало, что небольшое количество хлеб-

[1] См.: ГАРФ. Ф.5446. Оп.59. Д.8985. Л.126.
[2] См.: *Попов В.П.* Российская деревня после войны. М., 1993. С.117-118.

ных продуктов продавалось в августе-сентябре; в последующие месяцы размеры продаж возрастали и достигали наибольшей величины к концу весны – началу лета, т.е. накануне нового урожая. Следовательно, и в условиях жестких государственных ограничений существовали в стране колхозы и отдельные лица, которые пытались приспособиться к ситуации и придержать хлеб до весны, когда рыночные цены повышались. Позволить это могли только крепкие хозяйства, люди, имеющие развитое личное хозяйство, или профессиональные перекупщики. Особые выгоды приносила продажа хлеба в войну. Так, индекс цен на городских колхозных рынках на хлебные продукты в военные годы вырос больше, чем на остальное продовольствие (в % к 1940 г.): 1941 г. –117; 1942 г. – 1045; 1943 г. – 2155; 1944 г. – 2360; 1945 г. – 948[1].

Рассмотрим, в каких размерах и как распределялась зерновая продукция в колхозах между его работниками. Мы ставим перед собой ограниченную задачу – получить представление о том, в какой степени выдачи зерна по трудодням соответствовали потребностям колхозной семьи. В наиболее общем виде эти данные представлены в табл. 3.5.

Как видно из таблицы рекордный урожай 1937 г. позволил колхозам выдать своим работникам больше, чем сдать зерна государству. В последующий период выдача по трудодням не зависела от величины урожая. Более того, в самые трудные для деревни два первых послевоенных года удельный вес отчуждаемой государством зерновой продукции был наиболее высоким. Почти неизменной оставалась доля урожая, идущая на пополнение колхозных фондов. Центральные власти строго следили за тем, чтобы колхозы после выполнения государственных планов в первую очередь пополняли колхозные фонды, а лишь после этого проводили оплату трудодней.

В подтверждение приведем выдержку из секретного постановления ЦК партии и Совмина СССР от 15 июля 1952 г., которая свидетельствует о характере распределительных отношений, сложившихся между государством и колхозами: "Признать недопустимым, что во многих районах все еще имеет место неправильная практика распределения и использования доходов в колхозах, когда после выполнения обязательств перед государством почти все зерно, картофель, другие сельскохозяйственные продукты и значительная часть кормов распределяются по трудодням, в результате

[1] См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945. Статистический сборник М., 1990. С.197.

чего колхозы не создают в необходимых размерах семенные, фуражные, страховые фонды... Такая неправильная практика распределения почти всех доходов по трудодням препятствует дальнейшему развитию общественного хозяйства"[1]. Партийные органы обязывались устранить эту "неправильную практику".

Следовательно, только обманув государство, колхозники могли как-то надеяться на улучшение своего материального положения. Поэтому вся правительственная переписка наполнена многочисленными ссылками официальных лиц на распространение такого приема, когда колхозы при уборке урожая, списывают значительное количество зерна в так называемые мертвые отходы. Это помогало колхозам скрывать хищения и незаконные, с точки зрения государства, колхозные расходы на оплату трудодней.

В 40-е послевоенные годы высокая натуральная оплата трудодня сохранялась на Северном Кавказе, в Средней Азии, некоторых областях Центра, низкая – во многих районах РСФСР и Белоруссии. Более реальное представление о разрыве в оплате между отдельными колхозами страны дают цифры табл. 3.6.

Как же государство осуществляло распределение той части урожая, которая полностью находилась в его распоряжении? Наглядное представление об этом дают зерновые балансы (см. табл. 3.7.). Цифры показывают, что основная доля поступления приходилась на заготовки и закупки, импорт зерна не превышал 0,3-1,3% всей приходной части баланса. Поступление из госрезерва – это тот объем зерна, который ежегодно разбронировался правительством в связи с какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. В отдельных случаях это было связано с истечением сроков хранения части зерна, которое возмещалось в госрезерв из урожая текущего года.

Уже отмечалось, что часть национального запаса хранилась на складах Министерства заготовок и учитывалась в отчетности этого учреждения. Та часть, хранение которой осуществляло Министерство продрезервов, проходила по отдельной отчетности и в данные Министерства заготовок не попадала. По-видимому, та часть зерна, которая указана в балансах графы "поступление из госрезерва" – только то, что находилось в непосредственном распоряжении Министерства заготовок, а не весь хлеб, ежегодно разбронируемый государством. После войны доля зерна, поступившего из госрезерва, в приходной части баланса увеличивалась и составляла от 3-4 до 6% и более.

[1] АПРФ. Ф.3. Оп.30. Д.172. Л.115-116.

Поступление зерна из особого резерва – государственного страхового и сортового фонда, – как правило, было связано с недостатком посевного материала в колхозах.

Наибольший удельный вес в расходной части баланса занимала переработка зерновой продукции на муку и крупу. В годы войны снижается не только доля переработки, но и абсолютные цифры. После войны удельный вес этой статьи несколько возрастает и почти достигает довоенного показателя. При планировании названной статьи государство исходило из складывающегося расхода, который должен был обеспечить текущие потребности армии, гражданского населения, закладку на базы Министерства продрезервов и создание так называемого коммерческого остатка в пределах месячной (или несколько больше) потребности. На фоне 40-х годов выделяется низкая цифра 1947 г., что, безусловно, связано с плохим урожаем предыдущего года.

Сравнительно невысокими были показатели, характеризующие отпуск зерна в рыночный фонд. Попытаемся объяснить этот факт. Если хлеб по карточкам отпускался по так называемым ценам нормированной торговли, которые были низкими и за годы войны не изменялись, то государственные коммерческие цены на хлеб, муку и крупу были в десятки раз выше (еще выше были цены на колхозных рынках). Естественно, что Министерство торговли было заинтересовано в повышении количества хлеба, продаваемого через коммерческие магазины, палатки, рестораны (правительственная переписка содержит многочисленные факты по этому вопросу). Но правительство не могло пойти на это. Во-первых, потому, что продовольственных ресурсов в предвоенные и военные годы было немного и их следовало экономно расходовать. Во-вторых, расширение коммерческой торговли только бы усилило социальные конфликты внутри общества, и без того носившие сложный характер. Интересно отметить, что в 1948-1950 гг., т.е. уже после отмены карточек, абсолютные размеры хлеба, отпускаемого в рыночный фонд, были сравнительно невелики (показатель 1950 г. меньше соответствующей цифры за все военные годы). Это понятно, если учесть, что по идеологическим соображениям правительство не было заинтересованно в дальнейшем поощрении зажиточной прослойки общества, сложившейся за военные годы. Снижая после отмены карточек государственные розничные цены, власти пытались проводить политику не в направлении закрепления социального расслоения, а, наоборот, в пла-

не “уравнивания” всех со всеми.

Невысоким был и удельный вес зерна, отпускаемого в фуражный фонд, – общественное животноводство росло после войны низкими темпами, а о скотине, находящейся в личном пользовании граждан, деревенское население должно было заботиться само.

Отпуск зерна централизованным потребителям – армии, флоту, НКВД (МВД), ГУЛАГу, особому строительству (например, Дальстрою) - резко вырос в годы войны из-за увеличения численности Вооруженных Сил СССР. К 1948 г., после завершения демобилизации, эта численность сократилась до 2874 тыс. но в 1949 г. из-за разгоревшейся “холодной войны” вновь несколько выросла. В 1950 г. насчитывалось не менее 3 млн военнослужащих, 2,6 млн заключенных.

Экспорт зерна был высоким до войны и еще больше возрос после войны (до 8% всей расходной части баланса в 1948-1950 гг.).

Помимо того, что экспорт зерна представлял важную статью валютных поступлений в казну и способствовал развитию народного хозяйства, он использовался и как средство большой политики. В 40-е гг. этот аспект заграничной торговли зерновой продукцией выступает на первый план. Согласно кредитному соглашению между СССР и Германией (август 1939 г.), Советский Союз в обмен на кредиты, заказы и оборудование поставлял немецкому партнеру сырье, в том числе хлеб. За два предвоенных года общий объем экспорта зерна был равен 1983,3 тыс. т. (табл. 3.7). В годы войны он сократился до минимума. В 1946 г., несмотря на тяжелую обстановку внутри страны, он вновь составил более 1 млн т. В первом полугодии 1946 г. было разбронировано из госрезерва 4,6 млн т. зерна в том числе для экспорта во Францию – 0,5 млн т. Как отмечалось в сообщении о подписании соглашения, касающегося поставок зерна во Францию, советское правительство, “учитывая тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику”[1]. Политическая направленность помощи понятна – поддержать французских коммунистов и повысить их престиж на выборах. Непонятно только, почему эта “щедрость” должна была осуществляться за счет населения собственной страны. Помимо Франции зерно поставлялось в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Берлин (летом 1948 г. в связи с берлинской блокадой), другие страны.

[1] Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы. М. 1952. С.117.

Крестьяне голодающих районов рассматривали поставки зерна за границу как политику, враждебную по отношению к ним: “Меньше продавать хлеба за границу. Кормить досыта свой народ...”, “Куда идет наш хлеб – в Берлин для наших исконных врагов, кто уничтожил богатства нашего труда? А теперь сидите, а мы будем пожирать ваш труд”[1].

Весьма неравномерно по годам распределялся расход, связанный со сдачей хлеба в госрезерв. После войны, начиная с урожайного 1947 г., три года подряд в резерв зачислялось ежегодно от 5 млн до 9 млн т. (табл. 3.7). Отчасти это можно объяснить необходимостью возмещения зерна, которое в больших объемах разбронировалось в эти годы из национальных запасов.

В это же время наблюдался рост отпуска семенных ссуд, это было связано с рядом причин, в том числе с неблагоприятными погодными условиями. Учитывая, что правительство все время неоправданно завышало урожайность и тем повышало размеры хлебозаготовок, колхозы в неурожайные годы нередко оставались без семенного зерна и вынуждены были пользоваться государственными ссудами. Рост ссуд происходил и в результате расширения площадей посева озимой пшеницы (за 1940-1945 гг. они сократились с 11 701тыс. до 7353 тыс. га.)[2].

Анализ производства и распределения зерна в СССР в 40-е годы дает возможность сделать ряд выводов. С победой колхозного строя сложилась особая форма производственно-распределительных отношений, позволяющая государству осуществлять полный контроль почти над всем выращенным в стране хлебом. Даже та его часть, которая оставалась в хозяйствах, шла на первоочередное восстановление колхозных фондов (семенного, фуражного, страхового), т.е. опять-таки для того, чтобы ежегодное производство зерна для государства не прерывалось. Война, засуха, голод – все эти чрезвычайные обстоятельства ничуть не поколебали отлаженной системы. Более того, они продемонстрировали ее эффективность, так как даже в самые трудные годы позволяли правительству сосредотачивать в своих руках запасы, необходимые для успешной работы большой государственной машины. Резкое падение валовых урожаев и государственных заготовок в отдельные годы (1942-1943, 1946) компенсировалось путем жесткого контроля за распределением хлеба между его основными потребителями внутри страны. Экономия достигалась в первую очередь за счет

[1] *Попов В.П.* Указ. соч. С.105, 137.

[2] См.: РГАЭ. Ф.292. Оп.1. Д.2. Л.150 – 152.

главного производителя продукта – деревенского населения. Как показывают цифры, натуральная оплата труда в общественном хозяйстве не позволяла многим колхозникам прокормить себя и свои семьи. Приусадебные участки позволяли крестьянину не умереть с голода, они подпитывали его земледельческие инстинкты, создавали иллюзию прежней жизни "на земле". Правительство прекрасно знало об этом – личное хозяйство должно было восполнить то, что недодавало колхозное. Так формировалось мировоззрение сторон: что для одних было главным, для других – второстепенным. Дело, следовательно, заключалось не в исконной "мелкобуржуазной природе крестьянина", как о том толковала вся марксистско-ленинская литература, а в тех обстоятельствах, в которые был поставлен русский мужик. И если в военные годы его патриотизм мог оправдывать эксплуатацию деревни, то после завершения войны ее оправдывать было нечем.

Чтобы сделать возможным контроль над производством и распределением зерна, была создана колхозная система, машинно-тракторные станции, разветвленный государственный заготовительный аппарат, продумано множество способов, позволяющих изымать максимум возможного. Среди них одной из главных была видовая оценка урожайности. Именно она устанавливала верхнюю планку хлебозаготовок, до которой "подтягивали" деревню десятки тысяч уполномоченных, сотни секретных партийных постановлений. По иному видится нам и роль машинно-тракторных станций – еще один мощный рычаг государства в деревне. Вступив в колхозы с мыслью о совместном, коллективном труде, мужики, конечно же, мечтали и о более совершенных орудиях. Этим мечтам (как и многим другим) не суждено было сбыться. Пользуясь своим монопольным положением как главного владельца сельскохозяйственной техники в деревне, МТС способствовали дополнительному выкачиванию зерна. По своему социальному положению (оплата труда, правовое положение, социальное обеспечение) работники МТС являлись "элитой" по отношению к остальным сельским жителям. Даже тогда, когда неестественные взаимоотношения между колхозами и МТС стали очевидными, государство не упразднило машинно-тракторные станции.

Ни в одной другой области социальных отношений не проявилась так отчетливо природа советского государства, как в сфере распределения. И не только в отношении к какой-либо одной части общества, а ко всему в целом – низкие выдачи на трудодни в колхозах и такие же невысокие нормы продовольственного снабжения по карточкам для городских жителей. Не будем забывать, что в 40-е годы заготовительная цена 1 центнера зерновых возмещала колхозам лишь шестую часть их себестоимости, остальное шло государству. Как свидетельствуют цифры, с урожая 1944 г. начинается постоянный рост национальных запасов зерна. Засуха 1946 г. несколько понизила госрезерв, но в последующие годы наблюдался его неуклонный рост. Это мало отразилось на уровне жизни населения, зато возрастал экспорт зерна в страны народной демократии и в другие страны.

Цифры зернового производства и распределения характеризуют государственную политику, проводимую по отношению к народу. После завершения победоносной войны в этой политике не произошло никаких существенных изменений – интересы людей по-прежнему стояли для правительства на последнем месте. Если рассматривать эффективность системы с позиций государственной власти, она, безусловно, заслуживает полного признания, а опыт управления огромной страной можно считать бесценным.

Если судить о системе хлебозаготовок не только с точки зрения достигнутых результатов, но и с учетом понесенных потерь (о чем свидетельствуют низкое качество зерновой продукции и огромные потери при уборке и хранении), она не может быть признана эффективной.

Таблица 3.1.

Поступления зерновых культур (все поступления, включая заготовки, гарнцевый сбор и закупки)*

Годы	Всего поступило**		Годы	Всего поступило		% выполнения годового плана
	млн пудов	% к 1913 г.		млн пудов	% к 1913 г.	
1913	1300,6	100,0	1935	1 807,0	138,9	100,2
1914	508,1	39,1	1936	1 557,8	119,8	100,6
1915	78,3	6,0	1937	1 949,7	149,9	103,1
1916	508,1	39,1	1938	1 775,8	136,5	93,0
1917	73,3	5,6	1939	1 889,2	145,3	81,6
1918	107,9	8,3	1940	2 224,9	171,1	92,9
1919	212,4	16,3	1941	1 483,4	114,1	66,2
1920	366,9	28,2	1942	764,1	58,7	54,5
1921	232,8	17,9	1943	748,2	57,5	61,3
1922	422,3	32,5	1944	1 315,8	101,2	87,0
1923	293,4	22,6	1945	1 222,2	94,0	82,3
1924	279,1	21,5	1946	1 065,4	81,9	78,7
1925	516,3	39,7	1947	1 676,2	128,9	99,7
1926	710,8	54,7	1948	1 842,0	141,6	100,2
1927	674,9	51,9	1949	1 961,5	150,8	100,2
1928	658,6	50,6	1950	1 972,7	151,7	104,3
1929	981,6	75,5	1951	2 049,8	157,6	102,3
1930	1 357,2	104,4	…	…	…	…
1931	1 394,1	107,2	…	…	…	…
1932	1 161,8	89,3	…	…	…	…
1933	1 444,5	111,1	…	…	…	…
1934	1 643,3	126,3	…	…	…	…

*Составлена по данным: РГАЭ. Архивная коллекция. Цифры взяты из так называемого справочника министра, в котором не указано, каким способом проведен расчет поступления зерновых культур в распоряжение государства в 1913-1928 гг. Часть цифр опубликована нами в кн.: Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 260.

**За 1931-1934 гг. нет сведений о проценте выполнения годового плана.

Таблица 3.2.

Заготовки зерновых культур по СССР (по видам поступления) (в млн пуд.)*

Годы	Всего заготовлено	В том числе по видам поступления:						
		обязательные поставки	натуральная оплата	возврат ссуд		хлебосдача совхозами	хлебный сбор Красной Армии	гарнцевый сбор
				колхозами	Совхозами			
1939/40	1 727,1	557,2	740,9	152,1	6,6	188,5	2	81,7
1940/41	2 117,9	888,4	873,7	131,5	5,1	219,1	–	–
1941/42	1 458,0	657,5	574,5	45,7	3,5	170,0	2,5	–
1942/43	756,1	323,6	251,3	18,0	0,4	74,7	82,4	0,8
1943/44	655,0	242,9	151,1	14,7	0,3	52,1	182,3	10,4
1944/45	1 283,3	659,1	274,1	75,4	4,6	121,5	113,8	33,5
1945/46	1188,9	582,1	298,5	71,5	4,9	113,7	88,4	29,6
1946/47	1024,2	498,1	296,2	99,1	8,2	101,1	–	21,3
1947/48	1640,3	668,5	589,6	186,7	20,6	138,3	–	32,3
1948/49	1790,3	678,3	732,0	148,0	10,0	177,8	–	44,1

* Составлена по данным: РГАЭ.Ф.8040. Оп. 8. Д.381.Л.1. При пересчетах пудов в тонны больших объемов зерна метрическая комиссия Наркомзема в 1925 г. предложила следующий полный переводной коэффициент: 1 т. = 61,048211 пуда. / РГАЭ. Ф.478. Оп.5. Д.2604. Л.180.

Таблица 3.3.

Посевная площадь, урожайность, валовый урожай и заготовки зерновых культур по СССР* (по всем категориям хозяйств)

Годы	Посевная площадь, тыс.га	Урожайность в цнт с 1 га		Валовой урожай тыс. т.		Государственные заготовки и закупки, тыс.т.**	Фактический урожай, в % к видовому	Государственные заготовки и закупки % к фактическому урожаю
		Оценка:						
		Видовая ЦСУ	Фактическая	Видовая ЦСУ	Фактическая			
1940	110 440,3	10,7	8,6	118 839	95 500	36 445	80	38
1941	81 401,2	11,0	7,3	89 233	55 900	24 299	63	43
1942	67 288,4	8,2	4,4	54 939	29 700	12 516	54	42
1943	70 600,6	7,2	4,2	50 627	29 400	12 256	58	42
1944	81 956,6	8,4	6,0	68 687	49 100	21 554	71	44
1945	85 236,3	8,0	5,6	68 440	47 200	20 020	69	42
1946	85 765,7	7,3	4,6	62 507	39 600	17 452	63	44
1947	90 676,8	10,8	7,3	98 514	65 900	27 457	67	42
1948	100 661,6	11,7	6,7	118 308	67 200	30 173	57	45
1949	102 291,5	12,2	6,9	124 417	70 200	32 130	56	46
1950	102 900,0	12,1	7,9	124 500	81 200	32 314	65	40

*Составлена по данным: РГАЭ. Ф.292. Оп. 1. Д.178. Л.1а; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945. Стат. сб. М., 1990, С.93, 104; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1988, С.10-15.

** Данные о государственных заготовках и закупках, несколько отличаются от аналогичных сведений из таблицы 3.7, так как Государственная инспекция по определению урожайности вносила свои поправки к соответствующим показателям Министерства заготовок.

Таблица 3.4.

Наличие хлеба государственного и мобилизационного резервов (в тыс. т)*

Годы	По состоянию на	
	1 января	1 июля
1940	4 322,3	3 975,4
1941	5 876,4	5 230,2
1942	6 327,9	6 807,3
1943	7 201,1	5 461,7
1944	5 463,7	2 710,3
1945	Нет свед.	8 177
1946	10 058	6 000
1947	Нет свед.	4 700
1948	Нет свед.	10 500
1949	18 773,0	13 900
1950	20 930,0	16 000
1951	21 000,0	16 300

*Составлена по данным: ГАРФ. Архивная коллекция; АПРФ. Архивная коллекция.

Таблица 3.5.

Распределение оприходованного колхозами зерна по СССР*

Год	Всего оприходовано зерна колхозами, млн ц.	Сдано и продано государству (включая натуроплату)	Засыпано в фонды колхоза (включая рыночный фонд)	Определено к выдаче колхозникам и трактористам (включая наемных лиц)
		% к итогу		
1936	469,6	44	33	23
1937	859,7	30	34	36
1938	655,0	36	37	27
1939	652,9	40	37	23
1940	767,4	43	37	20
1946**	291,4	52	34	14
1947**	476,4	51	33	16

*Составлена по данным: *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сборник документов. М., 1993, С. 37.

**Включая данные колхозов западных районов УССР, БССР, МССР.

Таблица 3.6

Группировка колхозов СССР по выдаче зерновых и бобовых на 1 трудодень (в % к итогу)*

Выдача зерна и бобовых	1939 г.	1945 г.	1946 г.	1950 г.
До 100 г.	–	8,8	14,1	1,6
101 до 300 г.	–	28,4	30,8	8,8
301 до 500 г.	–	20,6	17,7	11,8
501 до 700 г.	–	12,2	9,4	11,0
701 до 1000 г.	35,9	10,6	7,7	15,7
Свыше 1-2 кг	31,9	10,4	6,7	28,4
Свыше 2-3 кг	15,5	2,4	1,8	12,7
Свыше 3-5кг	9,4	1,0	1,0	6,5
Свыше 5кг	2,9	0,2	0,2	1,4
Без выдачи зерна на трудодни	4,4	5,4	10,6	2,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

* ГАРФ. Ф 5446. Оп. 52. Д.3418. Л.149-153; РГАЭ. Ф. 9476. Оп.2. Д. 70.Л.84-105.

Таблица 3.7.

Балансы зерновых культур по СССР в (тыс. т.)*

Год	Приход							Расход	
	Наличие	Поступление по заготовкам и закупкам	Импорт	Из госрезерва	Из Госстрахфонда, Госсортфонда	Итого приход	Итого приход, включая наличие	Переработано на предприятиях Минзаготовок и Минпищепрома	Отпущено в рыночный фонд
1938/39	6 116,3	29100,8	115,1	2012,3	Нет свед.	38741,9	–	20815,9	1587,8
1939/40	4 143,7	30802,7	114,5	1051,7	Нет свед.	37269,5	–	22145,6	1735,2
1940/41	3 436,3	36204,9	46,9	776,3	777,9	42239,1	–	22829,5	2575,9
1941	4 814,3	24600,0	–	Нет свед.	Нет свед.	29414,3	–	18000,0	1000,0
1942	12335,9	13216,0	44,7	762,2	381,4	17141,0	29978,3	10082,6	2516,9
1943	10311,2	11553,0	88,6	497,7	307,4	13766,5	24262,8	8532,4	2430,2
1944	7 080,2	22061,0	132,8	745,6	464,2	25410,7	32661,5	8514,9	2306,8
1945	13341,2	20431,5	474,4	289,0	536,7	23578,2	37230,5	10192,3	2386,3
1946	14485,1	17539,0	195,1	1731,5	1 859,3	22956,3	38209,3	13649,7	2265,2
1947	6 844,9	27920,3	258,6	Нет свед.	1 376,9	30512,6	37694,4	12181,0	934,2
1948	16625,6	30 994,7	232,9	3322,7	Нет свед.	36134,2	52759,8	17115,6	1249,7
1949 1-е полуг.	8 699,1	445,0	103,3	4945,4	Нет свед.	6231,9	14931,9	6788,1	765,1
1949 2-е полуг.	1 731,2	33051,4	28,6	Нет свед.	Нет свед.	33764,3	35495,5	9746,3	909,6
1950	13357,9	33414,6	59,2	1 615,1	Нет свед.	36264,8	49622,7	18385,2	2087,0

Годы	Расход								Наличие
	Отпущено на фуражные цели (включая животноводство)	Отпущено промышленности (макаронно-кондитерской, спиртовой, и пр.)	Централизованные поставки	Экспорт	Сдано в госрезерв	Отпущено по семенному обмену	Отпущено в семенные ссуды	Итого расход	
1938/39	449,8	2 733,6	1 008,6	1907,8	2177,5	Нет свед.	1436,8	34598,2	4 143,7
·1939/40	357,9	2 951,7	1 438,3	486,5	1806,0	Нет свед.	790,5	33723,2	3 546,3
1940/41	429,4	3 320,9	1 344,9	1496,8	2327,1	Нет свед.	458,1	37424,8	4 814,3
1941	350,0	1 815,0	2 000,0	50,0	2500,0	Нет свед.	100,0	26495,0	2 919,3
1942	Нет свед.	1 025,7	2 233,7	3,1	741,0	Нет свед.	Нет свед.	19641,0	10152,2
1943	337,9	798,9	2 403,5	9,8	145,7	460,8	274,9	17019,3	7 072,9
1944	262,7	646,9	2 577,2	25,4	2053,0	243,5	1085,0	18954,3	13396,1
1945	544,1	944,2	1 174,8	231,0	1602,6	517,4	1361,3	21988,9	14473,7

Окончание таблицы 3.7

1946	772,5	1 150,7	971,6	1230,2	1303,7	324,4	2438,3	27419,6	10452,8
1947	522,5	1 150,8	520,2	609,5	9904,5	354,7	3056,1	31138,3	6556,1
1948	608,5	1 486,6	335,1	2594,8	5197,7	1018,6	1757,7	32981,9	19906,0
1949 1-е полуг.	Нет свед.	827,4	139,6	1243,1	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	13403,1	1729,1
1949 2-е полуг.	Нет свед.	742,3	231,6	1158,1	7718,7	Нет свед.	Нет свед.	22459,1	13354,4
1950	1 121,7	1 721,4	361,4	2800,2	2207,9	1027,3	2229,5	34059,8	15813,2

*Составлена по данным: РГАЭ. Архивная коллекция; ГАРФ. Архивная коллекция. Балансы составлялись Наркоматом (Министерством) заготовок СССР и имели гриф "сов. секретно". Данные за первые три года, указанные в таблице, составлялись за период с 1 июля одного года по 1 июля следующего года, т.е. за так называемый сельскохозяйственный год. Например, 1938/39 сельхозгод, где в графе "приход" наличие зерна указывалось на 1июля 1938 г., в графе "расход" — на 1 июля 1939 г. С 1942 по 1950 гг. зерновые балансы составлялись за календарный год, т.е. в графе "приход" наличие зерна указывалось на 1 января 1942 г., в графе "расход" — на 1января 1943 г. За 1949 г., из-за отсутствия годового баланса, помещены полугодовые: 1-е полугодие охватывает период с 1 января по 1 июля 1949 г., 2-е полугодие за период с 1 июля 1949 г. по 1 января 1950 г. В таблице приведены только те статьи баланса, которые включались в этот документ ежегодно. Поэтому итоговая цифра расхода и прихода не соответствует сумме показателей, приведенных в табл. 3.7. Данные зерновых балансов, составленные в 40-е годы, соответствуют показателям о заготовках и расходе зерна в СССР, которые были представлены в октябре 1978 г. министром заготовок СССР Г.С. Золотухиным Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Приложения к главе третьей*

Приложение1

Докладная записка министра заготовок СССР Б.А. Двинского председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину от 23 сентября 1946 г.

Товарищу Сталину.

Товарищ Микоян сказал мне относительно моей записки на Ваше имя от 7 сентября с.г., что предложение о рассмотрении Правительством вопроса о всемерной экономии в расходовании хлеба было найдено Вами тогда преждевременным. Товарищ Сталин! Необходимо резкое сокращение расхода именно сейчас. Когда Украина, Крым, Молдавия, Сталинградская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Рязанская, Саратовская, Куйбышевская, Пензенская, Ульяновская, Тульская, Брянская области, Забайкалье и Дальний Восток, Северный Дон и Ставрополь охвачены неурожаем, а в Сибири и Казахстане из-за длительных дождей хлеб медленно убирается и промокает на корню, когда много погибло по стране озимых и яровых хлебов и резко сократились посевы крупяных культур, - нет возможности жить с тем размахом, как мы живем в данное время. Мы быстро проедаем наши хлебные запасы: ведь в течение третьего квартала (июль-сентябрь) наш расход – 6,4 млн тонн, включая экспорт и ссуды, т.е. 2,1 млн тонн в месяц, в том числе на снабжение – 1,7 млн тонн.

У нас сейчас намного меньше хлеба, чем в прошлом году, а расходы раздуты. В прошлом году мы расходовали в месяц 1,3 млн тонн на снабжение. Вот что имеется у нас сейчас в наличии:

	Тысяч тонн	
	1946 год	1945 год
Коммерческое наличие Министерства заготовок (на 10 сентября)	7280	7818
Госрезерв (на 1 сентября)	5240	8235

*См.: АПРФ. Архивная коллекция

Таким образом, мы имеем хлеба сейчас на 3,5 млн тонн меньше, чем в прошлом году, дальше разрыв еще больше возрастет, т.к. Украина дает уже только 5 млн пудов в пятидневку и другие неурожайные районы страны уже выдохлись. А до нового урожая нам надо жить еще три с половиной квартала. Весной понадобятся семена. Хлеба при нынешнем расходе не хватит.

Я прошу товарищ Сталин, дать указание немедленно сократить расход по всем статьям. Нельзя иметь такие огромные контингенты снабжения (чуть не полстраны) и такие высокие нормы в исключительно неурожайный год.

Тяжело и то, что в европейской части СССР мало хлеба, для наших промышленных центров его придется возить издалека. При меньших расходах это было бы облегчено.

Прошу Вас также, товарищ Сталин, дать указание, чтобы аппарат ЦК включился в работу по хлебозаготовкам так, как он раньше это делал. Сейчас министерство заготовок – обычный советский аппарат, а на местах заготовками и снабжением командуют партийные органы и не чувствуют повседневного оперативного воздействия сверху по партлинии. Работа по заготовкам – особая работа, требующая партийно-массовых мероприятий и тесной увязки с местными партийными органами.

Я ставил перед товарищем Микояном вопрос о выделении из министерства заготовок отдельного министерства продовольственного (хлебофуражного) снабжения. Это можно безболезненно сделать, однако он против этого. Но нет возможности успешно справляться и с заготовками, и со снабжением, и переработкой зерна – очень острыми вопросами всегда и особенно в этом году. Я считаю, что образование такого министерства необходимо в интересах дела, назрело.

Прошу Вас рассмотреть эту записку. Без Вас никто не решит наболевшего вопроса о том, как жить дальше, хотя положение с ресурсами известно, ясны размеры бедствия, постигшего страну и, следовательно, перспективы заготовок. Я боюсь, чтобы не запоздать и не очутится перед трудностями, которые можно предотвратить или смягчить.

Приложение 2

Записка заместителя председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину от 4 октября 1946 г.

Тов. Сталин!

Получил Вашу телеграмму с суровой критикой моей работы*. Я сам вижу многие недостатки своей работы, но Вам конечно виднее.

Налицо большие недостатки в организации заготовок и снабжения. Еще в конце августа при начале падения хлебозаготовок я поручил тов. Двинскому подготовить для Вас доклад по этому вопросу.

7-го сентября я Вам направил записку с предложением: а) послать от Вашего имени телеграммы в отстающие области, б) направить на места руководящих работников по усилению заготовок, в) поручить подготовить предложения по сокращению расхода хлеба, приложив к записке доклад тов. Двинского.

Через несколько дней я поручил т.т. Двинскому и Любимову подготовить конкретные предложения по сокращению расходования хлеба. Тов. Двинский этого не выполнил, а тов. Любимов 19-го сентября представил первые робкие предложения, которые давали экономию по пайковому снабжению около 120 тыс. тонн в зерне за квартал.

24 сентября Вы вмешались, поставив вопрос смело и круто. Вместе с другими я не мало поработал по Вашему указанию над подготовкой решения о сокращении расхода хлеба. Конечно, я, да и другие, не могут ставить вопросы так, как это Вы умеете.

Приложу все силы чтобы научится у Вас работать по настоящему.

Сделаю все, чтобы извлечь нужные уроки из вашей суровой критики, чтобы она пошла на пользу мне в дальнейшей работе под Вашим отцовским руководством.

Ваш А. Микоян.

---

*В конце сентября 1946 г. А.И. Микоян находился в командировке на Дальнем Востоке и Камчатке, а с 6 октября по ноябрь в Казахстане по вопросам хлебозаготовок. Телеграмму Сталина с критикой его работы Микоян, по всей вероятности, получил во время первой командировки. В президентском архиве телеграммы Сталина в адрес Микояна от 24 сентября 1946 г. не обнаружено – *В.П.*

Приложение 3

Указание И.В. Сталина членам ЦК – заместителю председателя Совета Министров СССР, председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому, секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, секретарю ЦК ВКП(б), заместителю председателя Совета по делам колхоза при Совете Министров СССР Н.С. Патоличеву от 15 октября 1946 г.

Прошу вас обратить внимание на записку т. Двинского*.

Предлагаю:

1. Одобрить предложения т. Двинского и оформить их как решения Совета Министров и ЦК ВКП(б) **.
2. Никакого доверия в этом деле не оказывать т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения.
3. Обязать секретарей обкомов взять под строгий контроль облторги и органы карточной системы.
4. Усилить т. Любимова и его министерство, дав ему одного или двух замов из партийных деятелей типа Андрианова или лучших инспекторов инспекции ЦК ВКП(б) (они должны научится торговому делу).
5. Секретариату ЦК использовать опыт т.т. Мехлиса и Двинского в деле контролирования министерства торговли и повседневно проверять работу последнего.

Привет

И. Сталин

---

*См.: документ “Приложение 1”.

**Согласно сталинскому указанию, 18 октября 1946 г. было принято постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) “О дополнительных мерах по экономии в расходовании хлеба и усилении контроля за работой министерства торговли и его органов”. В качестве одной из мер инспекция по контролю за расходование продуктов при Министерстве заготовок передавалась Министерству государственного контроля СССР. Вводилась также персональная ответственность первых секретарей местных партийных органов за работу торговой сети, был принят ряд других мер. – *В.П.*

Глава четвертая
Социальные последствия экономической политики

До настоящего времени не прекращаются споры о людских потерях СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. По подсчетам демографов, численность населения страны к середине 1941 г. составляла 196,7 млн человек, а на начало 1946 г. – 170,5 млн (табл. 4.1)[1].

Для послевоенного времени, как правило, демографы рассчитывали численность населения, исходя из цифр переписи 1959 г. Например, в сборнике "Население СССР" (М., 1988) сведения о населении на январь 1951 г. получены как разность между показателями численности населения СССР на январь 1959 г. (год переписи) и естественного прироста за 1951 -1958 гг. Такой подход не свободен от неточностей: трудно определить действительную цифру населения отдельных республик, поскольку учет миграций в рассматриваемый период находился на низком уровне. По этой же причине весьма приблизительный характер носит распределение населения на городское и сельское. Отметим также, что перепись 1959 г. лишь косвенно зафиксировала потери населения в годы войны, судить о которых стали на основе изменения численности соответствующих возрастных групп, чья жизнь (рождение) приходилась на военные годы.

Из табл.4.1. видно, что ежегодный естественный прирост сельского населения до войны значительно превосходил соответствующий показатель в городах. Та же тенденция, хотя и в меньших размерах, сохранилась и в послевоенные годы. При этом численность городского населения страны росла ежегодно на несколько миллионов человек, а сельского столь же неуклонно сокращалась. Какие же причины лежали в основе указанного процесса? Главная заключалась в том, что подавляющая часть подрастающего поколения уходила из деревень в города. Использовались все существующие тогда способы: уход по оргнабор, отъезд на учебу, служба в армии, замужество и пр. Особенно усиливался бегство в те годы, когда деревня испытывала усиление государственного гнета, что приводило к резкому падению жизненного уровня сельских тружеников. Отчасти сокращение сельского населения происходило за счет преобразования сельских поселений в городские. Так, в 1950 г. из сел РСФСР уехало в города 1366,8 тыс. человек, а сельская территория с населением в 167,2 тыс. человек была преобразована в рабочие поселки. В результате, несмотря на почти миллионный естественный прирост, численность сельского населения Российской Федерации сократилась за 1950 г. на 540 тыс. человек.

[1] Таблицы 4.1 – 4.14 см. С. 138-151

В первый послевоенный год произошли важные в демографическом отношении события. Главное – возвращение демобилизованных солдат с фронта, что должно было сказаться на росте рождаемости. О масштабах мобилизации старших возрастов личного состава действующей армии свидетельствуют данные табл. 4.2.

За четыре года войны в действующую армию было мобилизовано 29,6 млн человек за вычетом повторно призванных. По стране в целом к 1 сентября 1946 г. демобилизовалось 6 993 335 человек, в том числе в Российскую Федерацию – 4 325 014. Мы не располагаем данными о количестве призванных по каждой республике (и отдельно по городу и селу). Приведенные в табл. 4.2. данные позволяют сделать следующий вывод – большинство вчерашних воинов возвращались в родные места. Большая часть возвратившихся на территорию Российской Федерации бывших солдат прибывали в сельскую местность (61 % всех демобилизованных). Это характерно и для районов, находившихся во временной немецкой оккупации (Курская, Орловская обл. Краснодарский край), и для тех, которые оставались в глубоком тылу (Чкаловская обл. Алтайский край). Только в Московской обл. демобилизованные распределялись между городом и селом примерно поровну. Такая закономерность связана с тем, что до Второй мировой войны в селах и деревнях страны проживало 68 % всего населения (66 % в РСФСР). Значительная часть деревенского населения не подлежала бронированию, следовательно, процент призванных в армию из села в сравнении с городом должен был быть еще больше.

Важно и то (данные табл. 4.2. частично отражают это), что многие демобилизовавшиеся и прибывшие в деревню предпочли работать не в сельском хозяйстве, а устроились на предприятия и в учреждения. Так было не только в промышленно развитой Московской обл. но и в Саратовской, Вологодской обл., Краснодарском крае. Основными причинами, определявшими выбор работы демобилизовавшихся, являлись условия труда и его оплата. Вся система государственных мер, включая гарантированное карточное снабжение в городах, льготы для завербованных на стройки и в промышленность, способствовала оттоку населения из деревни. Постепенно под влиянием ухудшающихся условий сельской жизни после войны все больше людей выбирало жизнь в городе. Именно это обстоятельство –

политика государства, направленная на первоочередное развитие тяжелой промышленности, – а не последствия войны и послевоенная разруха, привели к тому, что деревня медленно восстанавливала свои людские ресурсы.

Чтобы лучше понять причины изменения численности населения СССР, обратимся к показателю естественного прироста в стране за пять послевоенных лет (см. табл. 4.3.).

В 1946 г. после возвращения демобилизованных солдат наблюдается значительное увеличение естественного прироста населения СССР, в 1947 г. из-за голода он резко падает. В 1948 – 1949 гг. естественный прирост постепенно растет, а в 1950 г. отмечается заметное его снижение. Последнее трудно объяснимо, так как согласно утвердившемуся мнению никакого голода в стране в 1950 г. не наблюдалось. Следовательно, важнейшая причина подобного положения – материальные условия жизни людей, которые повышали смертность и понижали рождаемость. Наглядно о масштабах последствий социальной политики государства свидетельствуют резкие колебания числа смертей по СССР (см. табл. 4.4).

Прямые потери от голода в 1947 г., первом году после засухи, составили 770,5 тыс. умерших. В наибольшей степени увеличение числа умерших в 1947 г. по сравнению с 1946 г. наблюдалось в Молдавии, на Украине (Измаильская, Днепропетровская, Запорожская, Сталинская, Черновицкая, Одесская, Винницкая, Харьковская, Херсонская, Ворошиловградская, Киевская, Тернопольская, Каменец-Подольская обл.) и в отдельных районах РСФСР. Среди них: Астраханская, Воронежская, Ростовская, Грозненская, Курская, Вологодская, Крымская, Читинская, Челябинская, Ярославская, Кемеровская, Иркутская области, Краснодарский и Алтайский края, а также Бурят-Монгольская и Башкирская АССР. Мы перечислили только те территории, на которых статистические органы зафиксировали в 1947 г. резкий рост (в 1,5 раза и более) количества смертей по сравнению с 1946 г.[1] Здесь представлены все без исключения районы страны: север, юг, центр, запад, Поволжье, Сибирь и др. Следовательно, только резкое ухудшение условий жизни (голод и вызванные им болезни) могли привести к большим колебаниям смертности на столь обширной территории, значительно превышающей ту, на которой, согласно официальным правительственным сводкам, разразилась засуха 1946 г. А это значит, что отнюдь не погодные условия унесли сотни тысяч людей. Вина за это в большей степени лежит на властях, не позаботившихся вовремя о продовольственном обеспечении населения голодающих районов.

[1] См.: РГАСПИ. Архивная коллекция.

Прежде чем переходить к анализу табл. 4.5, остановимся на одном факте. Как уже отмечалось, к осени 1946 г. демобилизовалось около 7 млн человек. В демографической науке существует понятие, которое называется "правилом компенсации населения". Оно означает, что после устранения причин, которые нарушают естественный порядок наступления демографических событий, эти события происходят с повышенной интенсивностью. Поэтому следовало ожидать, что если в войну из-за ухода мужчин на фронт и значительного ухудшения условий жизни сокращалось число рождений, то после войны, в связи с массовой демобилизацией число рождений должно было быстро возрасти. Показатели табл. 4.5 свидетельствуют о том, что это правило успешно действовало в 1946 г. – первом мирном послевоенном, когда число рождений по сравнению с предшествующим 1945 г. выросло сразу на 1,5 млн. В 1947 г. наступает незначительное увеличение числа рождений и резкий спад в 1948 г. В 1949 г. наблюдается подъем, вновь сменяемый в 1950 г. очередным спадом. Подобные скачки отражают демографическое поведение населения, которое именно таким образом реагировало на антинародную политику государства.

Определяющее воздействие на демографическую ситуацию в стране в первую послевоенную пятилетку оказывали процессы, происходящие в сельской местности, поскольку несмотря на многомиллионный поток мигрантов в города, деревенское население и к началу 50-х годов составляло большую часть населения страны (61 %).

Наиболее распространенной среди историков является точка зрения, объясняющая "объективными причинами" (война, оккупация) невысокие темпы роста сельского населения в первое послевоенное пятилетие. Как свидетельствуют приведенные данные, такие причины существовали, но не они служили основными факторами, снижающими численность населения деревни после войны. Наши выводы подтверждаются и при анализе причин изменения рождаемости в областях с самыми низкими показателями.

В этих целях используем показатели естественного движения населения (рождаемость, смертность, естественный прирост). В отличие от абсолютных цифр, на величину которых оказывает значительное влияние изменение половозрастной структуры населения, расчетные показатели (коэффициенты) в силу сопоставляемости данных позволяют определить

динамику процесса и факторы, влияющие на изменение численности населения. В демографической науке употребляется следующая оценочная шкала для показателей рождаемости (все показатели даны в расчете на 1000 населения и выражены в промиллях – ‰): коэффициенты 16 ‰ и менее считаются низкими; от 17 до 25 – средними; от 26 до 31 – выше средних; 32–40 – высокими, 41 и выше – очень высокими.

Оценку показателей и наших выводов проведем на примере территорий РСФСР.

По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, в 1945 г. среди 18 областей, краев и автономных республик РСФСР, которые находились полностью или частично во временной немецкой оккупации, 14 (Тульская, Калужская, Смоленская, Орловская, Брянская, Курская, Воронежская, Калининская, Великолукская, Сталинградская, Ростовская обл. Ставропольский и Краснодарский края, Кабардинская АССР) имели показатели рождаемости сельского населения от 10,2 – 10,5‰ до 13,3 – 15,7‰, т.е. входили в группу с низкой рождаемостью. Три области (Ленинградская, Мурманская, Крымская) имели показатели 26,6 – 29,9‰, т.е. входили в группу с рождаемостью выше средней. Новгородская обл. относилась к группе со средней рождаемостью (17,5‰). Если учесть, что до войны в РСФСР не было районов (из числа вошедших в разработку) с низкой рождаемостью сельского населения, то, следовательно, снижение показателей по 14 областям, находившимся в оккупации, – это прямое следствие войны. В 1946 г. 17 административно – территориальных районов (за исключением Крымской области) резко увеличили рождаемость в сельской местности, и только четыре области (Костромская, Орловская, Смоленская, Великолукская) имели низкие показатели. Таким образом, последствия войны изживались успешно. Эти изменения, как отмечалось в конъюнктурном обзоре Минздрава РСФСР, позволяли ожидать в 1947 г. дальнейшего повышения рождаемости населения, особенно учитывая возвращение к своим семьям демобилизованных из Советской Армии после великих ее побед[1]. Ожидания не сбылись. В последующие два года ситуация изменилась к худшему.

В 1948 г. в группу с низкой рождаемостью входило население сельской местности, пережившее немецкую оккупацию (Новгородская, Московская, Воронежская, Курская, Орловская, Калужская, Смоленская, Калининская, Сталинградская, Крымская области, Ставропольский край, Кабардинская АССР), и то, которое ее избегло (Вологодская. Ивановская, Тамбовская, Рязанская обл.). По существу, сельское население Российской Федерации вернулось, если судить по показателям рождаемости, к низкому уровню 1945 г. Таким образом, компенсаторный рост населения, ярко проявившийся в 1946 г., не смог преодолеть последствий голода и связанных с ним болезней и "сошел на нет" уже в 1948 г. Только теперь у деревни не оставалось никаких надежд на улучшение демографического положения: миграция лиц в трудоспособном возрасте усилилась, и численность сельского населения РСФСР в 1950 – 1953 гг. уже не восполнялась за счет естественного прироста. В целом эта тенденция была характерна и для большинства союзных республик.

[1] См.: ГАРФ. Архивная коллекция.

Всего за два года (1947–1948) сложилась ситуация, при которой большинство сельских районов России смогло поддерживать рождаемость только на среднем или низком уровне[1]. Значит, отнюдь не война была тому виной.

В подтверждение нашего вывода рассмотрим состав сельского населения РСФСР и его отдельных областей в 1945 – 1950 гг. (см. табл. 4.6.). Выбор конкретных объектов диктуется тем, что каждая из приведенных в таблице территорий характерна для определенного типа: промышленно развитая Московская обл., лесная Вологодская и зерновой Алтайский край.

За пять лет в Российской Федерации и ее районах произошло некоторое выравнивание половозрастной структуры села: вырос удельный вес мужчин в общей численности населения и их абсолютная численность; среди мужского населения увеличился процент лиц в трудоспособном возрасте. Как показывают данные табл. 4.6, этот процесс протекал в отдельных районах с разной интенсивностью. Самое благополучное положение сложилось в Московской обл. Здесь прирост мужского населения составлял 33 %, что почти вдвое превышало аналогичный показатель по РСФСР. Примерно такими же темпами росло сельское население Алтайского края. На их фоне Вологодская обл. выглядит неблагополучно – хотя удельный вес мужчин трудоспособного возраста здесь увеличился, их численность за пять лет возросла на 1,7 тыс. человек, а в сравнении с 1947 г. даже сократилась. Это служит еще одним свидетельством того, что не война была причиной изменения численности населения в 1946 – 1950 гг. Уменьше-

[1] Показатели естественного движения населения областей, краев и автономных республик РСФСР за 1940-1948 гг. приведены нами в журнале "Социологические исследования", (1995. № 12. С. 13-14).

ние сельского населения Вологодской обл. произошло за счет женщин. В РСФСР число женщин за тот же период снизилось гораздо меньше – всего на 1,8 %. В Алтайском крае и Московской обл. женское население деревни выросло на 3-5 % за пять лет. Особенностью демографического состояния деревни Вологодской обл. после войны являлся рост удельного веса престарелых, который увеличивался быстрее, чем в РСФСР. Одновременно в этой области сокращался удельный вес детей и подростков женского пола. В последующие годы обе причины должны были привести к снижению доли женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) и, в конечном итоге, к снижению рождаемости.

Процессы, характерные для сельского населения Российской Федерации, наблюдались и по стране в целом (см. табл. 4.7).

В первую очередь бросается в глаза резкая диспропорция половозрастной структуры села, происшедшая в результате войны – удельный вес мужского населения деревни снизился до 37, 8 % в начале 1945 г. Деревня также постарела – выросла категория лиц старших возрастов (особенно заметно это у женщин). К 1948 г. сказались и последствия послевоенной политики, и некоторое улучшение демографической ситуации в целом.

К началу 1948 г. удельный вес мужчин по сравнению с 1945 г. несколько возрастает (в первую очередь за счет лиц трудоспособного возраста), но зато сокращается число мальчиков в возрасте до 13 лет, что свидетельствует о низких темпах рождаемости на селе. Снижается также доля лиц в возрасте до 13 лет и среди женской части населения. Обращает внимание и замедление роста числа женщин трудоспособного возраста.

В целом приведенные данные подтверждают выводы, сделанные нами для Российской Федерации и ее отдельных областей. Можно говорить о том, что социальная политика государства после войны не была ориентирована на человека, поскольку оказалась несостоятельной в главном – создании необходимых жизненных условий и благ для успешного роста народонаселения огромной страны.

Несколько иначе чем на селе складывалось демографическое положение в городах.

Демографическое состояние городской части страны представляло довольно пеструю картину: годы военного лихолетья по-разному отразились на численности и половозрастном составе населения разных городов. В 1946 г., если судить по показателю рождаемости, наблюдается улучшение в сравнении с предшествующим годом. Однако, если сравнить достигнутый уровень с довоенными показателями, то выяснится, что городские поселения многих районов страны в 1946 г. перешли в более низкие группы рождаемости, чем в 1940 г. В РСФСР таких районов было 17. Это городские поселения Московской, Ярославской, Горьковской, Куйбышевской, Свердловской, Молотовской, Челябинской, Иркутской, Читинской обл., Хабаровского края, Мордовии, Дагестана, Башкирии, Татарии, Мари, Удмуртии, Бурят-Монголии, а также ряд крупных городов – Молотов, Свердловск, Челябинск[1].

И хотя, как уже отмечалось, демографическое состояние городского населения страны по сравнению с сельским было в 1946 г. более благоприятным, голод и его последствия оказали воздействие на сокращение рождаемости и повышение смертности населения городов. За 1947 – 1948 гг. число районов, входивших в низкую группу рождаемости (16,9‰ и ниже), выросло по РСФСР с двух до 14. Среди них городские поселения Астраханской и Крымской обл., Ставропольского края, Ростовской, Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Брянской, Смоленской, Калининской, Ивановской, Костромской, Новгородской обл., а также города Ростов, Сталинград, Москва.

Таким образом, не только война, но не в меньшей степени и государственная политика сдерживала в послевоенные годы рост численности населения страны. Более губительными их последствия были для деревни, однако сильно пострадал и город.

При рассмотрении демобилизации после завершения войны мы уже называли причины социального характера, которые предопределили выбор людьми городов в качестве места проживания. Курс партии на первоочередное восстановление промышленности и сопутствующие этому курсу лучшие условия жизни (гарантированный заработок и карточное снабжение), а также возможности получения образования и социального продвижения – вот те факторы, которые способствовали более быстрому восстановлению численности городского населения в сравнении с сельским. Неудивительно, что уже к лету 1947 г. численность населения Москвы приближалась к довоенному уровню. Столь же стремительно восстанавливалось население другого крупнейшего города страны – Ленинграда, хотя, по последним оценкам демографов, потери населения этого города за время блокады составили около 1 млн жителей.

---

[1] См.: Социологические исследования. 1996. № 3. С. 100-102.

Безусловно, демографическая ситуация в столичных городах и крупных промышленных центрах существенно отличалась от положения в малых городах и городских поселениях. В них, компенсаторный рост населения действовал слабее и быстро сходил на нет.

Для сталинского руководства ценность представляли не те сотни тысяч и миллионы людей, явившиеся непосредственными жертвами непосильного для многих восстановления народного хозяйства, а тот факт, что, несмотря на все понесенные в послевоенные годы жертвы, численность населения СССР медленно, но росла. Об этом, свидетельствуют сталинские пометы на многочисленных сводках о естественном движении населения страны, регулярно получаемых вождем из Министерства внутренних дел. Так, в сводке за 1950 г. Сталин подчеркнул не только те фразы, которые касались успехов, достигнутых на демографическом фронте, но и те, в которых в завуалированной форме содержалось признание отставания СССР от ведущих капиталистических стран. Приведем наиболее характерные примеры, обратившие на себя внимание Сталина: общая смертность (в 1950 г.) сократилась по сравнению с 1940 г. примерно в два раза, а детская смертность уменьшилась почти в два с половиной раза (...) По уровню рождаемости и общей смертности в СССР дело обстоит лучше, чем в США, Англии и Франции, а детская смертность у нас пока еще выше, чем в США, Англии и Франции, если судить по данным их официальной статистики. В сводках МВД о естественном движении населения страны не указывались социальные факторы высокой детской смертности, ибо сталинский режим не допускал и мысли о том, что эти нелицеприятные для него факты являются прямым следствием проводимой правительством политики. По мнению высших чиновников, все следовало списать на "объективные трудности" – послевоенную разруху, засуху и неурожай. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в одной из сводок о численности населения СССР за 1946-1947 гг. В.М. Молотов оставил следующую помету: "Рост смертности в 47 году против 46 года – почему?"[1]. А ведь вся сталинская верхушка, включая и Молотова, была прекрасно информирована по линии МГБ и парторганов о масштабах голода в стране.

После войны положение усугублялось не только в связи с недостатком и изношенностью машин и механизмов, но и с уменьшением численности квалифицированных кадров и приходом новых рабочих, менее приспособленных к физической работе. К весне 1947 г., когда основная масса

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

бывших воинов демобилизовалась и исчезли надежды на дополнительный приток рабочей силы в народное хозяйство, правительство было всерьез озабочено проблемой нехватки кадров. Специальное обследование зафиксировало резкое падение уровня производительности труда в сравнении с довоенным (на 20 – 40 %) в таких отраслях тяжелой промышленности как угольная, горнорудная, лесозаготовительная, торфяная, а также в строительстве и на погрузочно-разгрузочных работах. По данным ЦСУ, в 1947г. из 5,1 млн. учтенных промышленно-производственных рабочих 3,2 млн. человек (63 % ко всей численности) было занято на работах, производимых только ручным трудом. Еще более высоким (до 86 %) было применение ручного труда на строительных и монтажных работах[1]. Подобная ситуация ставила под сомнение своевременное выполнение ежегодно возрастающих государственных планов.

Низким был и качественный состав рабочего класса, что в первую очередь отразилось на его профессиональной структуре. После войны среди рабочих основных и массовых профессий промышленных предприятий наибольший удельный вес составляли (в % к итогу): слесари – 10,7; подсобные рабочие и чернорабочие – 6,8; грузчики и выгрузчики – 4,8; токари – 4,2; машинисты и мотористы – 3,5; монтеры и электромонтеры – 3,3; браковщики и сортировщики – 2,5; шоферы автомобилей – 2,1; относчики и подносчики – 2,0; ткачи – 1,4; столяры -1; представители других профессий – менее 1. Итак, самым крупным "отрядом" рабочего класса были представители ручного труда, не требующего специальной квалификации.

Приведенная профессиональная структура промышленных рабочих отражает факт распыленности, деградации и утраты своей хозяйственной индивидуальности того, кого официальная советская идеология именовала "гегемоном".

Советская пропаганда всячески избегала обсуждения данной темы, сводя проблему к изменению отдельных характеристик рабочего класса за годы советской власти. В проекте отчетного доклада XIX съезду партии о работе ЦК, который обсуждался в Политбюро, приводился такой факт: в 1952 г. почти треть всех рабочих промышленности имела 7-летнее и среднее образование, тогда как в 1939 г. соответствующий показатель составлял около 10 %[2].

[1] См.: РГАСПИ. Архивная коллекция.
[2] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

О степени напряженности и интенсивности труда в послевоенную пятилетку свидетельствуют цифры. Показатель коэффициента сменности (рассчитывается как отношение всего числа рабочих предприятия к числу рабочих, занятых в первой, наиболее многочисленной смене) в 1950 г. составлял: в угольной промышленности – 2,33; в текстильной – 1,95; в черной металлургии – 1,83; в химической – 1,48; в машиностроении и металлообработке – 1,37. Приведенные показатели лишь немногим уступают довоенным, т.е. по напряженности труда в базовых отраслях промышленности первая послевоенная пятилетка мало в чем уступала предвоенной эпохе, когда милитаризация труда достигала высокого уровня. Отметим то обстоятельство, что после войны сверхэксплуатация людей осуществлялась уже в иных демографических условиях, чем раньше. Поэтому нет ничего удивительного в том, что трудовое законодательство военной поры сохранялось и после 1945 г. Сохранялась уголовная ответственность по указу от 26 июня 1940 г. за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, за прогулы, опоздания более чем на 20 минут. Точно так же сохранялась уголовная ответственность по указу от 15 апреля 1942 г. за невыработку обязательного минимума трудодней. За 1948 - 1950 гг. было осуждено 725 862 человека за самовольный уход с работы, 1,5 млн человек – за прогулы и около 400 тыс. – за невыработку трудодней[1].

Еще более суровым было уголовное законодательство для работников военных отраслей. В декабре 1941 г. за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, в том числе тех, которые работали на оборону "по принципу кооперации", устанавливалась уголовная ответственность от пяти до восьми лет лагерей. Самовольно ушедшие с этих предприятий объявлялись законом "дезертирами" и подлежали суду военных трибуналов. Дополнительными указами это положение в 1942 г. распространялось на рабочих и служащих угольной и нефтяной промышленности, транспорта, вольнонаемный состав работающих в лагерях и колониях НКВД СССР, а также рабочих и служащих отдельных предприятий (например, Магнитки)[2]. Число таких дезертиров, осужденных военными трибуналами составляло за 1945 – 1947 гг. около 270 тыс. человек[3]. В последующие годы происходило постепенное уменьшение

[1] См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 3.Д. 112. Л. 58 – 60.
[2] См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 12. Д.78. Л.1-11.
[3] См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 3. Д.58. Л.28

числа предприятий военных отраслей, на которых действовали указы военного времени.

Даже при существующих драконовских антирабочих законах текучесть кадров была очень велика. Это подтверждается такими данными: в 1947 г. около трети всех рабочих и служащих по страны (8,7 млн человек) имели стаж непрерывной работы на данном предприятии (или учреждении) до одного года, около 20 % (5,9 млн человек) – от одного года до двух лет и только 16 % (4,8 млн человек) работали на одном предприятии от трех до пяти лет. В районах, которые не были затронуты непосредственно военными действиями, и в районах Центра и Поволжья преобладала численность рабочих с более длительным стажем непрерывной работы.

Об изменениях в численности трудовых ресурсов страны за послевоенное пятилетие дают представление цифры табл.4.8. При их анализе следует учитывать, что в балансы не включались рабочие и служащие Министерства обороны и части учреждений МВД (так называемые специальные производственно-хозяйственные главки, входящие в систему ГУЛАГа), работники партийных и комсомольских органов, а также заключенные и спецпоселенцы, которые на языке статистических органов назывались "невольнонаемный персонал, работавший на предприятиях и стройках МВД СССР".

Без учета вышеперечисленных категорий удельный вес трудоспособной части (показатели табл. 4.8) в общей численности населения Советского Союза составлял (в %): в 1940 г. – 55,4, в 1945 г. – 46,8, в 1950 г. – 54,1.

Структура городских и сельских кадров значительно различалась. До войны, в 1940 г., большую часть трудовых ресурсов села составляли крестьяне – колхозники и единоличники (61,9%). Несмотря на то, что по удельному весу таких категорий населения как учащиеся и занятые в домашнем хозяйстве (включая неработающих) село в 1940 г. уступало городу, однако по вовлеченности подростков и стариков в общественное производство оно вдвое превосходило город (10,8 % на селе против 5,1 % в городе). Помимо занятости в колхозах и личных хозяйствах значительное число сельских жителей отвлекалось на сезонные работы, включая торфо и лесозаготовки. Последние представляли принудительную государственную платную трудовую и гужевую повинность для сельского населения северных и восточных районов страны. Как правило, к лесозаготовкам привлекались колхозники и единоличники в возрасте: мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 18 до 45 лет на срок с октября по апрель. За уклоне-

ние от лесозаготовок и за невыполнение обязательных заданий по ним виновные привлекались к уголовной ответственности по статье 61 УК РСФСР. В 1940 г., для работы в промышленность из села было привлечено около 1,3 млн человек, в том числе завербовано по оргнабору – 600 тыс., призвано для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах – 288 тыс., нанято самими предприятиями – 400 тыс. И это, не считая отвлечения сельских жителей на сезонные работы[1].

Стихийную миграцию в города власти пытались сдержать с помощью паспортной системы и "основного закона колхозной жизни" – примерного устава сельхозартели. Чтобы понять, какую огромную роль в жизни советского общества играла паспортная система, коротко остановимся на ее устройстве[2]. Введенная в декабре 1932 г., она устанавливала, что в сельской местности паспорта выдавались только в совхозах (каких тогда было немного) и на территориях, объявленных "режимными" (т.е. приграничные зоны, столичные города и область вокруг них, крупные промышленные центры, оборонные объекты). Остальные граждане страны Советов, проживающие на селе, права на получение паспортов не имели. Формально колхозники могли получить паспорт при перемене места жительства; фактически же эта процедура была обставлена множеством ограничений – секретное правительственное постановление 1934 г. устанавливало, что колхозники могли быть приняты на работу в городе лишь при наличии у них паспортов и "справки правления колхоза о его согласии на отход колхозника". Председатели колхозов таких справок обычно не выдавали, в основном по причине постоянной нехватки рабочих рук в своих хозяйствах.

По действующему примерному уставу сельхозартели (1935 г.) членство в колхозе должно было оформляться подачей заявления с последующим решением о приеме на общем собрании членов артели. На практике это правило не соблюдалось по отношению к детям колхозников, которых по достижении ими 16-летнего возраста правление механически заносило в списки колхозников без заявлений о приеме. Получалось так, что сельские юноши и девушки не были хозяевами своей судьбы, они не могли по собственному желанию после исполнения 16-ти лет получить в райотделе милиции паспорт и свободно уехать в город на работу или учебу. С наступлением совершеннолетия они автоматически становились колхозниками и, следовательно, уже только в качестве таковых могли добиваться получения паспорта. Чем в большинстве своем кончались такие попытки мы уже писали. Формально названная практика не была закреплена юридически в уставе сельхозартели. Эта искусственно созданная властью очередная юридическая "тонкость" позволяла вводить людей в заблуждение, провоцировала их всеми условиями жизни в колхозе к бегству. Согласно традиционному взгляду, если человек формально не обязан подавать заявления о приеме, то он не будет зачислен в колхоз (устав сельхозартели не содержал каких-либо упоминаний об обязательном приеме в члены колхоза детей колхозников). А раз он не колхозник, то вроде как и не обязан в нем работать. На деле происходило наоборот. Так важнейшая форма жизни на Руси – крестьянствование – было сознательно заклеймено советской властью. Среди городского населения обиходным стало выражение "колхозник", которое употребляли для обозначения человека "второго сорта".

Бегство в города создавало видимость обретения свободы, а для большинства беглецов представляло временную отсрочку перед тем, как попасть из сельской в городскую кабалу. Здесь они сразу оказывались под прессом "ударничества" и "трудовых вахт", а если пытались бежать и с предприятий, куда завербовались, то попадали в категорию бесправных "летунов" и подлежали административному выселению. Поиск лучшей жизни начинался вновь, уже в другом месте, часто далеко от родного села.

Как отмечалось, паспортная система прямо способствовала прикреплению крестьян к колхозным работам. Еще до войны для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней, которые они должны были выработать. В апреле 1942 г. этот минимум был повышен для всех колхозников и распространен на членов их семей – подростков в возрасте от 12 до 16 лет. За невыработку "без уважительных причин" обязательного минимума все виновные подлежали уголовной ответственности: исправительно-трудовым работам в колхозах с удержанием от оплаты трудодней до 25 % в пользу колхоза. Постановление Совмина СССР от 31 мая 1947 г. названный закон оставляло в силе.

Ухудшение деревенской жизни после войны приводило к усилению бегства из деревни, которое не могли остановить паспортные ограничения. В этой связи правительственные чиновники предлагали усилить репрессии в отношении беглецов. "Одни суды считают, – доносил министр юстиции СССР К.П. Горшенин 25 декабря 1950 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Ма-

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

[2] Специально об этом см.: *Попов В.П.* Паспортная система в СССР. 1932 – 1976 // Социологические исследования. 1995. №8,9.

ленкову, – что по действующему законодательству самовольный уход колхозников в отход не наказуем в уголовном порядке, и выносят в таких случаях оправдательные приговоры. Другие выносят в этих случаях обвинительные приговоры. Министерство юстиции СССР считает, что колхозники, не выработавшие обязательного минимума трудодней в связи с самовольным, без разрешения колхоза уходом в отход должны нести ответственность по указу от 15 апреля 1942 г. за тот период, в течение которого они ушли из колхоза, с отбыванием наказания по месту работы"[1]. Такие же точно суровые меры министр предлагал осуществлять и в отношении детей колхозников, достигших 16-летнего возраста, даже "в случаях, когда их членство в колхозе не оформлено". Для упорядочения судебной практики и избавления своего ведомства от ненужной, с его точки зрения, волокиты и проволочек в таком важном деле министр вносил следующее предложение: "Министерство юстиции считает, что следовало бы установить определенный порядок оформления членства членов семей колхозников, достигших 16-летнего возраста, с тем, однако, чтобы это не было связано с проведением какой-либо сложной процедуры". Предложение принято не было. Сохранялась все та же система – внешне противоречивая, но цельная по содержанию, которая поддерживала в стране иллюзии о возможной свободе и никоим образом не давала ее.

Об этом свидетельствует и другой факт. 3 марта 1949 г. на Бюро Совмина СССР рассматривался вопрос о введении паспорта нового образца и проект нового положения о паспортной системе в СССР. Разработка велась МВД СССР по личному указанию и инициативе заместителя председателя Совмина СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.П. Берии[2]. Предложение мотивировалось тем, что "во время войны значительная часть бланков действующих паспортов и инструкций по применению положения о паспортах попала в руки врага и уголовно-преступного элемента, чем была в значительной мере расшифрована техника паспортной работы в СССР". Утверждалось, что действующий паспорт был "недостаточно защищен от подделки" и это "облегчает преступному элементу возможность укрываться от преследования". Важнейшим отличием предлагаемого проекта было то, что положение о паспортной системе в СССР предусматривало выдачу паспортов не только городскому, но и сельскому населению.

[1] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 6990. Л. 21-27.
[2] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 5020. Л. 1-28.

Не следует рассматривать эту попытку как действительную либерализацию советского режима, скорее наоборот. Паспортизация всего населения страны в возрасте 16-ти лет и старше в тех условиях означала абсолютно полный контроль за жизнью каждого: ведь владение паспортом создавало только видимость прав человека – гражданина СССР. Однако предложение Берии было отвергнуто.

К 1950 г., как свидетельствуют данные табл. 4.8, трудовые ресурсы села претерпели серьезные изменения в сравнении с 1940 г. Практически перестал существовать такой важный социальный слой как единоличники. Это произошло в результате целенаправленной государственной политики: во вновь присоединенных к СССР западных областях Украины и Белоруссии, на правобережье Молдавии и в республиках Прибалтики к 1950 г. завершалась сплошная коллективизация, а на остальной территории страны, где до войны насчитывалось 643,6 тыс. единоличных хозяйств, их искореняли с помощью финансовой удавки – путем повышения налогового гнета на единоличников.

Интересно отметить, что за период 1945-1946 гг. число единоличных хозяйств в стране увеличилось с 271,5 тыс. до 315,8 тыс., главным образом за счет хозяйств рабочих и служащих, которые утратили ранее имеющиеся у них государственные налоговые льготы и стали учитываться как хозяйства единоличников. Например, в Саратовской и Чкаловской обл. в составе единоличников были учтены переселившиеся казахи, которые приобрели для убоя рабочий скот и коров. В той же Чкаловской обл. были обложены сельхозналогом в 1946 г. как единоличники линейные рабочие железнодорожного транспорта, имеющие посевы на землях, не принадлежащих транспорту, или сенокосы в размерах, превышающих 1 га на хозяйство. Значительную часть единоличных хозяйств в 1946 г. (от 36 % в РСФСР до 50 % в Грузии и Армении) составляли хозяйства стариков, освобожденных от уплаты налога. Мы уже отмечали, что в послевоенный период среди сельского населения усилились антиколхозные настроения. Это выражалось, в частности, в том, что часть населения, вернувшаяся из эвакуации на прежнее место жительства, не вступала в колхозы. Подобные факты отмечались в Ленинградской, Брянской, Великолукской, Смоленской и других областях РСФСР, во многих районах Белоруссии и Украины. Естественно, что подобные настроения полностью противоречили политической линии советского правительства, направленной на развитие колхозной системы.

Другой важный момент, характеризующий трудовые ресурсы села после войны, – рост удельного веса и абсолютной численности рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений. Среди них – работники совхозов и МТС, местной промышленности, других государственных предприятий и учреждений, расположенных в сельской местности.

Главная особенность трудовых ресурсов села заключалась в том, что за пять послевоенных лет их уровень не был восстановлен в сравнении с 1940 г.: за 1940 – 1950 гг. численность трудовых ресурсов деревни сократилась с 72,5 млн до 62,0 млн человек, т.е. почти на 15 % (табл. 4.8). Главная причина подобного положения заключалась в государственной политике, которая способствовала усилению миграции из деревни наиболее трудоспособной ее части. В результате увеличивалась нагрузка на оставшихся работников; повсеместное распространение получила практика уклонения от колхозных работ, недоучет и сокрытие правлениями колхозов резервов рабочей силы в официальной отчетности.

Проведенная летом 1949 г. проверка ЦСУ СССР правильности данных о населении в годовых отчетах колхозов Вологодской, Ярославской, Молотовской, Рязанской, Курской, Ростовской, Полтавской, Днепропетровской и Киевской обл. показала, что процент недоучета в колхозной отчетности в сравнении с сельским учетом составлял: около 15 % для трудоспособной части колхозников и 20 % для подростков. При проверке также выяснилось, что "колхозники переходят из колхоза на предприятия *часто без согласия правления колхоза* (курсив наш. – *В.П.*), от чего особенно страдают слабые колхозы"[1]. По данным ЦСУ, выработка трудодней в расчете на одного трудоспособного колхозника (без учета колхозов западных областей) по СССР составляла: в 1940 г. – 256, в 1950 г. – 268, в 1951 г. - 286. За 1940-1950 гг. процент трудоспособных колхозников (по отношению к общей их численности), не выработавших установленного минимума трудодней, увеличился с 11,5 до 11,8[2]. Естественно, что при неизменности общей политики государства эта политика в скором времени должна была привести к необратимым последствиям, т.е. к полному разорению деревни. Как показали уже реформы, проведенные при Н.С. Хрущеве, правительство оказалось не в состоянии решить в селе главную проблему - кадровую, замедлить отток населения в города.

[1] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4415. Л. 34-38.
[2] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 6990. Л. 133-144.

Обратимся к городским кадрам (табл. 4.8). За 1945- 1950 гг. трудовые ресурсы города выросли с 30,7 млн до 43,5 млн человек и на 16 % превзошли уровень 1940 г. Это увеличение произошло в первую очередь за счет миграции деревенских жителей, ежегодные показатели которой превышали цифры естественного прироста собственно городского населения (см. табл. 4.1). Как и до войны, в послевоенный период основными каналами пополнения промышленных кадров являлись следующие: вербовка по оргнабору, призыв для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах, найм самими предприятиями и учреждениями. В первую послевоенную пятилетку таким путем городская промышленность получала ежегодно от 1,5 млн до 2 млн человек[1].

Мы уже отмечали определяющую роль государства в регулировании потоков рабочей силы для нужд народного хозяйства. Конкретный анализ показателей приема и выбытия рабочих по основным промышленным министерствам страны за 1949 – 1950 гг. свидетельствует, что, несмотря на драконовское трудовое законодательство, действовал своеобразный "рынок" рабочей силы. Так, среди вновь прибывших за эти годы рабочих (по сопоставимому кругу министерств) от 60 до 70% составляли принятые в порядке найма самими предприятиями; 10 -11 % – по оргнабору сельского населения, примерно столько же (9 – 13 %) – окончивших школы ФЗО и ремесленные училища, 4 – 5 % в порядке перевода из других предприятий и строек. Среди выбывших рабочих основную массу (35 – 41 %) составляли те, кто ушел с предприятий по разрешению администрации, 19-21 % – в связи с переходом на учебу, призывом в армию или другим причинам, предусмотренным законодательством, 16-19 % – в связи с окончанием срока работ или договора, 7-10 % – самовольно оставившие работу, 7-8% – в порядке перевода на другие стройки и предприятия, 8-10 % – выбывшие по инвалидности, болезни или смерти[2]. Таким образом, основная масса промышленных рабочих использовала для перемены работы как официально предусмотренные законом случаи, так и различного рода "лазейки", а при отсутствии таковых – самовольно покидало работу.

Приведенные цифры отражают важную сторону советской экономики, в которой принудительный труд сочетался и подпитывался рынком труда. Последний был неотделим от государственного принуждения, поскольку сила этого принуждения являлась лучшим свидетельством и доказательст-

[1] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4415. Л. 51-52.
[2] См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 36. Л. 24-33.

вом насилия над человеческим волеизъявлением в сфере трудовой деятельности. Человек, стремясь избежать государственных оков, находился в постоянных поисках лучшего места, лучшей работы. Отсюда крылатое выражение эпохи советских пятилеток: "здесь дыра – иди туда, где картинка".

Важной составной частью трудовых ресурсов страны являлись заключенные и спецпоселенцы. В 1945 г. в СССР насчитывалось (по состоянию на январь) 1 460 677 человек в лагерях и колониях ГУЛАГа и 279 969 человек в тюрьмах, а в 1952 г. за ГУЛАГом числилось 2 504 514 заключенных. Это, если так можно выразиться, статика. Динамику репрессивной политики отражают цифры табл.4.9-4.11. За 1946 – 1951 гг. лишь 6 – 10 % ежегодно осужденных подлежали условному наказанию, а остальные приговаривались либо к лишению свободы на разные сроки, либо к "исправительно – трудовым работам" (последних было большинство). Для руководства производственной и хозяйственной деятельностью исправительно-трудовых лагерей в составе ГУЛАГа действовали специальные главки: железнодорожного строительства, лесной, горнометаллургической промышленности и др. Удельный вес валовой продукции, выпущенной предприятиями лагерей и колоний страны, составлял в 1950 г. около 7 % общего объема валовой продукции промышленности СССР. Среди этой продукции – уголь, нефть, сажа, золото, платина, серебро, олово, никель, кобальт, сурьма, асбест, товары народного потребления и некоторые другие. В основном заключенные использовались на добыче природных недр. Из 2,5 млн заключенных, числящихся (по отчетам МВД СССР) в стране в 1952 г., около 77,3 % работали (подавляющее большинство находилось на так называемой сдельной оплате труда)[1]. Таким образом, общая вовлеченность лагерного населения в "общественно-полезный труд" была много выше, чем у гражданского населения на воле (там соответствующий показатель не превышал 55 %). И это неудивительно, если учесть, что с 1948-1949 гг. численность вновь осужденных, поступающих в ГУЛАГ, начала из года в год сокращаться и уже не восполняла текущую убыль лагерного населения. Так, по экспертной оценке начальника ГУЛАГа И. Долгих, общий недостаток рабочей силы составил в 1952 г. около 153,1 тыс. человек. Положение, по мнению руководства, усугублялось тем, что "из общего количества вновь поступающих заключенных до 40 % составляют контингенты, ограниченно годные к труду и инвалиды", которых трудно использовать в добывающих отраслях[1].

[1] См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 118. Л. 1-7.

"Богатство государства составляют люди" – это знаменитое выражение французского экономиста XVIII века Франсуа Кенэ показывает, каков должен быть главный критерий при оценке любого социально-экономического строя и достигнутых им результатов. Приведенный в данной главе материал и его анализ показывают, что в советском обществе послевоенного времени человеческий фактор учитывался государством в последнюю очередь. Именно как человек, а не как трудовая единица в народнохозяйственном балансе.

Демобилизация миллионов зрелых мужчин даже с учетом того, что многие остались инвалидами, должна была вызвать демографическое "чудо", которого ждали, но которое не состоялось. Это удивительно, так как в 1946 г. наметился серьезный рост рождаемости в СССР и в его отдельных регионах. В два последующих года (1947 – 1948) ситуация изменилась к худшему: возросло количество смертей и снизилась рождаемость.

Война резко изменила половозрастную структуру и села, и города: сократился удельный вес мужского населения, лиц трудоспособного возраста. По-разному проявились восстановительные процессы в послевоенный период – города и крупные промышленные центры (Москва, Ленинград, Новосибирск и др.) быстро восстанавливали довоенную численность за счет большого притока мигрантов из деревни; в самой же деревне наблюдались негативные процессы, поскольку естественный прирост населения уже слабо восполнял отток населения в города. Пожалуй самым опасным, с точки зрения действия долговременной тенденции, следует признать наблюдаемое в отдельных регионах страны сокращение удельного веса лиц детского и подросткового возраста. Оба эти фактора – миграция и снижение доли молодых возрастов – лишали деревню перспектив на будущее.

Трудовые ресурсы села в 1950 г. хотя и несколько выросли по сравнению с 1945 г., но не смогли достичь довоенного уровня. В городе наблюдалась другая картина – его трудовые ресурсы в целом по стране на 16% превзошли уровень 1940 г. Однако и в городе, и в селе проблема нехватки кадров стояла очень остро. Правительство всеми способами пыталось регулировать рабочие потоки, направляя их в первую очередь в добывающие отрасли промышленности. Правовое положение колхозников и

[1] См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 117. Л. 152-162.

трудовое антирабочее законодательство делало людей почти абсолютно зависимыми от государственного произвола в сфере труда, но даже в этих условиях, бегство из колхозов и самовольный уход рабочих с предприятий был весьма широко распространен.

1946 – 1953 гг. – важная поворотная точка и в самом характере демографических процессов в СССР, и в сознании его населения. Лишенное сколько-нибудь действенной помощи правительства, живущее в условиях разрухи, нищеты, ежедневно обдираемое налогами и поборами различных государственных кормленщиков, не имея почти никаких шансов изменить свое унизительное положение, сельское население, его наиболее молодая и подвижная часть, окончательно перестало рассматривать деревню как возможное место приложения своих сил, не связывало никаких планов и надежд со своей малой родиной. Эти настроения, в той или иной степени, были характерны для большинства социальных слоев деревни. Что касается демографического фактора, то идущие одна за другой две "жатвы смерти" – война и послевоенный голод – подорвали жизненные силы страны, народ так до конца и не оправился от этих потрясений. Городская жизнь, в силу наличия для своих жителей государственных социальных гарантий, была несколько предпочтительнее сельской. Однако и горожане, хоть и в меньшей степени, чем сельчане, испытывали на себе все последствия послевоенной борьбы между СССР и США за мировую гегемонию.

Особенностью материальных условий жизни населения первых лет мирного труда являлось сохранение карточной системы, введенной в начале войны. В декабре 1945 г. по городским нормам снабжалось хлебом 52,8 млн. человек, в том числе работающих – 26,1 млн, иждивенцев – 12,3 млн и детей – 14,4 млн. К осени 1946 г. на карточном снабжении в городах находилось уже 58,8 млн человек, но к декабрю того же года из-за неурожая правительство резко сократило численность горожан, подлежащих гарантированному государственному обеспечению хлебом. Сокращение было произведено в первую очередь за счет иждивенцев (на 5,2 млн человек) и детей (на 0,6 млн человек). К январю 1947 г., когда в стране начал нарастать голод, ограничения в расходовании хлеба по пайковому снабжению городского населения были несколько смягчены. По данным председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, в январе 1947 г. на государственном снабжении хлебом находилось 58,9 млн человек (в том числе горожане:

работающие – 28,65 млн, иждивенцы – 8,29 млн, дети – 16,82 млн, а сельчане – лишь немногим более 4 млн)[1].

Нормы снабжения хлебом строго дифференцировались в зависимости от отрасли производства и характера выполняемого труда; уровень профессиональной подготовки и квалификации не имели при этом серьезного значения. Приведем некоторые показатели норм снабжения населения хлебом на 1 октября 1946 г., т.е. после отмены правительством льгот и сокращения действующих норм для отдельных групп граждан. Наивысшая норма – 1200 г в день на человека – была для рабочих и служащих, занятых на подземных работах предприятий Министерства угольной промышленности, рабочих трубопрокатных заводов Минчермета и ведущих профессий нефтяной промышленности. Для рабочих и служащих основного производства угольной промышленности и промышленности черной металлургии норма составляла 800 г; чуть ниже – 700 г – она была для занятых на важнейших оборонных предприятиях. Столько же получали и грузчики, занятые на особо тяжелых работах. От 650 до 700 г получали рабочие и служащие важнейших оборонных предприятий Москвы и Ленинграда. В легкой и текстильной промышленности суточная норма не превышала 600 г. Для работников Крайнего Севера (рабочих подземных шахт, горячих и вредных цехов, Печорского угольного бассейна, Ухтинского комбината, Дальстроя, занятых на лесосплавных и погрузочно-разгрузочных работах) норма составляла от 1000 до 1200 г хлеба в день на человека. Труднее всего приходилось иждивенцам и детям. С 1 октября 1946 г. вместо получаемых до этого 450 г в день дети до 15 лет стали получать 300, а иждивенцы – 250 г. По 300 г получали и учащиеся 8,9 и 10 классов. Студенты вузов, втузов и техникумов получали по 500 г[2]. Помимо хлеба по карточкам отпускались и некоторые другие продукты, но в очень небольших размерах. Норма отпуска для детей до 12 лет, например, составляла (в месяц, в кг): мяса (или рыбы) – 0,4, жиров – 0,3, крупы (или макарон) – 0,3, сахара – 0,3.

Однако и эти продукты приходилось выкупать. Летом 1946 г. стоимость месячного продовольственного пайка составляла для рабочих Москвы: норма по продкарточке – 69 руб.; второе горячие питание – 10; норма по детской карточке – 37 руб. Значит, рабочий Москвы, имеющий одного ребенка, должен был заплатить 116 руб. Рабочий-угольщик, получающий

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

[2] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2901. Л. 75-91.

продовольствие по особо повышенным нормам, платил 126 руб. за норму по продкарточке, 21 руб. за второе горячее питание, 30 руб. за холодный завтрак и 29 руб. за норму по детской карточке. Итого получалась сумма в 206 руб. Для инженерно-технических работников затраты были следующие: 63 руб. за норму по продкарточке, 34 руб. за обед по специальной обеденной карточке, 9 руб. за второе горячее питание и 30 руб. за норму по детской карточке. В сумме это ровнялось 136 руб. Как видно из приведенных цифр, которые взяты из расчетов Госплана, представленных Сталину, необходимые траты на пропитание себя и своей семьи занятому тяжелым физическим трудом обходились в 1,5 – 2 раза дороже, чем остальным рабочим и служащим.

Естественно, что главным источником покрытия этих затрат служила зарплата. Ее реальные размеры для большинства городских кадров были в этот период низкими. ЦСУ СССР в докладной записке на имя Берии сообщало, что за июнь 1946 г. полностью получили заработную плату 24 млн рабочих и служащих страны (из 30,6 млн рабочих и служащих, числящихся в 1946 г. во всех отраслях народного хозяйства). Из этого числа 5,6 % получили до 100 руб. (учитывался фактический размер зарплаты, а не ставка или оклад), 9,2 % – от 101 до 150, 10,7 % – от 151 до 200, 8,8 % – от 201 до 250 и 8,7 % – от 251 до 300 руб. Другими словами, чуть менее половины (43 %) рабочих и служащих страны имели такой фактический заработок в месяц, из которого половина и более всей суммы должна была пойти на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Мы оставляем "в стороне" тех, кто получил свою зарплату не полностью, и тех, чей заработок составлял менее 100 руб., – здесь комментарии излишни. 35% рабочих и служащих страны получало летом 1946 г. от 300 до 600 руб. в месяц, в том числе 15,4 % – 301 – 400 руб., 11,6 % – 401 – 500 и 8% – 501 – 600 руб.

Отдельные группы населения имели небольшие социальные гарантии государства. 306,4 тыс. офицеров и 543,5 тыс. человек из семей офицеров получали пенсию Министерства вооруженных сил. Размер офицерской пенсии не превышал 900 руб., но если сравнить его со среднемесячным заработком рабочего или служащего, то это была очень высокая сумма. Небольшие пособия и пенсии полагались также семьям военнослужащих в связи с призывом в армию или гибелью кормильца семьи. Таких летом 1946 г. насчитывалось 6,7 млн. человек, из которых 2,5 млн проживали в городах и рабочих поселках. Размер городских пособий колебался в пределах 100 – 250, пенсий – 50 – 300 руб.

В начале 1946 г. насчитывалось 5,4 млн пенсионеров, из которых только половина работала. 43 % пенсионеров страны получали пенсию до 100 руб. в месяц, 34 % – 101 – 150, 20 % – 151 – 300 и 3 % – свыше 300 руб. Размеры стипендий учащихся техникумов и студентов вузов были в пределах 100 – 200 руб.

Приведенные цифры показывают, что значительную часть работающего населения страны можно с достаточным основанием отнести к малообеспеченным слоям. Низкая, а часто и совсем недостаточная для существования оплата труда, плохое питание, тяжелая работа, которую нельзя было оставить по собственному желанию, – вот основные проблемы, с которыми сталкивался человек в послевоенные годы. Иерархия в потреблении в целом соответствовала приоритетам, провозглашенным государством для успешного построения социалистического общества

Как показывают современные исследования, система централизованного снабжения сложилась в СССР еще в годы первых пятилеток[1]. Именно тогда произошло деление работающего населения на занятых тяжелым и легким физическим трудом, на работающих в ведущих отраслях промышленности (и приравненных к ним производствах) и во вспомогательных, развилась система привилегий для номенклатуры, в особое положение попали кадровые работники силовых структур – армии, политической полиции, министерства внутренних дел. Вместо принципа социальной справедливости советскую иерархию потребления определял иной принцип "производственной необходимости" человека.

В этой связи представляется, что там, где оплата труда не обеспечивала среднего (или выше среднего) уровня жизненных благ, нет достаточных оснований для поиска прямой связи между повышением заработка и ростом производительности труда. Другими словами, правительство время от времени повышало зарплату отдельным категориям работников в отдельных отраслях не потому, что там росла производительность труда, а потому что возрастала трудовая нагрузка и чтобы создать прежнее количество (о качестве никто из работающих не думал) продукции трудящийся человек должен был потратить больше сил, возместить которые (включая

[1] *Осокина Е.А.* За фасадом "сталинского изобилия": Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927 – 1941 гг. М., 1998.

первоочередные физиологические потребности в еде, сне, одежде, отдыхе пр.) можно было только за счет дополнительных ресурсов.

Важно понять, что низкая оплата труда в СССР и тяжелые материальные условия жизни – это не только плата за нарушение экономических законов, в частности, принципа материальной заинтересованности производителя, но это еще и особая правительственная политика, благодаря которой народные массы поставлены в особые условия выживания, где они, в буквальном смысле слова, чтобы выжить, должны приложить сверх усилия. Государству выгодно такое состояние общества, потому что озабоченное только выживанием это общество не способно мыслить еще о чем-либо. Задача партийной идеологии – не дать массам понять, что тяжелые условия жизни созданы для них искусственно, чтобы сделать "индустриального бойца" подвластным воле верхов. Но там, где низкий уровень потребления являлся нормой для большинства населения, производство также испытывало застой, хотя отдельные его отрасли развивались.

Обратимся к конкретным примерам. В 1950 г., получив доклад председателя ВЦСПС В.В. Кузнецова "О материальном положении рабочих в СССР и капстранах", Сталин обратил внимание на следующую фразу в тексте: "в связи со снижением государственных розничных цен рабочие стали потреблять больше продуктов питания". Слова "больше продуктов питания" он подчеркнул, а на полях против всей фразы написал свое знаменитое "ха-ха", давая тем самым понять что знает истинную цену подобным лживым утверждениям. Эта пометка была, так сказать, для "внутреннего пользования". На первом листе доклада помещена следующая сталинская резолюция: Поскребышеву. Разослать восьмерке (так назывался ближайший Сталину круг лиц в Политбюро, который оперативно решал важнейшие вопросы – *В.П.*) для ознакомления. И.Сталин[1]. Таким образом, для "внешнего употребления" вождь считал необходимым использовать фальсифицированные данные, которые отвечали целям его политики, провозгласившей "улучшение материального положения СССР после войны".

По этой же причине, видимо, Сталин при редактировании сообщения для газет об итогах выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946 – 1950 гг. оставил из всех возможных показателей материального положения советского народа только один – тот, где говорилось, что "общая сумма доходов рабочих и служащих и доходов крестьян в 1950 г. возросла по сравнению с 1940 г., в сопоставимых ценах, на 62 %".

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Каким же было действительное положение дел к концу сталинского правления? Возьмем в качестве показателя не механический рост цифр, например в области питания рабочих, а соответствие этих данных физиологическим нормам потребления (табл. 4.12).

Отметим, что рабочие Москвы – привилегированная часть советского общества в плане материального положения, "витрина" достижений социалистического общественного строя. Но даже они по многим важнейшим продуктам питания – мясу, рыбе, сахару, овощам – едва могли получить половину необходимого человеку. Цифры табл. 4.12 взяты из бюджетных обследований, таким образом, ЦСУ СССР учло не только продукты, купленные в государственной и кооперативной торговле, на колхозном рынке, но и те, что были получены рабочей семьей от личного хозяйства (огорода). Речь, следовательно, идет о максимуме всех поступлений продуктов. Наибольший удельный вес в продуктовой "корзине" рабочей семьи занимали хлеб и картофель. И если потребление хлеба в 1950 г. несколько снизилось в сравнении с довоенным, то, потребление малопитательного, но зато дешевого картофеля наоборот, возросло на треть. И это был, как и хлеб, единственный из всех продуктов, фактическое потребление которого превышало физиологическую норму. И хотя в 1952 г. выросло потребление мяса, молока, яиц, рыбы, овощей в сравнении с 1940 г., фактический уровень потребления их, как уже отмечалось, был далек от необходимого.

По оценке финансовых органов, в совокупном доходе рабочих и служащих за 1950 г. удельный вес заработной платы составлял по СССР 79 %, а расходы на покупку товаров – 65 % всей расходной части бюджета. Помимо этого на покупку сельхозпродуктов на колхозном рынке рабочие и служащие тратили 8,6 % совокупного дохода, а стоимость потребленных ими продуктов, полученных от личного хозяйства, оценивалась почти в 5 % всех расходов[1].

В послевоенный период продолжали сохраняться существенные различия в оплате труда между рабочими разных отраслей, а внутри отрасли – между квалифицированными и малоквалифицированными рабочими. При этом разница в уровне среднемесячной оплаты рабочих одной и той же квалификации разных отраслей была зачастую более существенной,

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

чем в оплате труда рабочих разной квалификации внутри одной отрасли. Так, среднемесячная зарплата квалифицированных рабочих во II квартале 1953 г. составляла (в руб.): в угольной промышленности – 1465, в цветной металлургии – 1343, в черной металлургии – 1221, в машиностроении – 988, в промышленности стройматериалов – 906, в нефтяной промышленности – 886, в химической – 870, в текстильной – 756, в швейной и обувной – 651. Таким образом, уровень оплаты квалифицированного рабочего, занятого в швейной промышленности, был равен только 44 % среднемесячной оплаты такого же квалифицированного работника угольной промышленности. В то же время оплата малоквалифицированного рабочего угольной промышленности составляла 54 % среднемесячного заработка квалифицированного рабочего той же отрасли. В цветной металлургии соответствующий показатель составлял 60 %, в черной металлургии – 68%, в машиностроительной – 73, в химической – 78, в текстильной – 74 %, в швейной – 80 %[1]. Следовательно, неквалифицированный рабочий угольной промышленности, черной и цветной металлургии получал больше, чем его квалифицированный коллега, занятый в деревообрабатывающей, текстильной, швейной, кожевенной, меховой и обувной промышленности. Кроме того, как показывают приведенные цифры, во многих отраслях внутриотраслевая разница между работниками разной квалификации была весьма незначительной.

В этой связи отметим такой факт, вытекающий из анализа денежных расходов семей квалифицированных и малоквалифицированных рабочих: удельный вес отдельных статей расхода в той и другой группе рабочих почти совпадает. На питание в 1953 г. семья квалифицированного рабочего тратила 43 % всего денежного расхода, неквалифицированного – 44%; на приобретение одежды, белья и обуви – 20 и 22 % соответственно; на водку, вино и пиво – 4 и 3 %; на коммунальные платежи по 4 %; на налоги – 8 и 7 %. Вот только купить на большую зарплату можно было больше продуктов и товаров, чем на меньшую. Однако и здесь различия были не столь велики, как можно это представить на первый взгляд. В среднем на одного члена семьи за один месяц II квартала 1953 г. приходилось: у квалифицированных рабочих – хлеба 18,1 кг, у малоквалифицированного – 18,8 кг; картофеля – 9,8 и 10,2 соответственно; овощей – по 2,6 кг; молока 7,0 и 6,4 л, жиров (животных и растительных) – по 1,1 кг, яиц 16 и 13 шт., мяса – 2,3 и 2,1 кг, сахара – по 2,4 кг. Значительно лучше было питание у

[1] См.: РГАСПИ. Архивная коллекция.

высокооплачиваемых рабочих, выделявшихся даже в среде квалифицированных кадров – они больше потребляли калорийных продуктов (молока, сметаны, творога, мяса, сахара) и меньше хлеба и картофеля[1].

Что касается непродовольственных товаров, то даже бюджетные обследования не могли скрыть за цифрами нищету, характерную для большинства городского населения. Отсутствие в государственной торговле одежды, обуви, тканей по ценам, соответствующим материальным возможностям населения, развивало рыночную торговлю и перекупку. ЦСУ также констатировало, что "обследуемые семьи рабочих большую часть своих заказов на шитье и починку одежды и обуви передают гражданам". Практика шитья одежды на дому – характерная черта городской жизни послевоенного времени.

Отметим, что источники о материальном положении населения СССР в первые послевоенные годы крайне скудные, многие из них вызывают сомнение в достоверности сообщаемых в них сведений. Таковы, например, данные бюджетных обследований о том, что наиболее высокооплачиваемые рабочие угольной, машиностроительной, текстильной промышленности приобретали в 1953 г. (в среднем на семью за квартал) по 16 – 25 м ткани (в том числе по 2 – 3 м шерстяных и шелковых), по 3 – 4 пары обуви. Такое в те годы было возможно только в кино.

Нетрудно заметить, что все приведенные нами цифры о заработной плате рабочих и служащих разной квалификации и отраслей, о нормах снабжения продовольственными товарами в период действия карточной системы и цифры реального потребления свидетельствуют только об одном – постоянном товарном голоде в стране, когда даже ценой больших усилий и затрат правительству удавалось обеспечить минимум необходимых жизненных благ только весьма ограниченной части городского населения – высокооплачиваемым рабочим добывающих отраслей промышленности.

В этой ситуации спасти людей от голодной смерти могло только подсобное хозяйство (огород) или воровство. Продукция с личных хозяйств и огородов шла в пищу в самой семье или продавалась на рынке с целью покупки на том же рынке необходимых товаров. Продукция, украденная с предприятий (например, гвозди), с колхозных и совхозных полей (зерно, овощи и пр.) или использовалась в домашнем хозяйстве, или продавалась на рынке. Масштабы рыночной торговли были столь велики и

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

всеобъемлющи, что, как уже отмечалось, целиком опровергают мнение о советской экономике как основанной на “социалистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства” (из статьи 4 Конституции СССР 1936 г.). Какой же сектор – социалистический или частный – вышел на первое место по обеспечению населения потребительскими товарами в годы войны?

В табл. 4.13 помещены данные, позволяющие однозначно ответить на этот вопрос.

Наше обращение к военным годам связано с тем, что именно тогда сложились экономические предпосылки, определившие развитие рыночных отношений в последующие годы. В военные годы общий денежный оборот колхозного рынка вырос в 7 раз в сравнении с довоенным и превзошел в 1,7 раза государственный розничный товарооборот. Проблема соотношения государственной и рыночной торговли (при резком относительном и абсолютном росте последней) имела для руководства страны не столько экономический, сколько политический аспект. Впервые после нэпа государство вновь столкнулось с необходимостью обуздания рыночной стихии, рост которой оно пыталось объяснить исключительно как следствие военных лет. Однако война только выявила и отчетливо обнажила эту до времени скрываемую особенность советской экономики – полную зависимость “социалистического народного хозяйства” от частного рынка, т.е. наличие двух действующих, тесно связанных и не существующих изолированно друг от друга экономик: социалистической, подчиненной плану, диктату и частной, постоянно стремившейся выйти из-под контроля государства.

Из анализа табл. 4.13 можно сделать вывод, что значительная часть товарной продукции, поступающая на колхозный рынок в военные годы, попадала на него не из социалистического производственного сектора, а из частного. Именно это обстоятельство, в первую очередь, вызывало тревогу правительства, которое ревниво относилось к невиданному росту денежных рыночных оборотов. Всю эту проблему финансовое ведомство страны пыталось объяснить, естественно, не внутренними противоречиями, связанными с наличием двух разных по природе экономик, а нарушениями в денежном обращении внутри страны из-за специфических условий войны. Констатируя эти изменения, Наркомфин СССР отмечал, что разбухание денежных оборотов колхозных рынков произошло в результате роста цен на сельскохозяйственные продукты[1]. Основными факторами, определившими рост цен, министерские чиновники называли, во-первых, “сжатие” государственного розничного товарооборота за счет сокращения торговой выручки Госбанка и замедления скорости обращения денег в государственном обороте, а, во-вторых, значительное оседание денег у населения, которые не возвращались в кассы Госбанка, а направлялись и циркулировали в основном по каналам колхозной торговли. Государство, следовательно, оставалось как бы в стороне от этого колоссального денежного потока и, чтобы обуздать рыночную стихию и вернуть ее под свой контроль, применяло внеэкономические средства (повышение налогов и рост так называемых добровольных платежей населения, а также принудительное удерживание пайковых цен на низком уровне). Распределение продаж сельхозпродукции на рынке между общественным производством (колхозами) и частным (колхозниками) свидетельствует о безусловном превосходстве последних.

Отметим еще один момент, вытекающий из анализа цифр табл. 4.13. Рабочие и служащие выступают уже как продавцы произведенных ими сельхозтоваров, а не только как покупатели, что было характерно для предвоенного времени. Война способствовала вовлечению в рыночные отношения все более широких слоев населения. Несмотря на все усилия государства по обузданию рынка, полностью взять его под контроль не удалось. Это проявилось и в росте посевов в личных хозяйствах граждан, которые в условиях постоянного товарного голода должны были служить населению гарантией того, что они избегнут голодной смерти.

Вести личное хозяйство (или огород) после тяжелого рабочего дня – занятие не только низкоэффективное, но, по большей части, вынужденное. По данным Госинспекции по определению урожайности, изменение распределения посевных площадей между отдельными группами хозяйств за 1940 – 1951 гг. характеризовалось следующими цифрами: общественные посевы колхозов выросли с 117 715 тыс. до 128 033 тыс. га, приусадебные посевы колхозников – с 4503 тыс. до 5725 тыс., посевы рабочих и служащих сельских местностей – с 402 тыс. до 689 тыс., посевы рабочих и служащих городских местностей – с 415 тыс. до 835 тыс. га, и сократились только посевы единоличных крестьянских хозяйств с 14 163 тыс. до 368 тыс. га[2]. Это объясняется их принудительным сокращением. Как видно из

[1] См.: РГАЭ. Архивная коллекция.

[2] См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 9872. Л. 162-236.

приведенных цифр, по соотношению посевных площадей так называемое общественное производство неизмеримо превосходило частное, и столь же неизмеримо уступало ему по *действительной общественной полезности,* поскольку именно огород и рынок кормили людей. Надо также учитывать, что для большинства населения (и трудоспособных, и подростков, и стариков) работа на приусадебных участках и огородах была возможна только после обязательного труда в общественном производстве, т.е. расширение рыночных отношений неизбежно влекло за собой рост самоэксплуатации населения. Или люди должны были смириться с голодом, или впрягаться после основной работы, дающей минимум прожиточных средств, еще в одну работу.

Государство мирилось с рынком как с неизбежным злом и делало это только потому, что война наглядно продемонстрировала ненадежность общественных хозяйств как основного продовольственного базиса страны. Отсюда – необходимость сохранения частных хозяйств как важнейшего источника продовольственного снабжения населения и сохранения рыночных отношений. Отсюда же – страх перед рынком, стремление быстрее обуздать его, что и проявилось в послевоенной политике государства во время проведения денежной реформы и последующего снижения цен. Но до тех пор, пока общественное производство не могло справиться с главной задачей – накормить население страны, – следовало, по мнению правительства, сохранить и личные хозяйства граждан. Именно по этой причине, а не по какой-либо другой, сталинское руководство не шло на окончательную отмену личных хозяйств. Когда дело касалось главного – сохранения власти, – советское правительство становилось сугубым реалистом.

Доказательством серьезного отношения государства к рыночным законам служит и его ценовая политика, которая по-разному проявлялась в военные и послевоенные годы. Сохранение неизменных пайковых цен на основные продукты в 1941 – 1947 гг. – это реальная политика, стремившаяся единственно возможным способом поддержать минимально необходимый для рабочих и служащих основных отраслей промышленности (в первую очередь оборонных) уровень потребления, что было бы невозможно, если бы реальная зарплата не обеспечивала выкуп пайка.

Эта политика имела и обратную сторону, а именно: повышенный спрос на продукты в условиях острого продовольственного кризиса военных лет стимулировал повышение товарности в первую очередь частных хозяйств. Об этом свидетельствуют цифры табл. 4.13. За 1940 – 1944 гг. на

колхозных рынках страны выросли объемы реализации наиболее потребляемых продуктов питания – зерновых и картофеля, – тогда как объемы продаж овощей, мяса и молока сократились. Так, продажа зерновых за 1940 – 1944 гг. увеличилась с 7,6 млн до 12,5 млн ц; картофеля – с 20,4 млн до 44,7 млн, тогда как мяса, наоборот, сократилась с 6,0 млн до 3,8 млн, а молока с 19,2 млн до 14,2 млн ц. Это был в прямом смысле слова *рынок нищих.* Следует также учесть большой объем товарообменных операций, когда продукты менялись на вещи, или одни вещи на другие. В отдельных местах товарообмен превышал по своему удельному весу денежные операции между городом и селом.

Рост товарного производства, хотя бы в форме колхозного рынка, усиливал связи между городом и деревней, но совсем не те, которые пыталось наладить советское государство: в конце войны около 90% выручки села от рыночных продаж сельхозпродуктов затрачивалось на покупку вещей и промтоваров у городского населения, а рыночная выручка городского населения в свою очередь покрывала около 90% расходов городского населения на колхозных рынках.

Сильнейший удар по рынку государство нанесло в 1947 г., когда в результате проведения денежной реформы и отмены карточек продовольственные и промышленные товары стали продаваться в порядке открытой торговли по единым государственным розничным ценам (взамен коммерческих и пайковых цен). Сохранился и рынок, и рыночные цены, но поскольку после 1947 г. государство регулярно снижало цены на продукты и товары, продаваемые в государственной торговле, оно тем самым автоматически понижало и рыночные цены.

Особенно упали рыночные цены на хлеб: на 58% к уровню цен в ноябре 1947 г. и на 73% к декабрьским ценам 1946 г.[1] В ходе реформы и отмены карточек правительство установило единые государственные розничные цены на хлеб и крупы на 10-12 % ниже действующих до декабря 1947 г. пайковых цен. Рынок не замедлил отреагировать на это. Таким путем государство стремилось вернуть себе роль монопольного распорядителя главным богатством страны – хлебом. Однако, что тоже весьма характерно для советской системы, даже эти новые цены вдвое превосходили уровень довоенных. Только картофель – главный и основной продукт питания населения СССР – почти достиг своей довоенной цены.

[1] См.: АПРФ. Архивная коллекция.

Несмотря на то, что каждое новое ежегодное снижение государственных розничных цен в 1948-1952 гг. вызывало соответствующее снижение рыночных цен, рынок отчаянно сопротивлялся государственному диктату. Во-первых, следует учитывать, что в послевоенные годы наблюдались резкие колебания урожайности зерновых, картофеля, овощей, уменьшение поголовья скота, что вело к сокращению привозов на колхозные рынки, к временным перебоям в продаже продуктов через сеть государственной торговли. И частная торговля успешно использовала это обстоятельство. Во-вторых, значительные колебания рыночных цен наблюдались во многих регионах страны, что было связано с особенностями того или иного региона. Так, в 1951 г. большое возрастание рыночных оборотов наблюдалось в Грузии, Армении, Азербайджане, на Украине и в среднеазиатских республиках. В то же время в Москве рыночные цены оставались относительно стабильными, что в первую очередь определялось насыщенностью государственной розничной сети продовольственными товарами. Поэтому снижение государственных цен в марте 1951 г. оказало решающее влияние на снижение рыночных цен даже в отношении тех товаров, привозы которых в Москву сократились. В-третьих, по мере перехода к мирной жизни изменялась и структура спроса населения на различные товары. В октябре 1948 г., подводя первые итоги денежной реформы в области товарооборота, Госплан отмечал повышенный спрос населения на сахар, крупу, высокосортные ткани и обувь и "резкое уменьшение спроса на алкогольные напитки". Поэтому, как уже отмечалось, в 1948 г. были снижены цены на алкоголь, что способствовало увеличению его реализации в натуральном выражении и отчасти компенсировало государству снижение цены.

Об уровне развития рынка к началу 50-х годов в СССР свидетельствуют данные табл. 4.14.

Экономическая модель социализма была ориентирована на первоочередное развитие производства средств производства, а производство предметов потребления представляло "остаток", минимально необходимый для существования производственной сферы. Именно сфера потребления, этот "остаток", которому государство уделяло минимум внимания и средств, все время подводил социалистических стратегов, проводивших линию на уравнительное потребление. Государству удавалось переламывать ситуацию в свою пользу исключительно внеэкономическими мерами. И хотя это срабатывало, но только на непродолжительное время, после чего вновь приходилось прибегать к принуждению. Но даже в этих условиях экономические рыночные законы действовали, хотя и в сжатом, искаженном виде. И в 1948-1952 гг. продолжал действовать колхозный рынок, тон на котором задавала частная, а не колхозная торговля (табл. 4.14).

Это несоответствие между производством и потреблением, а точнее, стремление государства создать производство почти без потребления – было еще одной ахиллесовой пятой советской экономики. Газеты и по радио говорили о "непрерывном росте материального благосостояния советского труженика", а реальная жизнь демонстрировала людям совсем иные факты и картины.

Таблица 4.1.

Изменение численности населения СССР (в тыс. чел.)*

Год	Численность населения (на начало года)			Изменение численности населения по сравнению с предыдущем годом (прирост +, убыль -)			Изменения за счет естественного прироста		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
1940	194077	63112	130965	-	-	-	-	-	-
1941	198793	65179	133614	+4716	+2067	+2649	2577	731	1846
1946**	170550	58094	112456	-	-	-	-	-	-
1950	178547	69414	109133	-	-	-	-	-	-
1951	181603	73005	108598	+3056	+3591	-535	3056	1173	1883
1952	184778	76804	107974	+3175	+3799	-624	3175	1283	1892
1953	187977	80198	107779	+3199	+3394	-196	3199	1330	1869

* Составлена по данным: Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988.С.8; Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей. СПб., 1995.С.84; РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 391. Л.32-40; Д.2632. Л.135, 256-257.

** Общая численность населения СССР на 01.01. 1946г дана в оценке современных демографов. Из-за отсутствия сведений о сельском населении за 1946 г. соответствующий показатель за этот год рассчитан нами как полусумма двух цифр: численности сельского населения на 01.01. 1945г. и на 01.01. 1947 г., т.е. 115 221,7+109 690,6=224 912,3 тыс. человек. Сумма, деленная на два, дает итог в 112 456 тыс. человек. Численность городского населения рассчитана нами как разность между общей численностью населения страны и сельским населением.

Таблица 4.2.

Сведения о количестве демобилизованных воинов и их трудоустройстве (по состоянию на 1 сентября 1946 г.)*

Наименование областей, краев, городов	Количество прибывших демобилизованных					Из них устроено на работу			
	Всего, тыс.	В том числе				На предприятия и в учреждения		В колхозы и совхозы	
		В город		В сельскую местность					
	тыс.	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Вологодская	65,3	12,5	19	52,8	81	20,5	31	35,5	54
Курская	137,0	15,2	11	121,8	89	25,5	19	102,2	75
Московская	269,9	129,1	48	140,8	52	164,8	61	64,1	24
Орловская	59,6	8,8	15	50,8	85	14,2	24	40,9	69
Саратовская	72,6	17,5	24	55,1	76	28,9	40	24,6	34
Тамбовская	79,1	26,8	34	52,3	66	28,9	37	48,0	61
Чкаловская	65,9	17,3	26	48,6	74	21,6	33	35,3	54
Алтайский	90,5	19,3	21	71,2	79	23,8	26	66,7	74
Краснодарский	145,7	40,8	28	104,9	72	50,8	35	68,7	47
Москва	239,3	239,3	100	-	-	169,5	71	-	-
Саратов	21,8	21,8	100	-	-	17,8	82	-	-
РСФСР	4325,0	1699,9	39	2625,1	61	1891,9	44	2201,0	51

* Составлена по данным: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 15-62.

Таблица 4.3.

Естественный прирост населения СССР (в тыс. чел.)*

Год	Естественный прирост населения			Рост (+) или снижение (-) к предшествующему году		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1945	349,2	289,5	638,7	-	-	-
1946	928,8	1269,5	2198,3	+579,6	+980,0	+1559,6
1947	734,0	1067,1	1801,1	-194,8	-202,4	-397,2
1948	762,7	1443,6	2206,3	+28,7	+376,5	+405,2
1949	1240,5	2091,9	3332,4	+477,8	+648,3	+1126,1
1950	1177,1	1918,8	3095,9	-63,4	-173,1	-236,5

* Составлена по данным: ГАРФ. Архивная коллекция.

Таблица 4.4.

Количество зарегистрированных актов о смерти по СССР*

Год	Количество зарегистрированных смертей			Рост (+) или снижение (-) к предшествующему году		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1945	675,7	1255,3	1930,9	-	-	-
1946	702,8	1166,9	1869,7	+27,1	-88,4	-61,2
1947	1042,0	1598,2	2640,2	+339,2	+431,3	+770,5
1948	770,5	1175,5	1946,0	-271,5	-422,7	-694,2
1949	690,3	1092,5	1782,8	-80,2	-83,0	-163,2
1950	700,8	1047,5	1748,3	+10,5	-45,0	-34,5

* Составлена по данным: ГАРФ. Архивная коллекция.

Таблица 4.5.

Количество зарегистрированных актов о рождении по СССР*

Год	Количество зарегистрированных рождений			Рост (+) или снижение (-) к предшествующему году		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1945	1024,9	1544,8	2569,7	-	-	-
1946	1631,6	2436,3	4067,9	+606,7	+891,5	+1498,2
1947	1775,9	2665,3	4441,2	+144,3	+229,0	+373,3
1948	1533,2	2619,0	4152,2	-242,7	-46,3	-289,0
1949	1930,8	3184,4	5115,2	+397,6	+565,4	+963,0
1950	1878,0	2966,3	4844,3	-52,8	-218,1	-270,9

*Составлена по данным: ГАРФ. Архивная коллекция.

Таблица 4.6.

Состав сельского наличного населения РСФСР, отдельных областей и краев по полу и возрасту (в числителе – тыс. чел., в знаменатели – %)*

Наименование областей, краев, республик	Год (на 1 января)	Возраст, лет										Всего мужчин и женщин	Численность женщин в % к численности мужчин
		Мужчины					Женщины						
		До 8 лет	8-15	16-59	60 и старше	Итого	До 8 лет	8-15	16-59	60 и старше	Итого		
Алтайский край	1945	145,0 / 28	180,8 / 35	151,9 / 29	39,9 / 8	517,6 / 100	140,8 / 15	188,3 / 20	523,7 / 56	79,5 / 9	932,3 / 100	1449,9	180
	1947	118,4 / 19	166,0 / 27	294,7 / 47	42,1 / 7	621,2 / 100	117,4 / 13	172,1 / 19	539,3 / 59	81,5 / 9	910,3 / 100	1531,5	147
	1950	123,8 / 18	177,4 / 26	323,5 / 49	46,7 / 7	671,4 / 100	120,8 / 13	179,1 / 19	565,7 / 58	93,5 / 10	959,5 / 100	1630,9	143
Вологодская область	1945	86,1 / 26	113,3 / 26	100,2 / 31	29,7 / 9	329,3 / 100	89,2 / 14	123,1 / 19	355,2 / 56	68,0 / 11	635,5 / 100	964,8	193
	1947	64,5 / 18	97,8 / 28	166,5 / 46	29,8 / 8	358,6 / 100	65,0 / 11	102,2 / 18	342,2 / 59	69,8 / 12	579,2 / 100	937,8	162
	1950	52,5 / 16	90,7 / 27	159,8 / 48	28,1 / 9	331,1 / 100	52,3 / 10	94,5 / 17	324,4 / 60	71,1 / 13	542,3 / 100	873,4	164
Московская область	1945	168,7 / 27	189,8 / 30	222,6 / 36	46,0 / 7	627,1 / 100	166,4 / 14	195,1 / 17	692,4 / 59	116,0 / 10	1169,9 / 100	1797,0	187
	1947	131,9 / 17	181,0 / 23	421,7 / 54	45,9 / 6	780,5 / 100	134,2 / 12	187,9 / 16	721,1 / 62	111,0 / 10	1154,2 / 100	1934,7	148
	1950	130,1 / 16	197,3 / 24	454,1 / 54	51,0 / 6	832,5 / 100	126,0 / 10	199,5 / 16	779,7 / 63	127,5 / 10	1232,7 / 100	2065,2	148
РСФСР	1945	5122,8 / 28	5968,0 / 32	5853,2 / 32	1587,6 / 8	18531,6 / 100	5196,4 / 16	6413,2 / 20	18026,9 / 55	3105,3 / 9	32741,8 / 100	51273,4	177
	1947	4046,7 / 19	5662,3 / 26	10253,1 / 48	1618,2 / 7	21580,3 / 100	4087,0 / 13	5927,8 / 19	18686,4 / 58	3209,8 / 10	31911,0 / 100	53491,3	148
	1950	3694,6 / 17	5883,8 / 27	10623,0 / 48	1697,5 / 8	21898,9 / 100	3637,6 / 12	5999,5 / 19	18953,8 / 58	3566,1 / 11	32157,0 / 100	54055,9	147

*Рассчитана по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.329.Д.2632. Л. 140-168; Д.4487.Л.3-34 об.

Таблица 4.7.

Состав сельского населения СССР по полу и возрасту (в % к общей численности)*

Пол		По переписи на 17.01. 1939 г.	По отчетам сельсоветов	
			На 01.01. 1945 г.	На 01.01. 1948 г.
Мужчины, всего		47,1	37,8	42,0
Возраст, лет	0-13	18,8	18,6	15,6
	14-54	24,2	14,1	21,7
	55 и выше	4,1	5,1	4,7
Женщины, всего		52,9	62,2	58,0
Возраст, лет	0-13	18,6	19,1	15,8
	14-54	27,9	34,2	33,7
	55 и выше	6,4	8,9	8,5

* Составлена по данным: РГАСПИ. Архивная коллекция. Данные на 1945 и 1948 гг. по территории СССР в границах соответствующего года.

Таблица 4.8.

Баланс трудовых ресурсов по СССР за 1940, 1945, 1950 гг. (в числителе – тыс. человек, в знаменателе – % *)

Годы		Трудовые ресурсы.	В том числе		Распределение трудовых ресурсов					
			Среднегодовая численность трудоспособного населения**	Численность работающих стариков*** и подростков до 14 лет	Рабочие и служащие госпредприятий и учреждений	Кооперированные кустари	Колхозники на период максимальной занятости	Единоличники и некооперированные кустари	Учащиеся в возрасте 14 лет и старше	Занятые в домашнем хозяйстве и неработающие
1940	Всего	110052,0 100	100290,7 91,1	9761,3 8,9	31191,9 28,3	2200,0 2,8	36368,6 33,0	8507,0 7,7	9688,9 8,8	22095,6 20,1
	Город	37604,8 100	35691,7 94,9	1913,1 5,1	22253,1 59,2	1583,0 4,2	-	-	4669,1 12,4	9099,6 24,2
	Село	72447,2 100	64599,0 89,2	7848,2 10,8	8938,8 12,3	617,0 0,9	36368,6 50,2	8507,0 11,7	5019,8 6,9	12996,0 18,0
1945	Всего	89084,0 100	79758,6 89,5	9325,4 10,5	27221,0 30,6	1300,0 1,5	33439,6 37,5	5859,9 6,6	5561,3 6,2	15702,2 17,6
	Город	30688,7 100	28968,6 94,4	1720,1 5,6	18568,0 60,5	827,4 2,7	-	-	2974,8 9,7	8318,5 27,1
	Село	58395,3 100	50790,0 87,0	7605,3 13,0	8653,0 14,8	472,6 0,8	33439,6 57,3	5859,9 10,0	2586,5 4,4	7383,7 12,7
1950	Всего	105422,6 100	98334,5 93,3	7088,1 6,7	39234,0 37,2	1569,9 1,5	30090,0 28,5	654,2 0,6	9828,7 9,3	24045,8 22,8
	Город	43471,2 100	40925,8 94,2	2545,4 5,8	28103,2 64,6	1221,2 2,8	309,3 0,7	-	5168,0 11,9	8669,5 20,0
	Село	61951,4 100	57408,7 92,7	4542,7 7,3	11130,8 18,0	348,7 0,6	29780,7 48,1	654,2 1,0	4660,7 7,5	15376,3 24,8

* Рассчитана по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.329.Д.1525. Л. 28-32; .оп.33. Д.36.Л.39-44.

** К населению в трудоспособном возрасте относятся: а) среди несельскохозяйственного населения – мужчины в возрасте 14-54 лет, женщины в возрасте 14-49 лет; б) среди сельскохозяйственного населения – мужчины в возрасте 14-59 лет, женщины в возрасте 14-54 лет.

*** К "старикам" относятся: среди несельскохозяйственного населения мужчины в возрасте 55 лет и старше, женщины – 50 лет и старше; среди сельскохозяйственного населения соответствующий возраст – 60 лет и старше и 55 лет и старше.

Таблица 4.9.

Численность, меры уголовного наказания и состав осужденных (по приговорам гражданских судов, вступивших в законную силу) по СССР (в числителе – абс. число, в знаменателе – %)*

год	Число осужденных	В том числе			Меры уголовного наказания, к которым приговорены осужденные						
		Женщин	Подростков до 16 дет	Судившихся ранее	Лишение свободы					Исправительно-трудовые работы	Условное осуждение
					До 3-х лет включ.	Свыше 3-х до 5 включ.	Свыше 5 до 10 лет включ.	Свыше 10 лет	Итого		
1940	1239077	213278	24467	205711	522265	60214	26403	107	608989	392003	86859
	100,0	17,2	2,0	16,6	42,1	4,9	2,1	0,0	49,1	31,6	7,0
1945	840589	331774	34589	94402	341691	58270	29000	111	429072	214445	100600
	100,0	39,5	4,1	11,2	40,6	6,9	3,5	0,0	51,0	25,5	12,0
1946	1094002	347827	30498	108142	514205	83797	44391	161	642554	253154	103605
	100,0	31,8	2,8	9,9	47,0	7,7	4,0	0,0	58,7	23,1	9,5
1947	1391786	425240	29205	136624	550659	190362	236138	16260	993419	225733	86315
	100,0	30,6	2,1	9,8	39,6	13,7	17,0	1,1	71,4	16,2	6,2
1948	1063417	333474	10801	110373	256386	113390	260403	51111	681290	197313	67317
	100,0	31,4	1,0	10,4	24,1	10,7	24,5	4,8	64,1	18,6	6,3
1949	995846	299974	9631	112340	243296	90513	222132	61919	617860	177589	63089
	100,0	30,1	1,0	11,3	24,4	9,1	22,3	6,2	62,0	17,8	9,6
1950	902256	280593	8665	114322	199981	73192	184483	56971	514627	176643	56915
	100,0	31,1	1,0	12,7	22,2	8,1	20,4	6,3	57,0	19,6	6,3
1951	882655	281833	9298	111107	200204	72550	156326	47830	476910	175160	54876
	100,0	31,9	1,1	12,6	22,7	8,2	17,7	5,4	54,0	19,8	6,2
1952	969943	305305	10452	112638	217091	84514	169690	51034	522329	189412	51395
	100,0	31,5	1,1	11,6	22,4	8,7	17,5	5,3	53,9	19,5	5,3
1953	818708	230990	8689	72829	177040	106439	139442	39399	462320	120091	35622
	100,0	28,2	1,1	8,9	21,6	13,0	17,0	4,8	56,4	14,7	4,4

Таблица 4.9 (окончание)

*Из-за резких колебаний по годам Минюст СССР не включал в форму 10 осужденных по указам Президиума Верховного Совета СССР от 26.06. 1940 г. и 15.4.1942 г. Общее число осужденных по названным указам (за прогулы и самовольные уходы с предприятий и учреждений, за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней и уклонение от мобилизации на сельхозработы) составляло : в 1940 г. – 2 091 438 чел. (или 62,8% ко всему числу осужденных гражданскими судами), в 1946 г. – 1 207 808 чел. (52,5%), в 1947 г. 1 048 725 чел. (43,0%), в 1948 г. – 938 841 (46,9%), в 1949 г. – 929 683 (48,3%), в 1950 г. – 845 216 (48,4%), в 1951 г. – 538 147 (37,9%), в 1952 г. – 477 492 (33%), в 1953 г. – 308 536 чел. (27,4%). В раздел "меры наказания" не включены осужденные к расстрелу (до издания указа от 26.5. 1947 г. об отмене смертной казни было осуждено к расстрелу в 1940 г. – 525 чел., за 1945 г. – май 1947 г. – 1442 чел.), к общественному порицанию, к ссылке. Поэтому суммирование процентных показателей не дает 100%.

Таблица 4.10.

Социальный состав осужденных, партийность и место совершения преступления (по приговорам гражданских судов, вступивших в законную силу) по СССР (в числителе – абс. число, в знаменателе – %)*

Год	Социальный состав осужденных						Партийность		Место совершения преступления	
	Рабочие и члены их семей	Служащие и члены их семей	Колхозники и члены их семей	Крестьяне-единоличники и члены их семей	Кустари и члены их семей	Прочие (нетрудящиеся элементы)	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены и кандидаты ВЛКСМ	Города и рабочие поселки	Сельские местности
1940	434135 / 35,0	239837 / 19,4	330048 / 26,6	66768 / 5,4	39668 / 3,2	128621 / 10,4	30537 / 2,5	52246 / 4,2	636657 / 51,4	602420 / 48,6
1945	335952 / 40,0	140307 / 16,7	241965 / 28,8	18823 / 2,2	1674 / 0,2	100288 / 11,9	21391 / 2,5	24112 / 2,9	438281 / 52,1	400728 / 47,9
1946	427486 / 39,1	185043 / 16,9	289943 / 26,5	38143 / 3,5	2105 / 0,2	150657 / 13,8	37889 / 3,5	31720 / 2,9	576699 / 52,7	516678 / 47,2
1947	502904 / 36,1	236481 / 17,0	354875 / 25,5	54429 / 3,9	2539 / 0,2	240558 / 17,3	57286 / 4,1	34013 / 2,4	728849 / 52,4	662937 / 47,6
1948	340982 / 32,1	237475 / 22,3	268496 / 25,2	48624 / 4,6	2087 / 0,2	165749 / 15,6	57022 / 5,4	26256 / 2,5	548157 / 51,5	515260 / 48,5
1949	341494 / 34,3	237244 / 23,8	245777 / 24,7	39079 / 3,9	3381 / 0,3	128871 / 12,9	52825 / 5,3	28779 / 2,9	516352 / 51,9	479494 / 48,1
1950	331732 / 36,8	226508 / 25,1	228520 / 25,3	19433 / 2,2	2962 / 0,3	93101 / 10,3	48698 / 5,4	29889 / 3,3	458428 / 50,8	443828 / 49,2
1951	353501 / 40,0	199982 / 22,7	226179 / 25,6	11499 / 1,3	2682 / 0,3	88813 / 10,1	41878 / 4,7	32703 / 3,7	449161 / 50,9	433494 / 49.1
1952	401732 / 41,4	214733 / 22,1	248502 / 25,6	9202 / 1,0	2676 / 0,3	93098 / 9,6	47310 / 4,9	39946 / 4,1	494356 / 51,0	475587 / 49,0
1953	393816 / 48,1	141986 / 17,3	179402 / 21,9	4611 / 0,6	2179 / 0,3	96714 / 11,8	26589 / 3,2	34927 / 4,3	452625 / 55,3	366083 / 44,7

* Составлена по данным: ГАРФ. Ф. 9492. Оп.3.Д.17.Л.14.14 об.; Д.46.Л.38, 38 об.; Д.50.Л.39, 39 об.; Д.60, Л. 40, 40 об.; Д. 68, Л. 71, 71 об.; Д.85.Л.42.42 об.; Д.96, Л.37, 37 об.; Д.111. Л.40, 40 об.; Д.130. Л.42, 42 об.; Д.149. Л.39., 39 об.

Таблица 4.11.

Количество осужденных по делам органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД*

Год	Всего арестовано	Из них			Всего осуждено	В том числе				Кем осуждены			
		За контрреволюционные преступления	В том числе за антисоветскую агитацию	Другие преступления		ВМН	Лагеря и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры	Трибуналами и судами	Коллегией ОГПУ	Особым совещанием	Тройками
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1921	200 271	76 820	-	123 451	35 829	9 701	21 724	1 817	2 587	35 829			
1922	119 329	45 405	-	73 924	6 003	1 962	2 656	166	1 219	6 003	Нет свед.		
1923	104 520	57 289	5 322	47 231	4 794	414	2 336	2 044	-	4 794			
1924	92 849	74 055	-	18 794	12 425	2 550	4 151	5 724	-	3 059	-	9 366	-
1925	72 658	52 033	-	20 625	15 995	2 433	6 851	6 274	437	-	2 284	9 221	4 490
1926	62 817	30 676	-	32 141	17 804	990	7 547	8 571	696	-	2 323	13 102	2 379
1927	76 983	48 883	-	98 100	26 036	2 363	12 267	11 235	171	-	3 434	15 947	6 655
1928	112 803	72 186	-	40 617	33 757	869	16 211	15 640	1 037	-	3 756	25 844	4 157
1929	162 726	132 799	51 396	29 927	56 220	2 109	25 853	24 517	3 741	-	10 262	37 197	8 761
Итого за 1921-1929	1 004 956	590 146	56 718	414 810	208 863								
1930	331 544	266 679	нет св.	64 865	208 069	20 201	114 443	58 816	14 609	-	9 072	19 377	179 620
1931	479 065	343 734	100 963	135 331	180 696	10 651	105 683	63 269	1 093	-	13 357	14 592	152 747
1932	410 433	195 540	23 484	21 4893	141 919	2 728	73 946	36 017	29 228	49 106	6 604	26 052	60 157

Таблица 4.11. (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1933	505 256	283 029	32 370	222 227	239 664	2 154	138 903	54 262	44 345	214 334	-	25 330	-
1934	205 173	90 417	16 788	114 756	78 999	2 056	59 451	5 994	11 498	32 577	12 588	1 003	32 831
1935	193 083	108 935	43 686	84 148	267 076	1 229	185 846	33 601	46 400	118 465	-	29 452	119 159
1936	131 168	91 127	32 110	40 041	274 670	1 118	219 418	23 719	30 415	114 383	-	18 969	141 318
Итого за 1930-1936	2 255 722	1 379 461	249 401	876 261	1 391 093								
1937	936 750	779 056	234 301	157 694	790 665	353074	429 311	1 366	6 914	39 694	45 060	17 911	688 000
1938	638 509	593 326	57 366	45 183	554 258	328618	205 509	16 842	3 289	95 057	-	45 768	413 433
Итого за 1937-1938	1 575 259	1 372 382	291 667	202 877	1 344 923								
Всего за 1921-1938	4 835 937	3 341 989	597 786	1493948	2944879**	745220	1632106	369874	197 679	713 307	108 740	309 131	1813707
Год	Всего осуждено за контр-революционные преступления	В том числе по статье 58-10	Меры наказания: ВМН	25 лет	От 16 до 24 лет	От 11 до 15 лет	От 6 до 10 лет	От 3 до 5 лет	До 2 лет	Ссылка, высылка	Прочие меры	Кем осуждены: Военной коллегией, трибуналами судами	Особым совещанием
1939	63 889	24 720	2 552	526	-	883	23 723	29 534	-	3 783	2 888	50 868	13 021
1940	71 806	18 371	1 649	-	-	529	21 514	43 684	-	2 142	2 288	28 894	42 912
1941	75 411	35 116	8 001	-	-	507	40 678	23 815	-	1 200	1 210	48 877	26 534
1942	124 406	61 625	23 278	-	-	774	69 893	18 142	-	7 070	5 249	46 858	77 548
1943	78 441	24 089	3 579	897	-	846	57 727	8 885	532	4 787	1 188	53 307	25 134

Таблица 4.11. (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1944	75 109	14 130	3 029	14779	-	875	49 902	7 633	421	649	821	64 498	10 611
1945	123 248	14 868	4 252	31663	-	2 433	70 850	10 791	944	1 647	668	96 667	26 581
1946	123 294	15 512	2 896	16289	-	2 144	80 742	16 401	2 367	1 498	957	114 974	8 320
1947	78 810	8 391	1 105	12098	259	3 356	49 215	8 623	3 030	666	458	65 417	13 393
1948	73 269	8 496	-	36951	1 811	2 687	25 790	3 803	1 510	419	298	56 012	17 257
1949	75 125	14 768	-	37678	1 173	1 730	21 450	2 044	434	10 316	300	36 665	38 460
1950	60 641	13 191	475	29909	818	1 414	20 458	1 522	345	5 225	475	41 222	19 419
1951	54 775	11 254	1 609	30366	394	964	15 769	1 234	415	3 425	599	45 699	9 076
1952	28 800	6 348	1 612	17984	319	486	6 395	491	149	773	591	27 842	958
1953 1-е полугодие	8 403	3 246	198	4 769	76	149	2 665	211	24	38	273	8 199	204
Итого за 1939-53	1 115 427	274 125	54 235	233909	4 850	19 777	553771	176813	10 171	43 638	18 263	785 999	329 428
Всего за 1921-1953	4 060 306		799455							413512	215942		

*ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205. Таблица составлена на основании справок, подготовленных и. о. начальника 1-го спецотдела МВД СССР полковником Павловым и датированных 11 декабря 1953 г. На документах имеется помета: "Послано письмо тов. Маленкову и тов. Хрущеву № 26 / К от 5.1.54". В справках допущены две неточности. Указаны осужденные коллегией ОГПУ в 1937 г., тогда как последнее прекратило существование в 1934 г. Численность осужденных Особым Совещанием при НКВД СССР приводится с 1924 г., однако оно было образовано лишь 5 ноября 1934 г. Большая часть приведенной таблицы была нами опубликована в 1992 г. (См. Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28-29. Из-за типографской опечатки за 1949 г. было ошибочно указано осужденных к ВМН 8 человек).

** В справке имеется карандашная помета: "Всего осужденных за 1921-1938 гг. – 2 944 879 чел., из них 30% (1062 тыс.) – уголовники".

Таблица 4.12.

Потребление продуктов питания в семьях рабочих Москвы.*)

	Физиологические нормы потребления на душу населения в год, кг	Фактически в среднем на 1 члена семьи за год, кг		Отношение фактического уровня потребления к физиологической норме, %		
		1940 г.	1952 г.	1940 г.	1952 г.	1952 г. к 1940 г.
Мясо (и мясопродукты)	82	41	51	50	62	124
Молоко	405	42	70	10	17	167
Яйца, шт.	292	86	99	29	34	115
Рыба	18,2	9,6	11,3	53	62	118
Сахар	40	27,7	31,1	69	78	112
Картофель	97	85	114	88	118	134
Овощи и бахчевые	146	52	57	36	39	110
Фрукты и ягоды	113	5	14	4	12	280
Хлеб и хлебопродукты	110	242	217	220	197	90

* Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1192. Л. 150-192; Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР: Стат. сб. М., 1976. С. 111.

Таблица 4.13.

Розничный товарооборот и рыночная торговля (в млрд руб.)*

Годы	Средняя масса денег в обращении	Государственный товарооборот в ценах		Общий денежный оборот колхозных рынков	Сумма рыночных продаж сел.-хоз. продуктов		
		Текущих лет	1940 г		Колхозами	Колхозниками	Рабочими и служащими
1940	23,9	175,5	175,5	28,0	6,4	17,9	-
1944	61,3	116,4	68,5	193,4	14,0	150,1	19,8
1944, % к 1940	256	66	39	691	218	839	-

* Составлена по данным: РГАЭ. Архивная коллекция.

Таблица 4.14.

Розничный товарооборот и рыночная торговля (в млрд руб.)*

Годы	Денежная масса в обращении (на конец года)	Государственный розничный товарооборот	Фонд заработной платы	Общий денежный оборот колхозных рынков	Сумма рыночных продаж сел.-хоз. продуктов	
					Колхозами	Населением
1948	23,8	310,2	303,4	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
1949	27,1	335,1	326,0	43,6	5,4	37,2
1950	33,1	357,7	355,0	49,6	6,4	42,7
1951	34,0	378,8	379,9	53,2	7,7	43,2
1952	35,7	398,0	401,7	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

*Составлена по данным: РГАЭ. Архивная коллекция

Заключение

Подведем некоторые итоги. Показатели промышленного развития являются символами общественного прогресса страны, только в том случае, если существует прямая связь между целями общества – отдельного трудового коллектива – индивидуума. Можем ли мы утверждать, основываясь на приведённых фактах, что такая связь существовала в Советском Союзе после Второй мировой войны даже с учётом победы, на время объединившей советское общество? Город и деревня по-прежнему продолжали быть насильственно разделены; непреодолимым барьером для многих сельских жителей на пути в лучшую, городскую жизнь стали незыблемые нормы паспортного законодательства. Знаменательным для политики в этой области стало отклонение в 1949 г. на Бюро Совмина СССР предложения МВД о распространении паспортной системы на сельское население.

С учетом задач, стоящих перед МВД, переход к сплошной паспортизации взрослого населения страны сулил немалые выгоды, в первую очередь с точки зрения более полного контроля за жизнью каждого члена общества. Интересы советского государства, озабоченного тем, чтобы "держать и не пущать" сельское население в город из – за острой нехватки трудовых ресурсов в деревне, требовали сохранения прежней системы. И с позиций управления следовало все оставить как и раньше, ведь управлять разделенным и неравноправным обществом легче, чем единым.

Своей ценовой политикой государство разоряло деревню, заставляло ее нести основную тяжесть налогового гнета для реализации экономической идефикс – первоочередного развития тяжёлой промышленности. В этом видятся нам главные истоки медленного, но неотвратимого разорения села, деревенского образа жизни и мировоззрения, превращения земледельца в наемного рабочего с "пролетарской" психологией. Принудительное снижение цен на товары массового спроса – это сверхэксплуатация деревенских жителей для получения государством сверхприбылей, изъятых без каких – либо, пусть даже минимальных, государственных капитальных вложений. Это также дополнительный фактор для разделения советского общества, потому что то, что для сельчан было бедой, для горожан – благом. Пока существовала экономическая модель, основанная на сверхэксплуатации и сверхприбылях, до тех пор продолжался экономический рост в стране. Закончилась "человеческая энергия села", рухнула и

советская экономика. Неразрешённость аграрно – крестьянского вопроса в России советскими методами – один из главных факторов распада СССР.

Точно так, как отсутствовала связь между целями отдельных групп советского общества – городским и сельским населением, отсутствовала она между целями трудового коллектива и индивидуума. В колхозе оплата труда колхозника не зависела впрямую от результатов, достигнутых общественным хозяйством. Более того, как показала послевоенная практика, передовые колхозы зерновых районов страны после выполнения государственных планов получали повышенные дополнительные задания, что вело к обнищанию этих хозяйств[1].

И в промышленности оплата труда работников не была связана с конечными результатами деятельности отдельного предприятия поскольку, доходы всех предприятий социалистического сектора изымались государством через налог с оборота, размер которого устанавливался им произвольно. Помимо этого разница в уровне оплаты рабочих одной и той же квалификации, работающих в разных отраслях народного хозяйства, зачастую была более существенной, чем в уровне оплаты труда рабочих разной квалификации внутри одной отрасли. Подобным способом государство искусственно поддерживало уравнительное соотношение в оплате труда, чтобы можно было дополнительно регулировать рабочие потоки, направлять их в трудонедостаточные отрасли народного хозяйства, с тяжелыми условиями производства. Уравниловка в оплате вела к такой же уравниловке в потреблении и в целом способствовала закреплению в общественном сознании населения достаточно устойчивых представлений о справедливости общественного строя в СССР.

Как показывают современные исследования, при отсутствии в Советском Союзе специальных институтов гражданского общества, позволяющих цивилизованным образом разрешать социальные конфликты между властью и народом, роль подобных регуляторов выполняли различные формы стихийного протеста населения[2]. В послевоенный период, учитывая масштабы и тяжесть сталинских репрессий против всех социальных слоев, общества главной формой социального протеста стало

[1] Если в 1945 – 1950 гг. по СССР лишь половина всех колхозов выполняла государственные планы поставок хлеба, то в зерновых районах (на Алтае, Кубани, Ставрополье, Тамбовщине, Украине) процент выполнения планов был еще ниже. Прим. авт.

[2] См.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. Ряд исследователей полагают, что в Советском Союзе гражданское общество не было создано.

слоев, общества главной формой социального протеста стало отрицательное отношение к общественному труду, выражавшееся преимущественно в форме прогулов, опозданий на работу, низкой трудовой дисциплины, уклонения от колхозных работ. Сопротивление носило, как правило, пассивный характер, открытые формы были крайне редки, они подавлялись быстро и с чрезвычайной жестокостью. Приведенные в книге цифры опровергают расхожие мнения о трудовом энтузиазме советских людей после войны, связанном с настроением победителей. Следует также помнить, что в начале 50 – х годов в СССР числилось около 2,5 млн заключенных и 2,8 млн спецпоселенцев. Общая вовлеченность лагерного населения в "общественно-полезный труд" была много выше, чем у гражданского населения на воле. Советская модель экономического развития основывалась на принудительном труде, что в первую очередь определяло ее низкую эффективность.

Послевоенный рост промышленности, о котором сообщалось как об очередном успехе советской экономической политики, *не привел ни к каким структурным изменениям ни в экономике, ни в обществе.* Успешная реализация атомного проекта ложилась тяжелым бременем на неэффективную советскую экономику, еще более усугубляла разрыв между военно – промышленным комплексом и гражданскими отраслями. Система управления экономикой, самих экономических институтов после войны усложнялась, но это не помешало СССР "проспать" научно – техническую революцию[1]. Желанная цель советской экономики – догнать передовые капиталистические страны в области высоких технологий – оказалась недостижимой. Все технические новинки внедрялись в промышленное производство максимально медленно и при максимальных социальных затратах. Высокотехнологичные отрасли и предприятия сосуществовали рядом с архаичным производством, что оказывало непрерывное давление на сами основы отечественной экономики. Низкий профессиональный уровень рабочих, неразвитая структура, преобладание ручного труда, нищенская

[1] На июльском Пленуме ЦК КПСС в 1955 г. советское руководство открыто признало увеличивающееся отставание в технологическом отношении экономики СССР от ведущих капиталистических стран. В печати не были опубликованы многие критические замечания из выступлений Первухина, Тевосяна, Косыгина, Кагановича, Маленкова, в которых говорилось о низком техническом уровне отечественной энергетики, непроизводительных простоях в черной металлургии и нефтяной промышленности, сохранении устаревшего станочного парка, низком уровне производительности труда и др. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2717. Л. 234 – 254.

зарплата – характерные черты "скупой" экономики или, по меткому выражению выдающегося французского экономиста Ф. Перру, экономики "ничто за ничто". Сталин достиг предела, решая неотложные задачи экономической политики только внеэкономическими методами.

"Размораживая" сталинскую систему в ходе проведения своего курса на либерализацию страны, Хрущев лишал систему ее главных внутренних скреп в виде страха и принуждения. Иллюзии в отношении возможности реформирования советской системы были окончательно изжиты только к концу горбачевского правления; до этого они составляли важную черту политического мировоззрения многих представителей сталинской правящей элиты – Берии, Маленкова, Хрущева, Косыгина. Другое крыло советского руководства в лице Кагановича и Молотова видели в реформах отход "от марксистско-ленинского курса политики партии", ее ревизию. Либерализация вела к утрате господства государства над обществом, но и общество, привыкшее только подчиняться государственной воле, не имело ясных нравственных гражданских ориентиров и было непредсказуемо.

Список сокращений

АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГУЛАГ – Главное Управление Исправительно-трудовых лагерей
РГАНИ – Российский Государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский Государственный архив социально-политической истории
РГАЭ – Российский Государственный архив экономики.

Оглавление

Научная литература: Монография

Василий Петрович Попов

Сталин и проблемы экономической политики
после Отечественной войны (1946 – 1953 гг.)

Ответственный за выпуск
Р.Г. Пихоя

Редактор
Т.О. Асланова

Компьютерный набор и верстка
О.С. Колосова

Оригинал-макет
И.В. Петров

Лицензия ЛР №020898
от 08.07.99 г.
Сдано в набор 15.01.2002. Подписано в печать 22.05.2002
Тираж 200 экз. Усл.п.л.9,9. Уч.-изд.л.9,3.
Формат 60х80 1/16. Изд. № 23

Издательство РАГС. ОПМТ РАГС. Заказ № 276
119606 Москва, пр-т Вернадского, 84